

ДЕТЯМ ДО ШЕСТНАДЦАТИ

84(3)
К 617

ОУЭН КОЛФЕР

ЧЕТЫРЕ
ЖЕЛАНИЯ

Перевод с английского

Ильи Кормильцева

Художник

Сергей Любаев

24 июня 2004 О.Колфер

И

инострanka

2004

УДК 821.111(417)-93Колфер
ББК 84(4Ирл)-44
К61

Публикуется с разрешения The O'Brien Press Ltd, Dublin

Издательство выражает благодарность за финансовую поддержку Ireland Literature Exchange (Translation Fund), Dublin, Ireland; info@irelandliterature.com www.irelandliterature.com

*Художественное оформление
и макет серии А.Бондаренко*

Колфер О.

К61 Четыре желания: Повесть / Пер. с англ. И.Кормильцева. – М.: Иностранка, 2004. – 318 с., ил. – (Детям до шестнадцати). ISBN 5-94145-229-2

Эта повесть ирландского писателя неожиданна уже тем, что начинается... со смерти героини. Но не спешите пугаться – мрачного в этой сказке ничего нет, а вот смешного – хоть отбавляй. Написанная в современном динамичном стиле, книга Колфера рассказывает о вечных ценностях – доброте, сострадании, прощении – без унылой назидательности и с неподражаемым ирландским юмором на языке поколения интернета и MTV.

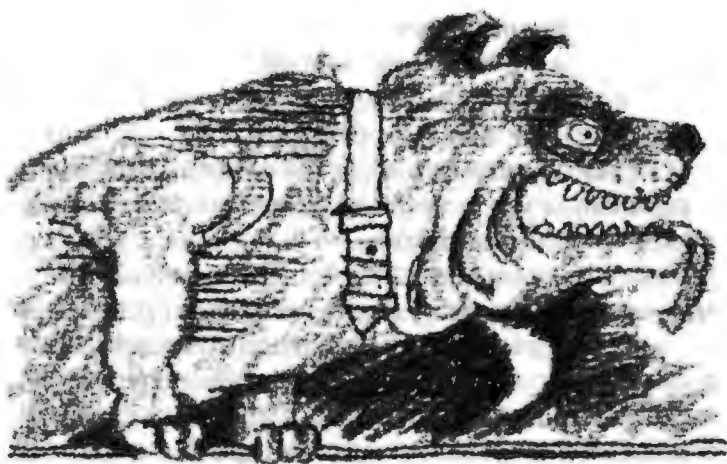
УДК 821.111(417)-93Колфер
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 5-94145-229-2

- © Eoin Colfer, 2000
- © И.Кормильцев, перевод на русский язык, 2003
- © «Иностранка», оформление, 2004
- © С.Любаев, иллюстрации, 2004
- © «Иностранка», издание на русском языке, 2004

*Посвящается
Доналу «Богу Любви»*

Глава I

Криминальный дуэт

Мэг и Отрыжка шли на дело. Мэг и Отрыжка. Так могли бы звать двух клоунов. Но клоуны не грабят по ночам квартиры пенсионеров.

Раптор облизывал ботинки Мэг.

— Ты уверен, что нам нужна эта шавка? — прошептала Мэг, вытирая обслюнявленные ботинки о цветочную клумбу.

Отрыжка на секунду оторвался от изучения оконной рамы.

Его поросячьи глазки злобно поблескивали из-под панковской шевелюры, лоснившейся от геля для волос.

— Знаешь что, Финн, — прошипел он. — Не смей называть Раптора шавкой. Это чистокровный пес, у него есть родословная.

Мэг отвела глаза в сторону.

Отрыжка вновь принялся за окно: ему наконец удалось просунуть кончик отвертки в щель между рамой и подоконником.

Уже в тысячный раз Мэг Финн пыталась понять, что она делает здесь. И как она дошла до жизни такой, что согласилась залезть под покровом тьмы в квартиру какого-то старичка в обществе такого отъявленного мерзавца, как Отрыжка Бреннан? Отражение в оконном стекле взидало на Мэг так, словно хотело пробудить ее совесть. На мгновение девочке показалось, что это призрак ее матери. Такие же большие голубые глаза, такие же заплетенные в косички светлые волосы и даже такая же морщинка между бровями. Что бы сказала мама по поводу ее нынешних походов? Щеки Мэг покраснели от стыда, ответив за нее на этот вопрос.

Тут внутри оконной рамы что-то хрустнуло.

— Есть, — буркнул Отрыжка. — Пошли!

Раптор вскарабкался по стене и нырнул в темноту. Он относился к той породе служебных собак, которых специально натаскивают на борьбу с врагом. Пес руководствовался незамысловатой логикой. Кусай все, что попадется на пути. Если оно закричит, значит, это враг.

Питбули не отличаются особой грацией, поэтому Раптор, очутившись внутри квартиры, умуд-

рился опрокинуть практически всю мебель на первом этаже.

— А не проще было позвонить в дверь? — съязвила Мэг.

— Хватит ныть, Финн, — фыркнул Отрыжка. — Все равно старый Лоури глух как пень. Его не разбудишь, хоть из пушки над ухом стреляй.

Затем Отрыжка принялся перетаскивать свою грузную тушу через подоконник, продемонстрировав при этом складки жира на брюхе. Мэг передернуло. Отвратительное зрелище.

Наконец лицо ее сообщника показалось в темном проеме окна.

— Ну что, Финн, ты идешь или как?

Мэг молчала. Роковой момент настал. До этого речь шла всего лишь о шалости. А теперь — уже о преступлении. И ей предстоял выбор.

— Может, сдрейфила?

Этого Мэг вынести не могла.

— Я не боюсь ничего, Отрыжка Бреннан!

Отрыжка мерзко хихикнул.

— Так докажи!

Отрыжка явно подзуживал Мэг, и девочка это сознавала, но вызов был брошен и она не могла оставить его без ответа. Ухватившись руками за карниз, Мэг проворно залезла в комнату.

Вот как надо лазить в дома, понял, тупица жирный! — надменно заявила девочка.

Она знала, что при других обстоятельствах ей пришлось бы, скорее всего, ответить за подобную

наглость, но даже такой мерзавец, как Отрыжка, не станет тратить время на выяснение отношений с сообщником перед самым ограблением. К счастью, память у Отрыжки была хуже, чем у самой тупой золотой рыбки, поэтому можно было надеяться, что после дела он даже и не вспомнит, что ему сказала Мэг.

В комнате висел тяжелый запах лекарств. Мэг он был хорошо знаком еще с той ночи, что она провела на кушетке в больничном коридоре под дверью палаты, где лежала ее мать. Из-за этого запаха предстоящее ограбление показалось ей еще более отвратительным. Как она посмела? Как ей не стыдно грабить беспомощного старика?

Но ей так нужны были деньги — нужны, чтобы убежать от Франко раз и навсегда. Сестра на паром в Фишгарде и уже не возвращаться назад.

«Думай о пароме, — повторяла она. — Думай о побеге. Ты должна любой ценой раздобыть деньги».

По всей комнате валялись старикиевские вещи. Баночки с пилюлями и флакончики из-под микстуры от кашля, за которые никто и гроша ломаного не даст. Отрыжка на всякий случай все же распахнул их по карманам.

— А если это сердечные пилюли, Отрыжка? — прошептала Мэг. — У деда приступ случится, когда он поймет, что его ограбили. Он умрет без лекарств, и ты станешь убийцей.

Но Отрыжка в ответ только пожал плечами:

— Ну и что? Одним старым козлом меньше. Подумаешь, горе! И вообще, кончай ныть. Как ни крути, ты — соучастница.

Мэг открыла было рот, чтобы возразить, но не смогла. Бреннан говорил сущую правду. Что бы ни произошло здесь сегодня вечером, она в любом случае окажется соучастницей.

— Так что кончай стонать и пошуруй в комод. У этого старого хрена наверняка где-нибудь наличные припрятаны. Так они все делают. Ну, чтобы денежки оставить кому-нибудь из родни!

Еще один перл премудрости из уст Отрыжки. Рука Мэг потянулась к ящику ветхого комода. «Открой его, — сказала она себе. — Открой, и черт с ними, с последствиями». Дрожащие пальцы Мэг перестали гнуться от стыда и страха. Внутри лежали старые фотографии. Пожелтевшие глаза строго смотрели на нее из-под мутного стекла. Мэг не могла заставить себя двинуться дальше. Все же преступление — это намного серьезнее, чем обычная шалость.

Она почувствовала локоть Отрыжки у себя под ребрами.

— Трусиха! — презрительно прошипел напарник.

И тут вспыхнул свет. Старый Лоури Маккол стоял на лестнице с древней двустволкой в руках. Очевидно, он был все же не настолько глух, как считал Отрыжка.

— Кто вы такие? — просипел Маккол сонным голосом.

Вопрос, скажем прямо, дурацкий. Если глубокой ночью ты обнаружил у себя дома двух незнакомцев, которые роются в твоих вещах, кем они, собственно говоря, могут быть?

Лоури ткнул большим пальцем в свою двустволку и повторил:

— Ну так что? Я вам, кажется, задал вопрос?

Отрыжка непринужденно рыгнул (именно за этот талант он и получил свою кличку) и сказал:

— Мы — грабители. А ты что подумал, старый хрыч?

Старик, зевая, начал спускаться по лестнице.

— Верно, пузан, именно это я и подумал. А теперь убери свои грязные лапы от моего комода, пока я тебе дырку в голове не проделал!

Мэг была потрясена. Прямо как по телику! Как в американском кино про полицейских, где у всех героев косички. Если и дальше все пойдет по сценарию, то сейчас Отрыжка должен свалить какую-нибудь глупость и тогда старикан пристрелит их обоих на месте.

Но случилось совсем другое. Раптор наконец обнаружил врага и нацелился на его голую лодыжку, видневшуюся из-под полы халата.

Разинув пасть, так что затрещали челюсти, питбуль прыгнул и вцепился в икру Лоури Маккола. Отчаянно завопив, старик принялся колотить пса ружейным прикладом, но он мог бы с тем же ус-

пехом лупить по бетонной балке. Если уж Раптор во что-нибудь вцепится, то разжать его челюсти могла только команда хозяина или смерть.

Мэг в волнении приплясывала вокруг.

— Отрыжка! Скажи ему, чтобы он прекратил! Скажи!

— Не парься! Будет знать старикан, как в меня из ружья целиться!

— Убери от него Раптора, немедленно! — завизжала Мэг и вырвала ружье из ослабевших пальцев Лоури Маккола.

Отрыжка был потрясен: глупая девчонка ревет! Хнычет, соплячка! Да еще нацелилась ружьем в Раптора!

— Кончай душить, Финн!

Дело принимало забавный оборот. Интересно, эта дурочка хоть знает, как с ружьем обращаться?

— Убери своего пса! Я тебя в последний раз предупреждаю!

Теперь Отрыжка говорил с Мэг медленно, слово уговаривая младенца.

— Это же дробовик, дура. Если ты выстрелишь, то и старику тоже крышка.

Мэг колебалась недолго.

— Мне наплевать. По крайней мере, не будет мучиться. Считаю до трех, Бреннан. Поскольку до пяти ты все равно считать не умеешь.

Отрыжка медленно обдумывал услышанное. Думать быстро было попросту выше его способностей.

— Один...

Неужели Мэг на самом деле выстрелит? Вряд ли, слабо ей.

— Два...

С другой стороны, стоит вспомнить, что она училась со своим отчимом Франко. К тому же это *девчонка*. А от них, от баб, можно ждать чего угодно.

— Тр...

— Хорошо, хорошо!

Лучше не рисковать — потом расквитаемся!

— Раптор! К ноге, мальчик!

Пес недовольно зарычал, не желая выпускать из зубов еще живую добычу.

— КОМУ СКАЗАЛ — К НОГЕ!

Покорившийся питбуль выплюнул остатки лодыжки Лоури Маккола, застрявшие у него в зубах, и потрусил к хозяину.

Мэг подбежала к старику. Тот из последних сил корчился на линолеуме, кровь хлестала из открытой раны. Под красными лохмотьями мяса виднелось что-то белое, и Мэг осознала с ужасом, что это — кость.

— Что мы натворили! — причитала она. — Что мы натворили!

Впрочем, на Отрыжку случившееся не произвело особенного впечатления.

— А чего мы такого натворили? Ну, сыграет старый хрыч в ящик на пару дней раньше — и что с того?

Мэг смахнула слезы с глаз:

— Надо вызвать «скорую помощь», Отрыжка!
Немедленно!

Отрыжка покачал головой:

— Нельзя, Финн. Назад дороги нет.

Взгляд Маккола мутнел с каждой минутой.

— Пожалуйста,— прохрипел он.

Мэг наставила ствол ружья на Отрыжку.

— Убирайся! Вали отсюда.

— Выкинь это из головы, Мэг!

— Я возьму все на себя. А ты — убирайся!

Отрыжка фыркнул в ответ:

— Ну да, скажешь легавым, что сама покусала ему ногу. Так они тебе и поверили!

Это было правдой. Отрыжка Бреннан и его волкодав были известны всем полицейским в городе. Положение казалось безвыходным. Впервые в жизни хитрые речи никак не смогли помочь Мэг Финн вывернуться из трудной ситуации.

Затем дело приняло еще худший оборот. Воспользовавшись замешательством сообщницы, Отрыжка завладел двустволкой. Желтозубая ухмылка озарила его заплывшее жиром лицо.

— Так, так, значит, ты в меня из ружья целилась?

Мэг почувствовала, как слезы подступили к ее глазам.

— Он истекает кровью, Отрыжка. Может быть, он уже при смерти!

Отрыжка опять пожал плечами:

— И что с того?

Затем он перевел взгляд на Мэг и сказал:

— А сейчас я разберусь с тобой.

— Отрыжка! Немедленно вызови...

— Моя репутация под угрозой. Если хоть один из моих дружков узнает, что девчонка посмела грозить мне ружьем и осталась после этого в живых...

Мэг хорошо знала Отрыжку. Речь его обещала быть долгой, поскольку, по его мнению, именно такие речи полагается произносить настоящим бандитам. К концу речи он так разойдется, что станет совсем уже непонятно, чего от него ждать. Мэг решила не выяснять этого на собственном опыте. Не говоря ни слова, она резко повернулась и выпрыгнула в открытое окно.

Отрыжка сделал знак питбулю, только и ждавшему этого.

— Фас, мальчик! Догони ее!

Раптор облизнул клыки и был таков. Хозяин не стал спешить за ним следом. В этом не было никакой нужды. Еще никому не удавалось убежать от Раптора. Он склонился над бледным как смерть пенсионером.

— Не уходи никуда, Лоури. Я скоро вернусь.

Старик ничего не ответил.

Когда Мэг выскочила из окна, в голове у нее сложился план. Она добежит до первого дома, в котором горит свет, и будет барабанить в двери. Уж лучше попасть в лапы к полицейским, чем позволить Лоури умереть. Мэг сделала только одну ошибку, но ошибку роковую. Впопыхах, да еще в

кромешной тьме, она растерялась и повернула направо, вместо того чтобы повернуть налево. Если бы она побежала налево, то попала бы во внутренний двор, куда выходили окна практически всех пенсионерских квартир. Это был путь к спасению. Путь же направо вел во дворик, где размещались телевизионная антенна и газгольдер. Это был тупик.

Раптор завернул за угол и резко затормозил. Во тьме питбуля почти не было видно, если не считать поблескивающих клыков да пара, валившего у пса из ноздрей. Раптор занял ключевую позицию, заблокировав единственную дорожку, которая вела из тупика.

— К ноге! — с надеждой крикнула Мэг. — Ко мне, мальчик!

Если бы собаки умели презрительно усмехаться, то Раптор сделал бы именно это. Он знал, что девчонке деваться теперь некуда.

Тень Отрыжки легла на тесный дворик.

— Фиговая из тебя налетчица, Финн. Это же надо было додуматься — кинуться прямо в тупик!

Два дула пялились на Мэг из темноты, словно два черных зрачка.

— Отрыжка, ради всего святого! Вызови «скорую помощь» — еще можно успеть.

— Боюсь, что уже слишком поздно. Для тебя, по крайней мере.

Металл газгольдера охлаждал спину Мэг. Шов от сварки впивался ей в хребет. Отступить было

некуда. Стволы ружья покачнулись и нацелились на нее.

— Кончай, Отрыжка. Это глупые шутки.

— Это совсем не шутки, Финн.

И верно, он не шутил.

— Ты не станешь стрелять в меня. Стукни меня пару раз, и закончим на этом.

Отрыжка пожал плечами:

— У меня нет выбора. Тебе-то наплевать, ты еще малолетка, а мне уже шестнадцать. Отвечаю за свои действия. То есть мне тюряга светит. И я думаю, что ты меня заложишь.

Еще вчера Мэг бы попросту сказала: «Ты *думаешь*, Отрыжка? Не употребляй незнакомых слов». Но не сейчас. Сейчас перед ней был совсем другой Отрыжка. По крайней мере, таким он казался в темноте.

— Я не стану тебя закладывать, Отрыжка. К тому же я соучастница.

— Это верно. И все-таки...

Отрыжка не закончил фразу. Мэг знала, чего он ждет от нее: она должна была доказать свою преданность. Она должна была сказать то, что он хотел услышать.

— Кому какое дело? — пробормотала она, чувствуя, как слова царапают ей горло, словно битое стекло. — Кому какое дело, если еще один старый козел сыграет в ящик? Мне лично на это глубоко наплевать.

Отрыжка внимательно глядел Мэг в глаза, выискивая в них вранье, и, судя по всему, нашел, что искал.

— Извини, — сказал он, качнув стволами. — Я тебе не верю.

И тут он совершил огромную ошибку. Такую огромную, что в сравнении с ней все остальные ошибки той ночи оказались просто крошечными. Впрочем, это была последняя ошибка, которую совершил Отрыжка в этой жизни.

Мэг догадалась верно: Отрыжка вовсе не собирался стрелять в нее, он просто хотел ее припугнуть. За свое хулиганское прошлое Отрыжка успел познакомиться с огнестрельным оружием во всем его разнообразии. Он прекрасно понимал, что, выстрелив с такого расстояния в Мэг, он попадет в газгольдер, газ рванет, и их обоих разнесет к чертовой бабушке. Но один разок для остротки бабахнуть в воздух — это совсем другое дело. Отрыжка поднял стволы к небу и нажал на спусковой крючок.

Мэг поняла по глазам Отрыжки, что тот собирается стрелять. Он что, спятил?

— Нет, Отрыжка, не надо!

Но было слишком поздно: Отрыжка нажал на спуск и не мог уже ничего изменить. Да Отрыжка и не собирался ничего менять. Его рот расплылся в ухмылке, когда он представил, какое выражение появится на лице у Мэг после выстрела.

Грохот был ужасен, он наполнил собой весь дворик и вырвался через узкий проход наружу. Он порвал барабанные перепонки Отрыжки и Мэг. Но боли они не почувствовали, потому что к тому времени были оба уже мертвы.

Всему виной оказалась одна дробинка — маленький шарик с крохотным заусенцем. Заусенец этот, действуя подобно стабилизатору ракеты, отклонил траекторию дробинки и закрутил ее в спираль. Через какую-то наносекунду после выстрела дробинка уже мчалась по новому курсу, разогревая воздух вокруг себя до очень высокой температуры. Новый газгольдер пережил бы такой удар, но этот газгольдер был старым — на самом деле его следовало заменить еще лет десять назад. Ржавый металл не выдержал напора микроскопического снаряда, и раскаленный добела шарик воспламенил сжатый газ — БАБАХ!

Закопченный осколок металла вонзился в Мэг Финн, и душа ее рассталась с телом.

Первые несколько мгновений жизни в мире духов оказались весьма неприятными. Разум по привычке воспринимал все так, будто тело еще живо, и пытался применить законы физического мира к миру потустороннему. Как я могу *одновременно* лететь куда-то по огромному туннелю и видеть свои останки, распростертые на обломках газгольдера? Это же невозможно. Отсюда неизбежный вывод: все это только снится.

Именно к такому выводу и пришла Мэг Финн. Я сплю. Сначала мне снился кошмар, а теперь мне снится хороший сон, в котором не существует никаких отчимов с топорами или здоровяков-полицейских, пытающихся запихнуть тебя в свой фургон. Она решила расслабиться и получить удовольствие от этого сна!

Туннель был таким огромным, что стен у него, казалось, не было вовсе. Иллюзию эту, впрочем, нарушали огромные кольца голубого света, которые пульсировали вдоль всей его длины, словно это билось сердце какого-то фантастического существа. В более густом, чем обычно, воздухе плавали светящиеся точки. Мэг понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что это люди.

Люди, парящие внутри огромного туннеля? Где-то она уже что-то такое слышала. Какие-то рассказы о туннеле и о свете в его конце.

«Ах, вот оно что! — подумала Мэг Финн. — Наверное, я умерла!» Она ожидала, что эта догадка потрясет ее, но ничего подобного: ей совсем не хотелось ни рыдать, ни заливаться слезами. Складывалось ощущение, что, попав в этот туннель, душа ее хватанула какого-то наркоза, притом что жизнь у Мэг была по большей части скучноватая. Так что смерть может оказаться во всех отношениях только переменной к лучшему. Возможно, ей даже доведется снова встретиться с мамой. Хотя мама, скорее всего, попала на небо, а Мэг сильно сомневалась, что ее туда пустят.

Правда, можно попробовать бить на жалость — грузить Святого Петра байками о социальной среде. Типа: «Я ни в чем не виновата. Это все социальная среда...» и т.д. и т.п. В комиссии по делам несовершеннолетних этот номер всегда проходил на ура. Никто не мог сдержать слез, когда Мэг рассказывала, как мама попала под машину. Да только вот небесных судей этим вряд ли проймешь.

И тут кто-то окликнул Мэг по имени. Ангел, которого послали, чтобы помочь ей с посадкой на небесный аэродром? Голос, впрочем, показался Мэг грубоватым для ангела — ангелы вроде бы играют на арфе и поют такими голосами... ну, ангельскими? А этот голос звучал так, словно его владелец говорил, пытаясь разжевать при этом кусок асфальта.

Мэг медленно обернулась. Она была не одна: прямо у нее за спиной вился еще некто — или нечто. Не то собака, не то мальчик, причем собачьи черты проступали под человеческой кожей, — прямо компьютерная графика какая-то! Зрелище выходило жуткое, кошмарное, но на удивление знакомое.

— Отрыжка? — неуверенно окликнула Мэг уродливое создание. — Это ты?

Голос ее звучал странно, словно его продырявили в нескольких местах. Существо же, которое некогда называлось Отрыжкой, в ответ завывало, как это делают собаки в мультиках. Не оставалось,

впрочем, никаких сомнений, что это был именно ее сообщник. Судя по всему, газгольдер обошелся с юным грабителем и его четвероногим другом безо всякой пощады. Отрыжка и Раптор выглядели так, словно попали в миксер, где их хорошенько перемешали. Как ни странно, новый облик Отрыжке шел. Создавалось даже впечатление, что именно таким его изначально и задумали.

— Отрыжка? Что с тобой случилось?

Мальчикопес в ужасе посмотрел на свои короткие толстые пальчики, которые теперь заканчивались когтями питбуля. Слезы и сопли текли по его лицу и капали вниз с мохнатого подбородка.

«Только не это, — подумала Мэг. — Мало того, что он на Земле меня доставал, так теперь еще и вечность с ним коротать!»

— Мэг, помоги мне!

Отрыжка смотрел на нее трогательными собачьими глазами. Вид у него был при этом самый жалкий.

— Отвали, Отрыжка! Ты меня убить хотел!

И тут ее осенило. Отрыжка ее *убил*! Он убил их всех!

— Убийца! — выкрикнула Мэг.

Прежний Отрыжка за ответом бы в карман не полез. Но этому, новому, было не до того. Услышав обвинение, мальчикопес только жалобно заскулил.

— Это ты во всем виноват, Отрыжка! — кричала Мэг. — Я ведь просила тебя не стрелять. Я ведь просила!

Они пролетели поворот, за которым туннель разветвлялся на два новых. Не надо было долго думать, чтобы понять, что это означает. Вверх и вниз. Добро и зло. Рай и ад. У Мэг в горле застрял комок. Вот оно. Сейчас ей придется расплатиться за все гадости, которые она сделала жителям Нью-Форда.

Их несло к этой развилке с чудовищной скоростью. Трение совершенно отсутствовало. При этом не было и ветра, который раздувал бы полы одежды или врывался в рот. Не было ничего, кроме всевозрастающего жара, которым веяло от входа в нижний туннель. Когда они подлетели поближе, Мэг смогла различить даже угольно-черные фигуры с вилами в руках, отколупывавшие от стен вцепившиеся в них души и подталкивающие их, чтобы те поскорее провалились в Преисподнюю.

Нет, этого не может быть. Это происходит не с ней. Четырнадцатилетние не умирают: преодолев переходный возраст, они живут дальше.

Теперь Мэг уже могла различить отдельные детали. Отблески багрового пламени сверкали в глазах демонических созданий, населявших туннель. Серебром блестели заточенные острия их вил. Самодовольные улыбки профессионалов играли на их мордах.

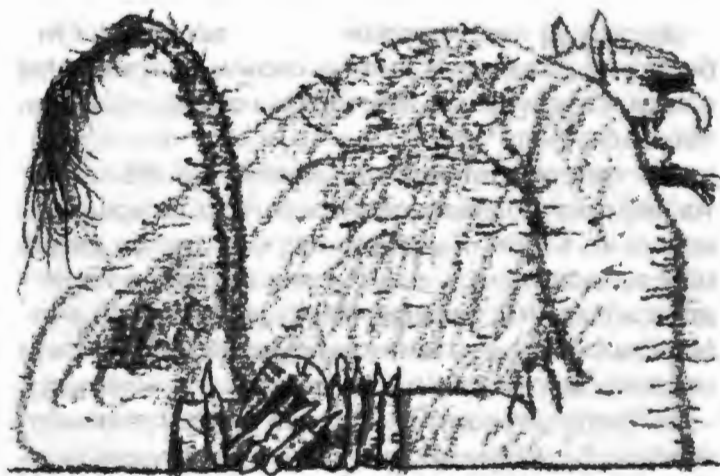
Отрыжка выл, охваченный звериным ужасом, и отчаянно молотил руками в плотном воздухе, словно это могло ему помочь. Мэг же приготовилась к самому худшему.

Адские врата мерцали прямо по курсу. Они были огромны, как солнце, и такие же жаркие. Мэг сжала покрепче кулачки. Она не собиралась сдаваться без боя.

Но тут внезапно курс ее изменился. На какую-то ничтожную долю градуса, но этого оказалось довольно, чтобы она пролетела мимо входа в нижний туннель. Вздых облегчения вырвался из груди девочки. Чистилище, лимб, реинкарнация — Мэг была согласна на что угодно. Все лучше, чем то, что ждало ее в конце этого огненного туннеля.

Гибриду Отрыжки и Раптора повезло намного меньше. В считанные секунды поток раскаленного воздуха подхватил мальчишкопса, закрутил его и унес ко всем чертям. Впрочем, у Мэг не было времени волноваться об участи своего сообщника. Сила, которая влекла ее вперед, внезапно куда-то пропала, и теперь ее душа неслась исключительно по инерции. Внезапно стена туннеля встала перед ней на дыбы. На вид она казалась мягкой. Мягкой и голубой. Ради всего святого, пусть она на самом деле будет мягкой...

Но удача, видимо, отвернулась на этот раз от Мэг: она врезалась в негостеприимную поверхность со скоростью, соответствующей земной скорости в четыреста миль в час. В потустороннем мире, где все законы кинетики можно смело выбросить на помойку, от таких ударов, впрочем, не умирают. Но от этого они не становятся менее болезненными.

Глава II

Мертвее мертвых

Дьявол явно был не в духе.

— Двоих, — сказал он, постукивая аккуратно подпиленными когтями по крышке стола. — Я ждал сегодня двоих.

Вельзевул нервно переступил с ноги на ногу.

— Двое прибыло, Хозяин... ну, в некотором смысле. Они... оно... в общем, у меня там, в девятнадцатом колодце.

— Два *человека*! — прошипел Сатана, и несколько крошечных молний сверкнули у него между рогами. — Два человека, а не один молокосос и его собака! Собака-то как сюда попала, интересно знать?

— Они... их перемешало. Боже побери, первый раз в жизни такое вижу, — заикаясь, доложил адъютант своему повелителю, заглянув в папку. — Мальчик — наш верный слуга. Очень впечатляющие результаты по итогам земного цикла. Хулиганство, жестокое обращение с животными, воровство, убийство. Перечень насильственных преступлений длиной с ваш хвост. А собака — просто настоящая гончая ада. Продажа сыворотки от бешенства возросла на пятнадцать процентов в первом квартале этого года.

Но вся эта информация не произвела на Князя Тьмы особенного впечатления.

— Он болван.

— Кто, пес?

— Нет, кретин! Мальчик. Скотина, лишенная всякого воображения.

Вельзевул пожал плечами:

— Зло есть зло, Хозяин.

Сатана покачал холеным костлявым пальцем.

— Вот тут-то ты и ошибаешься! Именно поэтому ты — всего лишь мой подручный. А я — бесспорный Властитель Преисподней. У тебя нет размаха, Веля, нет масштаба.

Вельзевул бессильно сжал клыки. Он терпеть не мог, когда его называли Велей. Во всей Вселенной, кроме Сатаны, не было ни одного существа, которое посмело бы называть его этой унижительной кличкой... ну, разве что еще один святой, некий Петр...

— У этих грешников, действующих под влиянием минутных порывов, крайне низкий срок эксплуатации. Их средняя продолжительность жизни столь невелика, что обычно они просто не успевают учинить ничего действительно достойного внимания. Один смертный грех — и тут-то ему и крышка. Они не умеют планировать. Не умеют уходить от ответственности.

Вельзевул прилежно кивал головой, как будто ему не приходилось выслушивать эту лекцию по меньшей мере десяток раз в тысячелетие.

— Но одна-единственная творческая натура, встав на путь греха, сможет проповедовать евангелие гибели многие десятки лет, прежде чем ее поймают. Если вообще поймают.

— Верно, Хозяин. Абсолютно верно.

Зрачки Сатаны сузились:

— Ты, часом, не считаешь себя умнее меня, а, Веля?

— Что вы, Хозяин, — нервно проквашал архидемон. — Ни чуточки.

— Рад это слышать. Потому что, если я хоть на мгновение усомнюсь, что ты ловишь каждое мое слово, то ты тут же лишишься этих шикарных апартаментов с видом на Море Огня и переедешь в Навозную Бездну.

Вельзевул облизал раздвоенным языком внешне пересохшие губы. Он ничего не имел против навоза, когда речь шла о работе, но нельзя ведь жить одной работой.

— Но, Хозяин, честное слово, этот мальчик — просто прелесть. Особенно в своем новом... эээ... состоянии. Слегка неотесан, не буду спорить, но я готов поклясться, что из него выйдет первосортный крутильщик вертела.

— Крутильщик вертела! Да нам этих крутильщиков уже девать некуда. Мне нужны архидемоны, мне нужны грешники с чувством юмора!

Дьявол разгладил свою иссиня-черную козлиную бородку.

— Мне нужна вторая душа. Девчонка. Где она? Я намеревался встретить ее лично у ворот.

Вельзевул порылся в бумагах, лежавших в папке:

— Дело в том, что...

— Что?

— Мы следили за ней на протяжении всего туннеля...

— Вы ее потеряли.

Вельзевул уныло склонил голову.

— Единственная душа, за которой я велел тебе следить особо — и ты ее упустил! Похоже, ты стал слишком стар для этой работы, Веля!

— Нет, Хозяин, нет, — заикаясь, принялся оправдываться заместитель Сатаны, которому слишком хорошо было известно, что случается с составившимися демонами. — Система видеонаблюдения неисправна, поэтому нам приходится опираться исключительно на показания туннельных.

А вы же знаете, насколько эти туннельные ненадежны, особенно после того, как нажуются душевных угольков.

Сатана тяжело вздохнул:

— Отговорки, Веля. Одни сплошные отговорки. В нашем распоряжении новейшая технология. Лимбонадзор, Эктонет. И при всем при этом мы опираемся на полный вздор каких-то невменяемых трубочистов.

— Миюши заверил меня, что система выйдет в режим on-line в самые кратчайшие сроки.

Сатана оскалился.

— Знаешь, во сколько мне обошлись все эти игрушки? В целое состояние. А он не может починить даже пару видеокамер.

— Хозяин, надо еще немного подождать...

— Я не могу ждать! Немедленно найдите мне эту заблудшую душу. Возможно, она просто зацепилась за сталактит в туннеле. Если ее можно еще поймать, я требую, чтобы ее поймали.

— Но, Хозяин, — попытался возразить Вельзевул. — Сегодня днем участники конференции юрисконсультгов собираются на автобусную экскурсию вдоль Большого Каньона. Нас ожидает серьезное пополнение.

Сатана вскочил на оба копыта. Его костюм в полоску, пошитый у дорогого портного, вспыхнул синим пламенем и сторел дотла, обнажив скрывавшуюся под ним раскаленную докрасна мускулистую фигуру.

«Просто жить не может без театральных эффектов», — подумал Вельзевул.

— Наплевать мне на юрисконсультов. Со мной что, кто-то судиться собрался? Сомневаюсь. Мне нужна эта девчонка! Ты читал ее досье? Ты знаешь, что она устроила своему отчиму? Блестяще. Оригинально в высшей степени.

Голос Дьявола стал бархатным, почти ласковым. В такие минуты он бывал наиболее обаятелен. И опасен.

— Найди ее для меня, Веля. Найди ее и доставь сюда. Я даже разрешаю тебе послать в туннель бригаду быстрого реагирования. Все что угодно, но она должна быть здесь...

Вельзевул молчал, ожидая угрозы, которая неизбежно полагалась в конце подобной речи.

— Потому что, если ты ее не найдешь, мне придется искать нового работника на освободившееся место. — Сатана выдержал эффектную паузу. — На твое освободившееся место.

После этого Повелитель Преисподней прыгнул в угол, где принялся драть когтями висевшую на крюке коровью тушу. Беседа была окончена.

Вельзевул мчался по пульсирующему коридору, без разбора испепеляя разрядами своих вил все попадавшиеся ему по пути души. Но даже их прощальное пронзительное шипение не радовало, как прежде. Хуже нет, когда Хозяину что-нибудь в очередной раз втемяшится. Подавай ему, видите

ли, именно *эту* душу, и никакую другую! И Боже упаси... Вельзевул нервно моргнул... и *Люцифер* упаси, если ты вдруг не выполнишь его поручения. Вельзевул прибавил ходу. В этом учреждении помянуть имя Творца нельзя было даже в мыслях. Каким-то образом об этом всегда становилось известно Хозяину.

Что, собственно говоря, такого особенного в этой конкретной душе? Подумаешь, какая-то ирландская девчонка. Вообще-то было время, когда заполучить любую душу из «Страны Святых и Ученых» считалось большой удачей, но этот золотой век давно миновал. В настоящее время ирландцев в аду насчитывалось примерно столько же, сколько в Америке.

Вельзевул юркнул в темный закоулок и вытащил из складок своего шелкового кафтана черный мобильный телефон. Прелестная маленькая игрушка. Блестящая и шикарная. Миюши раздобыл ему парочку таких. В полной тайне от всех. Даже шеф не подозревал об их существовании. Крайне коварный поступок со стороны Вельзевула. Но как-никак он демон.

На этом телефоне панель с цифрами отсутствовала, ее заменяли несколько функциональных кнопок. Это была частная линия. Она связывала Вельзевула только с одним абонентом. Бородавчатый палец демона ненадолго завис над кнопкой, а затем надавил на нее. Выбрать не

приходилось. Не рисковать же квартирой. С хорошей жилплощадью тут вообще чертовски сложно.

Святой Петр был явно не в духе. Если он действительно такой крутой святой, то почему ему приходится торчать сутки напролет у райских врат, пока все его коллеги вкушают райское блаженство? Почему бы Иакову не подменить его хотя бы разок? Или, скажем, Иоанну? Или Иуде, в конце-то концов? У Иуды, кстати, перед ним должок. Многие полагали, что мытарю в раю вообще не место. И если бы ваш покорный слуга не замолвил за него словечко, он все еще болтался бы в чистилище в компании всех прочих трудных случаев.

Петр открыл свой гроссбух. Он отдал бы все что угодно за хороший мэйнфрэйм. За мощный сервер с большим количеством рабочих станций. Но компьютерщики редко проходили сквозь Жемчужные врата. Большинство из них направлялись напрямик в противоположную сторону, особенно с тех пор, как Люцифер начал рекламировать новую услугу: «Выкупи назад свою душу через сто лет». Поэтому святому Петру до сих пор приходилось производить подсчеты вручную.

Система баллов была крайне сложна и непрерывно совершенствовалась в течение тысячелетий. И разумеется, каждый год таблица пополня-

лась все новыми и новыми видами прегрешений. Последними дополнениями стали исполнение телевизионных пародий и участие в мальчиковых группах. Обе статьи шли по категории тяжких.

Кроме того, система эта была весьма жесткой. Даже если в итоге у души оказывалось достаточно плюсов, чтобы избежать ада, это еще не гарантировало ей свободный проход на небеса. Существовали также чистилище, лимб и реинкарнация в виде низшей формы жизни. Если итог был спорным, душу вызывали на собеседование с главным апостолом. Поговаривали, что святой Петр нажимает на красную кнопку с надписью «Ко всем чертям» чересчур охотно. Миллионы душ на нижних уровнях загробного мира молились о том дне, когда Петра перебросят на другой участок.

Высоко над челом Петра в лазурном небе мерцало устье туннеля. Это было, несомненно, фантастически прекрасное зрелище, но апостол редко удосуживался поднять голову.

Душа выплыла из устья туннеля и медленно опустилась на пол апостольского кабинета. Святой прошелся пальцем по списку. Луиджи Фабрици. Восемьдесят три года. Смерть от естественных причин.

— *Mi scusi*¹, — сказал итальянец.

— Попрошу за линию, — машинально буркнул Петр, показывая авторучкой на пол.

¹ Извините (*ит.*).

Синьор Фабрицци посмотрел вниз: по краю мраморной плиты тянулась медная полоса — петли, на которых крепился люк.

— Твои дела неплохи, Фабрицци, — изрек Петр на безупречном итальянском. (Дар языков — еще один знак расположения со стороны шефа.) — Начал прямо-таки праведником. А вот за последние десять лет испортил ближним немало крови.

Итальянец пожал плечами:

— Пожилые люди имеют право на слабости.

Петр откинулся на спинку кресла. Итальянцы ему нравились.

— Да что ты говоришь! И где это в Библии сказано?

— В Писании на этот счет и правда ничего нет. Но я чувствую сердцем, что это так.

Петр чуть не заскрипел зубами. Ну кому, кроме итальянца, придет в голову спорить перед райскими воротами?

Он быстро подбил итог в гроссбухе. Просто удивительно, в какую внушительную сумму складываются все эти мелочи в итоге.

— Прямо-таки не знаю, Луиджи. В пятидесятые годы ты водился с мафиози. Боюсь, что это испортило тебе всю картину.

Фабрицци побледнел:

— Вы имеете в виду...

— Увы, — сказал Петр, и рука его потянулась к спрятанной под крышкой стола кнопке с надписью «Лимб».

Итальянец сложил молитвенно руки... и в этот миг зазвонил телефон.

Петр закатил глаза. Вечно этот Вельзевул. Ну почему он ни с чем не может справиться сам? Апостол нажал на кнопку «Receive».

— Слушаю.

— Это я, Вельзевул, — донесся до него приглушенный голос.

— А то я не догадался.

— У нас тут проблема, *compadre*¹.

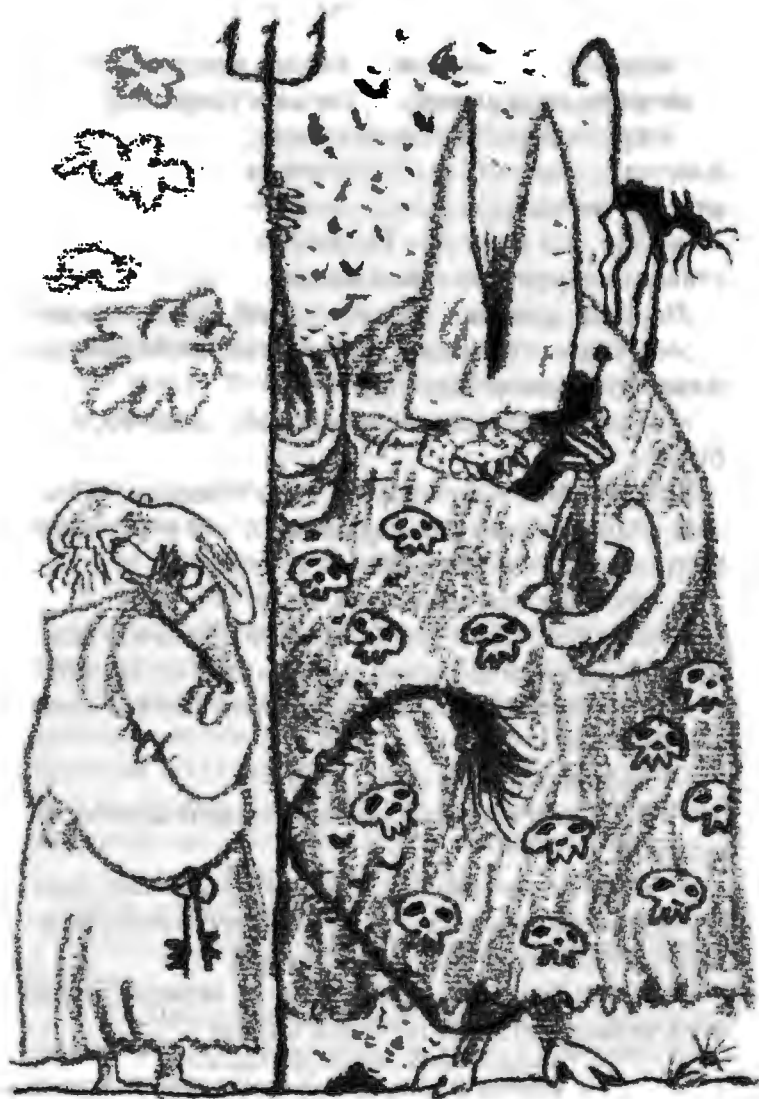
— Мне казалось, ты любишь проблемы.

— Да, но не такие. Под угрозой моя работа.

— Ах, вот как, — сказал Петр. — Это серьезно.

Несмотря на то, что в теологическом смысле апостол и архидемон находились на противоположных концах спектра, между ними за последние несколько столетий возникло нечто вроде рабочих отношений. Конечно, они не позволяли себе говорить на действительно серьезные темы или обмениваться производственными секретами. Но и тот и другой прекрасно понимали, что работают на схожих должностях. Они также понимали, что в их общих интересах удерживать тварей земных от разрушения собственной планеты. В конце концов, какая польза от душ при полном отсутствии тел? И поэтому они общались друг с другом. К настоящему моменту благодаря этим немно-

¹ Земляк (*ит.*).

гословным беседам уже удалось предотвратить несколько покушений на глав государств и одну мировую войну. Если Вельзевула сместят, еще неизвестно, удастся ли сговориться с тем, кто займет его место.

— Эээ... *mi scusi, San Pietro*¹!... — встрял Луиджи, ставший вдруг очень вежливым.

Петр раздраженно махнул рукой в его сторону.

— А, снова ты? Ладно, проходи давай. И больше с гангстерами не водись.

— *Si, si*, я больше с гангстерами водиться не буду!

Луиджи поплыл в сторону рая, чудесным образом становясь на глазах все моложе и моложе. Петр вернулся к прерванной беседе.

— Ну, так в чем проблема, *Веля*?

И ухмыльнулся в трубку. Наверняка на том конце провода сейчас изрыгают пламя, но ничего, придется проглотить пилюлю, если без помощи не обойтись.

— Хозяину нужна одна душа.

— Неужели ему мало конференции юрисконсультов?

— Дело не в этом. Ему нужна конкретная душа. Я подумал, что если она у вас, за Жемчужными вратами, то мы могли бы сторговаться.

— Абсолютно исключено. Мы не можем отправить невинную душу гореть в Геенне.

¹ Извините меня, Святой Петр (*ит.*).

— Ну, не такая она и невинная. Мы ее ждали тут у нас сегодня. Уж не знаю, как ей удалось улизнуть.

— Гм. — Петр почесал свою седую бороду. — Дай-ка мне ее данные.

— Сейчас. Мэг Финн. Четырнадцать лет. Ирландка. Взрыв газгольдера.

Петр начал рыться в своих записях.

— Эф. Эф. Финн. Финн, вот она здесь! Впечатляющий список грехов. Заслуги практически отсутствуют. Только один жирнющий плюс в самом конце. погоди, мне нужно произвести подсчеты.

Петр пробежался пальцем по колонкам минусов и плюсов, суммируя их в уме.

— Гм. Это просто невероятно!

— В чем дело?

— Подожди минутку, Веля, я отправлю e-mail на твой номер.

Миюши оборудовал оба телефона сканнерами, факсами и электронной почтой. Петр провел трубкой над соответствующей страницей и нажал на кнопку «Send». Через несколько секунд он услышал, как его собеседник воскликнул:

— Да чтоб мне провалиться!

Петр чуть не расхохотался.

— Что, у тебя получился тот же результат, что и у меня?

— Да. По нулям. Нейтральный баланс. Она спасла свою душу в последнюю минуту. Я такого не видел со времен...

— Со времен того самого рок-певца, волосатого такого?

— Ага. А помнишь, что он натворил, когда воскрес?

Петр осекся на какое-то мгновение, а затем сказал:

— Это щекотливый вопрос, Веля. С таких вещей и начинаются войны.

— Я знаю. Нет ничего хуже, чем когда на какой-нибудь отдельной душе свет клином сойдется.

— Давай закроем эту тему, Вельзевул. Хватит того, что в мире смертных уже прозвучал один выстрел.

— Разумеется, — примирительно отозвался демон. — Все равно это теперь не в нашей власти. Пусть девочка сама выберет себе свою участь. Никто в этом мире не стоит того, чтобы посылать за ним Душелова.

— Гм, — сказал Петр, не на шутку огорченный сговорчивостью Вельзевула. — По крайней мере до тех пор, пока между нами существует взаимопонимание.

— Чудненько, — прошипел демон в трубку, нажимая кнопку «Terminate».

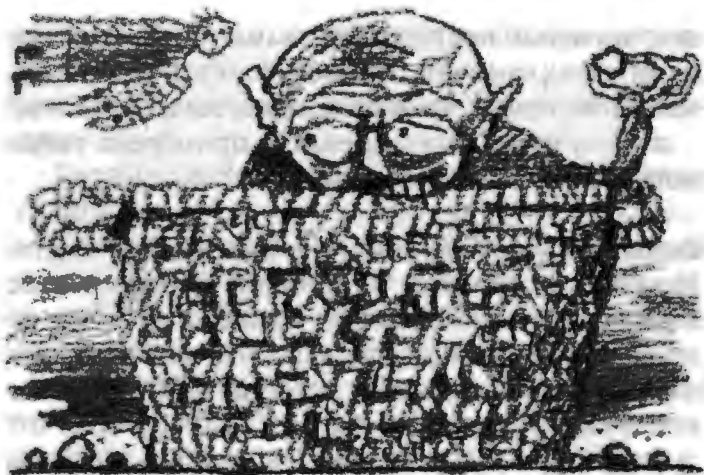
Петр сунул мобильник обратно в карман. Вряд ли этим дело кончится. В голосе Вельзевула явно сквозило коварство. Наверняка он намеревается послать на землю Душелова — демона, который разыскивает пропавшие души. Петр был в этом абсолютно уверен. Вельзевул готов пойти на этот

глава вторая

шаг, чреватый непредсказуемыми последствиями в мире смертных, ради какой-то ирландской девчонки. Кто такая, в конце концов, была эта Финн? И почему именно она внезапно приобрела такую популярность во всей вселенной?

Вельзевул высунул нос из укрытия. Все чисто. Итак, Финн придется вернуться в мир смертных. Ну что ж, будем надеяться, ненадолго. Он уж об этом позаботится. Не дольше, чем понадобится для того, чтобы добавить несколько минусов к ее послужному списку. И тогда Люцифер получит драгоценную душу. А Вельзевул усидит на своем кресле до следующего аврала.

Ну, солгал он Петру. Подумаешь! В конце-то концов, он демон или кто? Чего другого от него ожидал этот чистоплюй в белом балахоне?

Глава III

Неокончателъная кончина

Мэг ужасно не хотелось открывать глаза. Пока веки оставались закрытыми, можно было придумывать различные объяснения тому, что с ней случилось. Вот и все. Она с удовольствием так бы и лежала все время, не выглядывая, что там творится за пределами ее головы.

Итак она чувствует боль во всем теле не потому, что столкнулась со стеной голубого небесного туннеля, а потому, что взорвался газгольдер. Это объясняет и то, почему она лежит плашмя. Несомненно, она получила тяжелые телесные повреждения и попала в больницу. Но она жива. А гал-

люцинации, скорее всего, вызваны наркотиками, которыми ее накачали врачи. Она бы рассмеялась своим прежним мыслям, если бы не ужасная боль под ребрами. Ну что же, все ясно. И звучит это гораздо убедительнее, чем прежнее объяснение. Ну, то, в котором фигурировали мальчикопсы и гигантские туннели.

Мэг так уверовала в свою новую теорию, что решила приоткрыть веки. Все вокруг оказалось голубым. Абсолютно голубым. Впрочем, это еще не повод для паники. Стены могли покрасить в голубой цвет и в больнице. Говорят, голубой цвет успокаивает.

И тут два налитых кровью глаза, лишенных тела, моргнули в беспредельной голубизне, окончательно разбив этим все надежды Мэг на счастливый конец ее приключения.

Затем чуть-чуть пониже глаз материализовался ряд покрытых копотью зубов.

— Ничего подобный никогда не встречать, — произнес призрачный рот.

Перед лицом такого зрелища избранная Мэг тактика, которую можно было назвать «ничего не вижу, ничего не слышу», выглядела, в лучшем случае, неубедительно. Мэг вскочила на ноги и попятилась, пока вновь не уткнулась в стену туннеля. Ну вот, снова этот туннель. Похоже, от больничной теории не оставалось камня на камне.

— Свечение ауры, — продолжал рот, не обращая ни малейшего внимания на испуганную девочку. — Голубой, красный, лиловый. Ой-ой-ой!

И тут Мэг удалось разглядеть лицо и конечности, окружавшие похожие на бруски зубы. Какое-то существо стояло на карнизе, протянутом по одной из стен туннеля на всем его протяжении. Оно походило на крошечного человечка, голубая кожа которого идеально сливалась с окраской стен. Безупречная маскировка.

— Ты кто? — прохрипела Мэг.

— Ты кто спросить девочка, — фыркнул человек. — Я здесь жить. Ты тут упасть. И здрасьте не сказать? И как здоровье не спросить? Одна невоспитанность и грубость.

Мэг размышляла, что ей делать дальше. Существо было невелико: может, попробовать стукнуть по нему камнем, а затем забраться на карниз и убежать отсюда? Но куда она убежит? И что ее там ждет?

Существо почесало острый подбородок.

— Не надо сердиться на Флит, молодой госпожа. Все мимо пролетать, никто с Флит не говорить. Мимо лететь, мимо, мимо. Фьюить, фьюить, фьюить.

— Где я? — спросила Мэг.

Флит изумленно развел руками.

— Где? Туннель, девочка. Жизнь, потом смерть, потом туннель.

Мэг вздохнула. Именно этого она и опасалась. Значит, она все же умерла.

— Кто же ты тогда?

— Когда-то человек, — вздохнуло существо. — Плохой человек. А теперь трубочист. Флит виноват, туннель скобли. Девочка, сюда смотреть.

Из углубления в стене Флит извлек плетеную корзинку.

— Душевные угольки. Туннель засоряться.

Мэг заглянула в корзинку. Она была до краев полна мерцающими камешками. Голубыми, разумеется. Возможно, ей это почудилось, но она готова была поклясться, что камни поют.

Флит ласково погладил камешки:

— Двести корзин собрать. Потом Жемчужные врата.

Мэг кивнула. «Это не лишено смысла, — подумалось ей. — Что-то вроде небесной коммунальной службы».

— И что это все... значит? Я теперь... тоже... трубочист?

Это предположение донельзя развеселило Флита.

— Девочка? Трубочист? О, нет, нет и нет, *negator!*¹ Девочка одна такой на миллион миллиардов. Лиловый свечение ауры!

— Ничего не понимаю...

Флит постучал по лбу Мэг костяшками пальцев.

— Уши разувать, девочка! Голубой ходить Жемчужные врата, красный ходить ад, лиловый ходить ни туда, ни сюда.

1 Исключено (*лат.*).

Мэг взглянула в сторону туннеля. Души свежеспеченных покойников проносились мимо ее убежища возле карниза. Некоторые пролетали так близко, что Мэг могла прочитать изумление в их глазах.

— Что за свечение? Я ничего не вижу...

В ответ Флит провел голубой ладонью у нее перед глазами, и она все поняла. За каждой душой тянулся след, похожий на электрический разряд. У одних душ он был алым, у других — небесно-голубым. Те, что светились красным, выхватывались из общего потока и, кружась, устремлялись в бездну. Мэг посмотрела на собственную руку: лиловые искорки плясали на кончиках ее пальцев.

— Видеть, девочка? Лиловый свечение! Ни рыба ни мясо. Ни то ни се. Фифти-фифти.

Мэг пыталась понять, куда клонит Флит.

— Так что же со мной будет?

— Нет рай. Нет Преисподняя. Назад.

— Назад?

Существо, некогда бывшее человеком, кивнуло:

— Назад. Исправлять зло.

— Исправлять зло?

— Девочка глупый, как попугай, — рассердился Флит. — Человеческий язык не понимать. Зло сделанный в земной жизнь. Назад, назад, лететь назад. Исправлять. Потом свечение голубой-голубой, просто прелесть.

Призрачное сердце Мэг забилося быстрее.

— Я смогу вернуться? Снова стать живой?

Флит кашлянул и захлопал в ладошки от восторга.

— Живая? Нет. Привидение — у-у-у! Помогать, кого обижать. Применять душевные угольки.

Поддерживать беседу с Флитом было непрос-то. Трубочист не общался с другими людьми так давно, что забыл большую часть слов, не говоря о грамматике. Насколько Мэг удалось его понять, у нее сейчас был выбор. Продолжать торчать здесь в туннеле или отправиться на землю и попытаться поправить то, что случилось на квартире у старого Лоури. Тот еще выбор. Между одним бормочущим созданием и... еще одним бормочущим созданием. Впрочем, разве можно как-то исправить совершенный грех? Что ей теперь полагалось делать?

— Спешить, девочка, — посоветовал Флит. — Время идти, тик-так, так-так, тик-так. Терять нельзя.

Мэг посмотрела на свою ауру. В ней начали появляться тоненькие красные прожилки. Мэг сглотнула слюну. Как только энергия ее призрачного тела израсходуется, она отправится следом за Отыржкой. Она чувствовала, как Преисподняя притягивает ее, словно Северный полюс — магнитную стрелку. Целые клочки ауры отрывались от нее и тут же втягивались в бездну, будто пушинки в пылесос.

— А как мне вернуться обратно?

Голубое существо в ответ пожало плечами.

— Флит не знать. Никогда раньше такое не встречать. Только слышать от другие трубочисты.

— И что говорили другие трубочисты?

Флит показал на твердую, точно мрамор, стену.

— Ходить насквозь.

— Я уже пробовала, — сказала Мэг, потирая макушку. — Ничего не вышло.

Флит зевнул.

— Не думать стена. Думать дырка.

Это чем-то напомнило Мэг психологический прием, которым пользуются любители серфинга.

— А ты уверен? — спросила она.

— Нет, — признался трубочист. — Кранк мне сказать.

Кранк? Скорее всего, еще одно косноязычное голубое существо. Мэг попыталась привести свои мозги хотя бы в относительный порядок «Дыра», — подумала она. Дыра, дыра, дыра. Мысль о дыре заполнила все ее сознание, эта мысль вертелась в пустоте, словно маленький смерч. Вскоре в голове у Мэг что-то начало с грохотом пульсировать в такт этому слову. Дыра, дыра, дыра. С ней происходило что-то небывалое: при жизни ей никогда не удавалось надолго сосредоточиться на одной-единственной мысли. Может быть, в том-то и дело. После жизни ее уже ничего не отвлекало.

Мэг вытянула руку. Стена явно была не такой твердой, как раньше. Она словно приобрела текучесть, и по ее поверхности пробегало нечто вроде медленных волн. Наконец пальцы Мэг прорва-

ли поверхность стены и погрузились внутрь. Серебряные искры плясали вокруг того места, где рука ушла в стену.

— Ну что, видеть? — торжествовал Флит.

Мэг извлекла руку обратно и на пробу согнула пальцы. Пальцы были в полном порядке, насколько они могут быть в порядке у мертвой девочки.

— Давай, девочка, давай, — подгонял ее Флит. — Ад близко здесь быть.

Мэг кивнула в знак согласия. Чем дальше она будет держаться от этого места, тем дольше продержится ее лиловое свечение. А Мэг теперь потребуется каждая крупинка жизненной силы, сохранившаяся в том, что осталось от ее тела, чтобы добраться до квартиры старика Лоури.

— Ладно, я пошла. Надеюсь, ты не ошибся и эта дорога не приведет меня прямиком в ад.

— Нет, нет, нет! Флит теперь верить. Так ты прямо ходить домой-домой.

Мешкать больше не было ни малейшего смысла. Нырок в стену — и будь что будет! Мэг никогда в жизни ничего не боялась, так зачем же начинать бояться после смерти? Она сделала глубокий вдох и...

— Девочка, подождать!

— Что такое? — выдохнула удивленно Мэг.

— Вот.

Флит вложил что-то в ее руку. Два маленьких камешка из корзинки. Голубые с серебряными прожилками.

— Душевные угольки. Запасные батарейки.

— Спасибо, Флит, — сказала Мэг, запихивая камни поглубже в карман своих галифе.

Только этого ей не хватало. Камней в кармане. Впрочем, не стоит выкидывать их прямо на глазах у этого забавного паренька. Он может обидеться.

— Вот теперь, девочка, ходить! Быстро-быстро ходить! Быстро как Road Runner.

— Бип-бип, — нервно отозвалась Мэг.

Она вновь направилась к стене, выглядевшей неприступной, как скала. Сначала искры заплясали вокруг запястий Мэг, затем — вокруг ее локтей, а затем Мэг исчезла вся целиком.

Миюши возился у Отрыжки в черепной коробке.

— Ну что? — нетерпеливо поинтересовался Вельзевул.

— Не торопите меня, — буркнул миниатюрный японец, даже не удосужившись поднять глаза от желеобразного мозга, в котором он ковырялся.

— Времени у меня в обрез, Миюши. Скажи мне только: стоит его спасать или нет?

Миюши выпрямился и стер слизь с пальцев.

— Не в этом состоянии. Все выгорело, как при коротком замыкании. При соединении с собачьим мозгом его мозги просто расплавились. В буквальном смысле.

На кончиках ногтей Вельзевула заплясали искры.

— Бог меня побери! Мне нужно получить хоть какую-то информацию об этой девчонке!

Компьютерный гений криво улыбнулся:

— Нет проблем, Вельзевул-сан. Я скачаю информацию во внешний буфер.

Компьютеры были для второго по значению лица в Преисподней такой же великой тайной, как и пресуществление даров.

— Внешний буфер?

Губы Миюши расплылись в гадкой улыбке.

— На земле профессиональная этика не позволяла мне развернуться в полную силу. Теперь же...

Заканчивать эту фразу не было нужды. В аду проблема прав человека была решена раз и навсегда. Миюши с ловкостью фокусника извлек из своего ящика с инструментами нечто похожее на небольшой монитор на металлическом колышке. Без малейших колебаний программист воткнул этот колышек в то, что еще оставалось от мозга Отрыжки.

Вельзевул поморщился. Миюши был жуткой личностью. Доктор Франкенштейн выглядел рядом с ним просто пай-мальчиком.

— Мозговой зонд. Славненькая штучка, я ее просто обожаю. Питание обеспечивают электрические импульсы самого мозга. Гениальное изобретение, скажу без ложной скромности.

— Несомненно, — подтвердил Вельзевул, чувствуя, как к горлу подступает легкая тошнота.

Миюши извлек из кармана своего дорогого костюма пульт дистанционного управления, испачкав шелк ошметками мозга.

— Теперь давайте посмотрим, что видело перед смертью это существо.

Крошечный экран ожил и два демона увидели на нем самих себя, такими, какими они представляли зрению Отрыжки. Зрелище еще то — тягостное зрелище, прямо скажем.

— Что ты за цирк устроил, идиот!

Миюши закусил нижнюю губу, чтобы удержаться от полного ответа. Вельзевул отметил про себя, что за Миюши нужен глаз да глаз. Программист явно начинает задаваться.

— Сейчас перемотаю.

Изображение поплыло и начало перематываться в обратную сторону. Отрыжка пролетел по туннелю назад и вновь родился на свет. Исключительно в своем сознании, разумеется.

— Отлично. Теперь показывай.

На экране Отрыжка невозмутимо взирал на корчащегося пенсионера.

— Мне нравится этот мальчик, — прокомментировал Миюши. — Чувствуется талант.

— Старательный болван, — фыркнул Вельзевул, впрочем, лицемерно. — Хорошо, останови на этом кадре.

Миюши нажал на кнопку, и воспоминания Отрыжки застыли в неподвижности. На трясущемся стоп-кадре можно было разглядеть, как Мэг Финн заботливо склонилась над раненым стариком.

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул Вельзевул. — Девчонка попыталась спасти его! Именно поэтому она сорвалась у нас с крючка. Какова вероятность подобного поступка? Наверное, не больше чем одна миллионная?

Миюши посоветовался со своим калькулятором, маленьким, как кредитная карточка.

— Одна восьмидесятисемимиллионная, — со вкусом уточнил он.

Вельзевул сосчитал про себя до десяти. Требовалось терпение святого для того, чтобы разговаривать с этим умником, а Вельзевул отнюдь не был святым. Он угрожающе ткнул своим трезубцем в сторону программиста.

— Эта дрянь в нынешнем виде годится только на помойку. Тебе туда же дорога, если не сумеешь как-нибудь подлатать ее.

Миюши, ничуть не испугавшись, осклабился в ответ:

— Нет проблем, Вельзевул-сан. Я снабжу его виртуальной голограммой-навигатором и сделаю апгрейд операционной системы, что позволит вывести его из оцепенения и довести до — простите за невольный юмор — до озверения.

— А до осатанения ты не можешь его довести?

— Абсолютно исключено. Его черепная коробка не выдержит. Для того чтобы нести в себе подлинное зло, годится далеко не всякая голова. Для этого нужна личность, нужен характер. А из данного экземпляра никогда не удастся сделать ничего, кроме обычного мордоворота.

— Тогда пусть хотя бы озверееет как следует.

Ухоженные коготки Миюши забежали по кнопкам дистанционного пульта.

— Программа, которую мы введем в него, в сочетании с собачьими генами превратит его в автомат, лишенный собственной воли. Однажды приведенный в действие, он не остановится, пока не выполнит задачу или пока не исчерпаются его жизненные силы.

Миюши нажал на кнопку «Send», и тут же байты информации потекли через мозговой зонд в нервную систему Отрыжки, отчего по телу мальчикопа пробежала судорога.

— К чему, однако, вся эта спешка? — поинтересовался Миюши. — Что за работу вы собираетесь поручить этому парню?

— Это — мой новый Душелов, — сказал Вельзевул, и глаза его загорелись. — Он поможет нам разыскать и вернуть одну пропавшую душу.

Миюши погладил свою козлиную бородку — миниатюрную копию той, что носил сам Сатана.

— Тогда я, пожалуй, лучше накачаю его стимуляторами. Введу несколько кубических сантимет-

ров раствора душевных угольков прямо в кору головного мозга. И тогда он у нас забегает, как.. щенок.

— Как щенок? — переспросил Вельзевул. — Значит, ты так и не сумел отделить его от этого чертова пса.

— Нет, Вельзевул-сан. Мэйнфрэйм подвергся весьма значительным разрушениям.

— Мэйнфрэйм?

В душе Вельзевул полагал, что Миюши использует все эти мудреные технические термины только для того, чтобы задурить ему, Вельзевулу, голову. И, в общем, не ошибался.

— Мэйнфрэйм в данном случае — это его головной мозг. Представьте себе, что вы пытаетесь отделить соль от воды в растворе при помощи ложки.

Миюши разъяснял все это тоном, в котором сквозило с трудом скрываемое превосходство.

— Как скоро он будет готов?

Миюши раздраженно пожал плечами:

— Понадобится день, возможно, даже два.

Вельзевул был сыт по горло выходками японца. К сожалению, при данных обстоятельствах испелить Миюши он не мог, но кто мешает ему поставить самонадеянного компьютерщика на место?

Демон накопил на остриях своего трезубца заряд достаточной силы и направил его Миюши

пониже поясницы. Программист подпрыгнул на такую высоту, которая под силу далеко не каждому прыгуну на Олимпийских играх.

— Он должен быть готов через два часа. Если этого не произойдет, то ты познакомишься с моими вилами уже по полной программе.

Миюши покорно кивнул, с трудом сдерживая готовый вырваться изо рта крик.

Вельзевул улыбнулся, почувствовав, что к нему возвращается хорошее настроение.

— Отлично. Я рад, что мы понимаем друг друга.

Демон повернулся, чтобы уйти, полы его черного шелкового кафтана закружились вокруг щиколоток.

— Ах да, кстати, Миюши...

— *Хай*, Вельзевул-сан?

— Будь хорошим мальчиком, не забудь потом привинтить ему обратно крышку черепа.

Глава IV

Незванные гости

Нога Лоури Маккола предсказывала дождливую погоду.

Прошло два года с тех пор, как чертов кобель вырвал из нее клочок мяса, но нога так до конца и не зажила. И не заживет никогда. Врачи сказали, что он останется хромым до конца своих дней. Лоури засмеялся безрадостным смехом. До конца его дней? Смешно!

Он закурил толстую вонючую сигару. Он снова начал курить. А почему бы и нет? Живет он один, а умрет все равно раньше, чем никотин успеет убить его.

Не всегда жизнь казалась ему сплошным унынием и кошмаром. Все переменялось не так давно. Скорее всего, в ту самую ночь два года назад, когда он лежал на полу и чувствовал, как эта самая жизнь вытекает из него вместе с кровью на линолеум. Именно тогда его осенило, что он скоро умрет. Если даже не сегодня, то все равно скоро. И с этого момента он потерял всякий интерес к жизни. Зачем жить? Ради царствия небесного? Не смешите меня. Нет правды на этом свете, так откуда ж она возьмется на том? Ради чего тогда стараться? К чему пытаться быть хорошим? Лоури так до сих пор и не смог найти ответа на этот вопрос. И пока он не сможет его найти, никто никогда ему не докажет, что во всем этом есть хоть какой-нибудь смысл.

Лоури провел все утро, глядя в окно, и это занятие ему уже слегка поднадоело, так что он решил переключиться на телевизор. Дневные телевизионные программы — развлечение для тех, у кого уже все позади. Посмотрев в течение пяти минут учебную программу для самодеятельных художников и передачу «Готовьте с нами», Лоури понял, что он пока еще не настолько безнадежен, и выключил телевизор. Лучше пойти в сад и прополоть грядки.

Но, очевидно, его нога не ошиблась в прогнозах, потому что в ту же минуту дождь принялся моросить над крошечным сквером, который городской совет оптимистически именовал «зеле-

ной зоной». Лоури вздохнул. Неужели все ушло навсегда? Неужели ему никогда вновь не стать тем бодрым и энергичным человеком, которым он всегда был? Ради чего он жил?

Подолгу размышляя над этим вопросом, Лоури сумел выделить в своем прошлом несколько ключевых моментов. Моментов, когда ему предстояло сделать выбор, и он сделал его неправильно. На его плечи давил тяжелый груз совершенных ошибок. Того, что он должен был сделать, мог сделать, обязан был бы сделать. Впрочем, все эти размышления были совершенно бесполезны, раз он все равно не мог ничего изменить в прошлом. Лоури приложил руку к груди — сердце стучало неровно и глухо. Нет, менять что-либо уже поздно.

Так как же все-таки убить этот восхитительный денек? Может быть, принять лекарство? Или дохромать до газетного киоска? Или — о восторг! — сыграть в лото в культурном центре?

Из загробного мира Мэг Финн попала прямоком в кресло Лоури Маккола. И, поскольку она больше не думала «ДЫРКА», кресло это оказалось для нее таким же твердым, как для вас или для меня. Пружины кресла возмущенно скрипнули, и оно покатилося по полу на своих латунных колесах.

Лоури рухнул на пол, но вовсе не потому, что упал от страха в обморок. Он рухнул потому, что покотившееся кресло выбило у него из рук трость,

на которую Лоури опирался. Падая, он схватился за оказавшийся по соседству стеллаж с книгами. Это было ошибкой. Перегруженный книгами стеллаж наклонился под опасным углом и обрушился всем своим весом на пенсионера.

После этого все участники происшествия пребывали некоторое время в оцепенении. Мэг смотрела изумленным взглядом на целый столб пыли, который она выбила из подушек кресла, не чистенных, наверное, целую вечность. Пыль. Настоящая пыль. Материальная. Мэг вернулась обратно. Кто знает, может, она никуда и не исчезала? Кресло выглядело абсолютно реальным. Вот еще одно вполне вероятное объяснение: взрывом ее швырнуло обратно в окно квартиры старого Лоури и она упала прямо в кресло. Гм. Сомнительно. В этой теории отсутствует несколько важных звеньев. С другой стороны, поверить в это ничуть не труднее, чем поверить в светящиеся стены туннеля, лиловое свечение ауры, трубочистов с голубой кожей и тому подобные чудеса.

Лоури наконец удалось разобраться с обстановкой.

— Это ты! — донесся его сдавленный голос из-под груды старых журналов. — Мэг Финн!

— Что? — рассеянно переспросила Мэг.

— Но ты же умерла! Я сам видел тело!

Ах, вот как. Еще одна теория на подходе.

— Мое тело?

— Да. Неприятное зрелище, скажу я тебе.

Мэг поморщилась. Должно быть, она и вправду выглядела паршиво после того, как ее отскребли от газгольдера.

— А что у меня было с лицом?

— От зубов, во всяком случае, ничего не осталось.

Тут до Лоури дошла пара вещей. Во-первых, он беседует с покойницей. Во-вторых, он совершенно не может дышать!

— А сейчас я как выгляжу? — отважилась спросить Мэг.

— Хххххр... — прохрипел Лоури, и лицо его при этом посинело.

— Что, так плохо?

Старик, израсходовавший на светскую беседу весь запас воздуха, имевшийся у него в легких, показал пальцем на тяжелый стеллаж, сдавивший его грудную клетку.

Мэг все поняла. Она соскочила с такого уютного и такого реального кресла и изо всех сил потянула за край стеллажа. Тяжелый стеллаж из сосновых досок поднялся и встал на место с такой легкостью, словно это был не стеллаж, а блюдечко. Поднять его оказалось для Мэг не труднее, чем подбросить в воздух монетку. Стеллаж ударился о стену, оставив вмятину в штукатурке. Книги, стоявшие на полках, свалились и, порхая, словно многокрылые мотыльки, упали на пол.

— Вот это да! — воскликнула Мэг, глядя на свои руки.

Руки выглядели точно так же, как и всегда. Они не раздулись, как у моряка Полая, — ничего подобного. И тем не менее они почему-то стали раз в десять сильнее.

Лоури со свистом втянул в себя воздух.

— Кхе-кхе, — прокряхтел он.

— Пожалуйста, — сказала Мэг, сгибая и разгибая пальцы.

— А я, кажется... кхе... не говорил тебе «спасибо», преступница малолетняя!

Мэг была потрясена.

— Но я же только что...

Лоури, все еще лежа, погрозил ей кулаком.

— Что «ты только что»? Ты ворвалась в мою квартиру, а твоя собака отгрызла у меня кусок ноги!

— Но это была не моя...

— И теперь я останусь калекой до конца моих дней!

— Только вот этого, пожалуйста, не надо! Не заговаривайся.

— Я заговариваюсь?

— По крайней мере, ты жив! — отрезала Мэг, чувствуя себя слегка задетой. — Это меня размазало по газгольдеру, а не тебя!

Лоури осекся. Девочка была права. Если это вообще девочка. Если это все ему не просто привиделось. Кислородное голодание может вызывать галлюцинации. А стеллаж, придавивший грудную клетку, может вызвать кислородное голодание.

— Кто ты такая? Ангел?

Мэг фыркнула.

— Я — ангел? Я полное ничтожество. Меня ни в ад, ни в рай не берут. Я — ни то ни се. Поэтому и вернулась сюда. Чтобы помочь тому, против кого я согрешила, — если верить одному типу с голубой кожей.

Тут Лоури вообще перестал что-либо понимать. Типы с голубой кожей, девочки, которых ни в ад, ни в рай не берут, — что за чушь несет эта соплячка? Кто эту молодежь разберет? Нынешние дети с их рэпом и кольцами и живыми-то не укладывались в сознании. Но все же кое-что из сказанного странной девочкой там застряло.

— Так, значит, рай существует?

Мэг пожала плечами:

— Похоже на то. Все зависит от цвета ауры. Красная она или голубая. Или лиловая, как у меня.

Еще одна загадка. А может, просто бред сумасшедшего. Кто знает? Возможно, все это происходит только в его мозгу и поэтому ко всем этим... скажем так, вещам, нужно относиться спокойно.

— Итак, ты пришла помочь мне?

Мэг подозрительно покосилась на Лоури:

— Допустим.

Лоури с трудом приподнялся на локте.

— Что ж, ты сильно припозднилась! Теперь ты мне уже не поможешь. И никто не поможет!

— Подумаешь, укус в ногу! Бывают вещи и похуже!

Старик принялся шарить по сторонам, разыскивая свою палку.

— Я не про это, идиотка! С тех пор уже два года прошло!

Если в крови у Мэг еще присутствовали какие-нибудь красные тельца, при этих словах они все как одно отхлынули от ее щек. Два года! Она отсутствовала так долго? Ее, наверное, уже все позабыли и следов от нее никаких на земле не осталось! Даже самые близкие приятели о ней, поди, уже не вспоминают.

— Привидение-уголовница, — прервал ее размышления голос Лоури. — Только этого мне не хватало для полного счастья! Ну, так сделай хоть раз в жизни... или *после* жизни... доброе дело — помоги мне встать.

Лоури протянул руку. Она была коричневой и узловатой, суставы походили на наросты на деревьях. Мэг посмотрела на тянущиеся к ней пальцы. Надо помогать. Для этого она сюда и явилась.

— Ну, давай! В конце концов, это же именно ты виновата, что я не могу встать на ноги сам!

Мэг наклонилась, чтобы помочь пенсионеру. Их пальцы соприкоснулись, — хотя это не совсем то слово. Потому что, как только Мэг дотронулась до руки старика, ее собственная рука утонула в ней, испустив веер сверкающих искр. А затем, прежде чем она поняла, что происходит, жизненная сила Лоури всосала ее сначала по локоть, а затем по поясницу.

— Выпусти меня! — кричала Мэг.

Но в глазах самого Лоури тоже читалась растерянность.

— Я же не... я ничего не... — бормотал он.

Сущности Мэг и Лоури слились вместе, заняв одно и то же место в пространстве. Мэг очутилась внутри Лоури Маккола, а он обернулся вокруг нее.

Ощущение было отвратительным, тошнотворным, жутким. Заполняя новое вместилище, душа Мэг обнаружила, что ее пальцы стали узловатыми, шея — морщинистой, а глаза — мутными и слезящимися.

— Выпусти меня! — закричала она старческим голосом, вскакивая на ноги — на плоскостопные ноги старика.

Но новое тело облепило ее, как мокрый купальник, прилегая к каждому ее призрачному нервному окончанию. Мэг видела старческие пятна на руках и пожелтевший свитер, вытянутый на локтях, и жесткие как проволока кустистые брови, свисавшие на глаза.

— Помогите, — хрипела она, потому что от испуга горло Лоури перехватило судорогой. — Спасите!

Мэг Финн кинулась бежать. Она промчалась через дедушкину квартирку, ударяясь об углы, в надежде выпрыгнуть из дряхлой плоти, в которую вселилась. Но все напрасно. Они уже слились, срослись вместе, как волокна двух сращенных канатов.

Душа Маккола тоже присутствовала при происходящем, но не могла ничего поделать, беспомощно наблюдая, как стены проносятся мимо с такой скоростью, как будто он и не хромал вовсе на одну ногу. Сердце бешено колотилось в груди. Бешено, но ровно! Он снова был молод, к нему вернулись энергия и энтузиазм юности. Лоури хотел рассмеяться, но не смог. Его губы и язык больше не принадлежали ему, он не владел ими. Выглядело это так, словно он сидит в кинотеатре, рассчитанном на одного-единственного зрителя, и наблюдает, как его жизнь проносится мимо него на серебряном экране.

Лоури, возможно, и нравилось, что он помолодел, но Мэг определенно не доставлял удовольствия тот факт, что отныне ее душа заключена в увядающую плоть старика. Она выскочила из квартиры и помчалась по потрескавшемуся и разрисованному граффити асфальту. Холодные капли дождя стучали по ее лысеющему черепу. Промокший свитер сразу растянулся, и его влажные шерстяные полы облепили ее колени. Существо, бывшее одновременно Лоури и Мэг, завернуло за угол, чуть не вылетев при этом из шлепанцев, которые нещадно хлопали ее — или *его*? — по пяткам, и внезапно замерло как вкопанное, словно увидело что-то сверхъестественное. Но вокруг ничего сверхъестественного не было, если не считать, разумеется, газгольдера — нового, с иголки, газгольдера, сверкающего латунью и выкра-

шенного в оранжевый цвет. Ни пятнышка ржавчины, ни пузыря отвалившейся краски!

Мэг упала на мокрую землю, увлекая за собою следом Лоури. Жизнь и смерть повторялись на глазах — дурацкие шутки Мироздания!

— Я не хочу быть старой, — давилась рыданиями Мэг, и слезы капали на землю с кончика ее крючковатого носа. — Я не хочу умирать.

Лоури предпочел промолчать. Все равно он не смог бы ничего добавить к этим словам. Он был с ними полностью солидарен.

«Можно подумать, я хочу», — думал он.

И тут внезапно Мэг услышала старика. Точно тоненький голосок где-то на задворках твоего сознания. Словно в голове у тебя поселился гном. Но Лоури был не просто слышен: воспоминания прожитой им долгой жизни начали просачиваться в ее память. Она вспоминала свадьбы и похороны, боль в ноге и непереносимое одиночество. Она не хотела всего этого помнить. Зачем? Ей, слава Богу, всего лишь четырнадцать, и теперь будет четырнадцать всегда.

«Я хочу покинуть это тело, — подумала она. — Уйти из него тем же путем, которым пришла». И так она и сделала, отлепив себя от плоти Маккола, словно полоску медицинского пластыря, и рухнула на асфальт рядом с внезапно лишившимся сил пенсионером. Легкие старика едва не лопнули, а ноги дрожали, как тростник в ветреный день.

— На какое-то мгновение... — пропыхтел он. — На какое-то мгновение я снова...

— Что снова? — спросила его Мэг, просто чтобы поддержать беседу.

Ее не слишком волновали переживания старика, ей хватало своих собственных проблем.

Лоури смахнул дождевые капли со лба.

— Я снова жил.

И почему-то, сказав эти слова, старик разрыдался как ребенок. Мэг показалось, что она поняла почему. С Лоури Макколом явно творилось что-то неладное. И дело было вовсе не в артрите и не в больной ноге. Какое-то чувство просочилось через то, что теперь заменяло девочке кожу... Это чувство впиталось в нее за время пребывания внутри старика. И оно почему-то остро напомнило ей о том, как она летела по туннелю.

Судя по всему, это был дурной знак.

— Вставай, — сказала Мэг. — Пошли в дом. Ты так насмерть продрогнешь.

Слезы, смешанные с каплями дождя, текли по подбородку Лоури.

— Да ты шутница, — сказал он, и горькая усмешка тронула уголки его рта. — Продрогнуть насмерть. Можно сказать, мысли читаешь. Ладно, помоги мне подняться.

Мэг уже было протянула руку, но вовремя остановилась.

— Нет, дедуля, — сказала она. — Хватит с меня на сегодня прогулок по чужим телам.

Лоури решил улечься в постель, по-прежнему уверенный в том, что он страдает от какой-то затянувшейся галлюцинации. Мэг же тем временем вознамерилась ознакомиться получше со своими новыми способностями.

Ей уже было известно, что она умеет проникать в чужие тела и передвигать тяжести усилием воли. Собственно говоря, к усилию воли все и сводилось. К умственному усилию. Как в руководстве по кунг-фу. Захочешь — значит сможешь.

После нескольких опытов она пришла к выводу, что абсолютно мертвых вещей практически не существует. Даже у старого кресла в щель между деревянными рамками и поролоном завалилось несколько воспоминаний. Большинство из них, правда, сводилось к ощущениям от разнообразных задов. Мэг решила в будущем на мебели больше не сидеть.

Приключение с Лоури, впрочем, обошлось Мэг недешево. Свечение ее ауры побледнело, и она чувствовала, как некая сила куда-то тянет ее тело. Не в каком-нибудь определенном направлении, — просто прочь. Времени в ее распоряжении оставалось все меньше и меньше.

Как вскоре выяснила Мэг, привидения не спят. Сон — какая чудовищная и пустая трата времени! Вот она сидит и ждет, и потусторонние часики тикают, и запас ее энергии тает на глазах, а человек, которому она должна помочь, спит в спальне наверху, как убитый. Все взрослые такие:

не ценят ничьего времени, кроме своего собственного.

Она попыталась смотреть телевизор, но толку из этого не вышло: своим сверхъестественным зрением она видела каждый электрон на экране, поэтому для того, чтобы сосредоточиться на изображении, ей приходилось очень сильно напрягаться.

Оставалась только еда. Голода она не испытывала, но надо же было хоть чем-то занять себя! Она стянула шоколадный мусс из холодильника Лоури и залезла в него прямо пальцами. Есть пальцами, конечно, неприлично, но ужасно приятно.

Пока Мэг думала о муссе, все шло неплохо, но как только она переставала думать о нем, тягучая масса начинала просачиваться через стенки желудка. Вырвавшись за пределы ее астрального тела, мусс немедленно подчинялся силе земного тяготения и шлепался на линолеум в шашечку на полу в гостиной.

Мэг надула губы. Похоже, есть ей больше не захочется. Впрочем, и переедание ей тоже больше не грозит. Шумно вздохнув, девочка, которую не взяли ни в рай, ни в ад, растянулась на незастеленном диванчике, изо всех сил стараясь не думать «ДЫРКА». Но и здесь воспоминания когда-то закатившихся под диван леденцов не давали ей покоя, вызывая к ней из-под подушек. А еще под диваном лежало кольцо с бриллиантом. Может быть, лежало когда-то, а не сейчас. Оно принадлежало какой-то женщине. Женщине по имени Нора.

Лоури стоял на лестнице и напряженно всматривался.

— Есть здесь кто? — спросил он неуверенно, чувствуя себя чужим в собственном доме.

Мэг сидела на диване.

— Кто такая Нора? — спросила она.

Лоури замер, так и не опустив ногу на следующую ступеньку.

— Нора? Кто рассказал тебе про Нору?

— Диван, — попросту ответила Мэг.

Лоури взгляделся в ее лицо, — что это, издевательство? Но с какой стати? Впрочем, все возможно. Он с трудом дохромал до конца лестницы, скривившись от боли, и рухнул в свое любимое кресло. Мэг показалось, что она даже услышала, как скрипят его кости.

— Норой звали мою жену. Мы прожили с ней вместе двадцать семь лет.

Мэг вздохнула. От рассказов о семейном счастье ее всегда одолевала зевота.

— Поздравляю, — сказала она. — Повезло.

— Повезло? — фыркнул старик. — Ты говоришь это только потому, что сама не была жената на Норе. Она пила как сапожник и выкуривала шестьдесят сигарет в день. Почему, как ты полагаешь, я живу в этой дыре? Эта старая пьяница пропила все, что у нас было, включая мебель.

— От этого, она, наверное, в конце концов и умерла? — предположила Мэг, желая показать, что

она способна на зрелые рассуждения и душевное участие.

Лоури кивнул.

— В каком-то смысле да. Она вернулась домой как-то ночью пьяная в стельку и по ошибке выпила бутылку чистящей жидкости для туалета.

Теперь настала очередь Мэг заподозрить, что дед над ней издевается. Но Лоури был абсолютно серьезен.

— И я только-только начинал жить в свое удовольствие, как тут появились вы двое и этот ваш волкодав.

Мэг снова вспомнила про туннель.

— Ну, мы получили сполна за наши преступления. Уж поверь.

— Тот парень... он что... ну, ты понимаешь... попал туда, вниз?

— Ага, — кивнула Мэг.

— А тебя как наказали?

— А разве сидеть здесь и слушать тебя — это не наказание?

— Ха-ха-ха. Ты — нахальная девчонка. Но я рад, что ты и после смерти сохранила чувство юмора.

Мэг вздохнула:

— Да я, можно сказать, живая. Только как-то иначе. Знаешь, жизнь-то у меня была так себе.

Лоури мрачно кивнул. Уж ему ли не знать!

— Можно, я задам один вопрос? — спросила Мэг.

Лоури снова кивнул — на этот раз участливо.

глава четвертая

— Задавай.

— Что с тобой творится?

Старик побледнел.

— Что такое?

— Ну, вчера, когда мы с тобой... слились... я почувствовала... что у тебя внутри... Ну, не знаю — что-то не так.

Лоури фыркнул.

— *Что-то не так?* Не могла бы ты по-человечески сказать, что именно?

— Там что-то такое... темное, плохое. Я же не врач!

— Да что ты? Неужели?

— Ладно, забудем об этом, — зевнула Мэг. — Извини, что спросила.

Лори потер шрам на ноге.

— Это сердце, — сказал он. — Садится моторчик-то.

— И это значит, что ты...

Старик сурово кивнул.

— Ага, пару месяцев протяну еще. Ну, может, от силы полгодика.

Мэг покосилась на Лоури:

— Не волнуйся, у тебя аура голубая. Отправишь-ся прямиком за Жемчужные врата.

— Да я не о загробной жизни волнуюсь. Я об этой.

— Не поздновато ли?

— Тебе этого не понять. Молодежь! Может, раз в жизни помолчишь и послушаешь старших?!

Мэг проглотила оскорбление. Ведь даже от злонамеренных мыслей в ее ауре немедленно появлялись десятки красных прожилок.

— Ладно. Я слушаю.

Лоури извлек блокнот из кармана халата.

— Всю мою жизнь я страдал. Страдал почти без просвета. Ни одного светлого пятна. С того момента, как я женился на этой пьянице Норе и до того, когда ваша зубастая тварь отхватила мне полноги.

— Так уж и ни одного светлого пятна?

Лоури покачал головой:

— Ни одного. Я неизменно промахивался все шестьдесят восемь лет. Какое бы решение я ни принял, оно всегда оказывалось ошибочным.

Мэг изобразила на лице сомнение.

— И не надо корчить мне рожи. Я не смогу объяснить тебе, что я за жалкий субъект, если ты будешь ухмыляться на каждом моем слове.

— Но чем я могу тебе тут помочь? Я не умею путешествовать во времени!

— А-а, — разочарованно протянул Лоури.

— Я просто помогу тебе по хозяйству пару дней, пока моя аура не поглубеет, а затем — фью! — и приветик.

— Может, все-таки помолчишь и послушаешь меня? Я уверен, что Господь Всемогущий вряд ли прислал тебя сюда для того, чтобы мыть грязные тарелки!

глава четвертая

Мэг зевнула. Старики думают, что им все известно. Этот дедуля без зазрения совести рассуждает о Боге, а ведь он даже еще не умирал ни разу.

— Если тебя прислали обратно, значит, тебе поручено какое-то особое задание.

Бесплотное сердце Мэг слегка екнуло.

— Какое особое задание?

— Помочь мне привести в порядок мою жизнь.

Это было смехотворное заявление. И Мэг расхохоталась.

— Привести в порядок твою жизнь? Какую жизнь? Тебе жить-то от силы полгода осталось.

Обычная история: Мэг Финн сперва ляпнет, не подумав, а затем месяцами раскаивается.

— Ну, я хотела сказать, что... — замялась она.

— Да нет, ты совершенно права. Какая жизнь? Именно это я и пытался объяснить тебе.

Было заметно, что Лоури вновь готов погрузиться в воспоминания.

— Разве если только...

Он встряхнул головой, чтобы очнуться.

— Слишком поздно для всяких «если только». Настало время действовать.

Лоури открыл свой блокнот.

— Итак, я составил список...

«Ага! Капитан, парус на горизонте!»

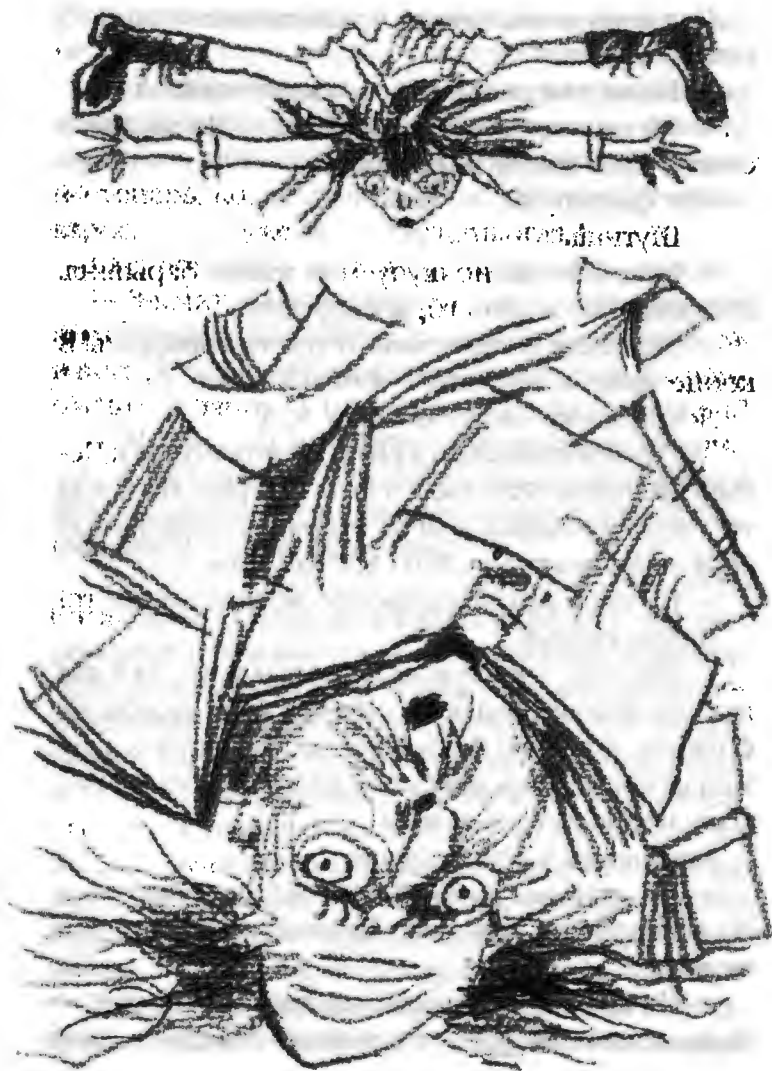
— Что за список?

— Я обнаружил в своей жизни ряд ошибок. Вещи, которые я не сделал, когда имел возмож-

ность. Непростое дело, скажу я тебе. Выбирать приходилось из множества вариантов. Но мне удалось сократить их число до четырех.

Старик вырвал страничку из блокнота и вручил девочке-привидению, которая неохотно взяла ее в руки. «ЛИСТОК», — подумала Мэг, перед тем как взять страничку. Бумагу покрывали неразборчивые каракули. Но это не имело никакого значения: слова сами пропевали себя вслух перед Мэг еще прежде, чем она делала попытку их прочесть. Даже завитушки и росчерки приплясывали от избытка чувств. Мучения, с которыми составлялся этот список, напоминали о себе болезненными, похожими на стон звуками.

В списке насчитывалось по меньшей мере двадцать пунктов, большинство из которых было зачеркнуто. Впрочем, это тоже не имело для Мэг никакого значения. Очертания слов призрачно просвечивали через чернила. Лоури не преувеличивал. Жизнь его действительно была одним сплошным невезением. Он женился на алкоголичке, жил в одном доме с ее матерью, не застраховал от пожара свой первый дом, поехал в отпуск в Югославию в тот самый день, когда началась война. И так далее, и тому подобное. С некоторыми вещами, конечно, уже совершенно ничего не поделаешь. Но четыре пункта были подчеркнуты, пронумерованы и обведены кружком. Мэг медленно прочла их глазами, не поверив тому, что напели ей сами слова.

Наконец изумленное привидение оторвало глаза от листка.

— Ничего не понимаю, — честно заявила Мэг.

— Их еще не поздно исправить. — Лоури так и сиял. — Это еще можно сделать.

Мэг фыркнула:

— Шутить!

— Нет, отнюдь не шучу, моя милая барышня. Раскаяние способно горы своротить.

— Но я даже не понимаю, о чем ты говоришь! В конце концов, мне всего четырнадцать.

Лоури потерял свою больную ногу.

— С твоей помощью я смогу исполнить эти Четыре Желания. Раньше я в это не верил. Но когда ты... эээ... *вселилась* в меня вчера, я почувствовал себя вновь молодым. И на все готовым.

— Но сами эти желания! Это же чушь какая-то!

Лоури кивнул.

— Для тебя — вполне возможно и чушь. Да и для любого человека на земле. Но для меня это самые большие *прамахи* в моей жизни. И теперь я должен исправить их, даже если до этого больше никому нет дела, кроме меня.

Аргументы у Мэг иссякли.

— Но чего мы добьемся, если будем носиться по всей стране, как сумасшедшие, исполняя эти желания?

— Ничего, — вынужден был признать Лоури. — Если не считать того, что я вновь поверю в свои

силы. А это, юная Мэг, с годами становится крайне важно.

Мэг почувствовала, как зевок рвется у нее из груди. Ее до смерти раздражали все эти феньки взрослых, типа «подрастешь — узнаешь». Особенно теперь, когда стало абсолютно ясно, что повзрослеть ей уже не удастся никогда.

Она помахала листком у Лоури перед носом.

— Значит, ты считаешь, что мы должны поступить именно так? Объехать всю Ирландию вдоль и поперек для того, чтобы выполнить четыре идиотских желания? А ничего другого ты не хочешь?

— Нет, — ответил Лоури. — Мне нужно именно это. Мои Четыре Желания — это единственный путь на небеса... — тут он сделал многозначительную паузу, — для нас обоих.

Отрыжка вернулся. В некотором роде. В некотором роде Отрыжка и в некотором роде вернулся. Удивился ли он? Ни чуточки. Миюши загрузил в его память «модуль виртуальной помощи». Теперь стоило Отрыжке только задаться каким-нибудь вопросом, как имплантированный в его мозг кибернетический демон немедленно подсказывал ответ. Ощущение было такое, словно в голове завелась шпаргалка. Впрочем, так и должно быть. Пусть настоящие мужчины делают настоящую работу, а ботаники за них думают!

Дьявол собственной персоной посетил стартовую площадку — проводить Отрыжку. Это произ-

вело на Отрыжку неизгладимое впечатление, сравниться с которым могли разве воспоминания о концерте «Металлики».

Сатана явился в парадной форме Зверя Бездны и без лишних слов разъяснил новичку всю важность возложенной на него миссии. Он схватил Отрыжку за горло и пригвоздил его к стене пещеры.

— Вернуться к живым. Найти девчонку. Сделать ее плохой. Быстро.

Глаза Дьявола были красными и круглыми. Сонм вопящих от боли душ вился в его зрачках. Подобные спецэффекты хоть кого проберут!

«Выпендривается!» — подумал про себя Вельзевул.

— Сделать ее плохой? — почтительно переспросил Отрыжка.

Вельзевул моргнул. Вопросы здесь позволялось задавать только Хозяину.

Пальцы Сатаны еще сильнее сдавили дыхательное горло Отрыжки, и тот непроизвольно закусил по-собачьи. Искры с треском закружились вокруг мускулистой фигуры Зверя, подпалив тусклый мех, покрывавший тело мальчикопса.

— Плохой! — прорычал Сатана. — Сделать ее плохой!

— Отлично, — прохрипел в ответ Отрыжка. — Сделать ее плохой. Все понял.

— Грр, — проворчал Дьявол с сомнением и швырнул Отрыжку обратно на мраморный пол. —

А если не сможешь... — Сатана не стал заканчивать эту фразу, но для пущей наглядности испарил разрядом вил пролетавшего мимо крутильщика вертела.

Отрыжка сглотнул слюну. Он понял намек.

— Да, Хозяин, — отрапортовал он. — Можете считать, что она ваша.

— Грр, — снова прорычал Повелитель Тьмы.

Надо сказать, это короткое междометие в его устах звучало на редкость выразительно. Затем, оставив после себя запах подгорелого мяса и озона, Зверь Бездны исчез.

Вельзевул направился к двери лифта и нажал на кнопку «П», означавшую подвал. Отрыжка следовал за ним. У него изменилась походка — ходить он стал как-то странно, враскачку.

— Выражаясь технически, ты вовсе не должен *сделать ее плохой*, как с присущим ему красноречием выразился Хозяин, — объяснял Вельзевул. — Ты просто должен помешать ей *быть хорошей*. Девчонку отправили обратно для того, чтобы она помогала старику. Твоя задача заключается в том, чтобы из этого ничего не вышло. И тогда ее аура станет красной со всеми вытекающими из этого последствиями: Хозяин получит свою ненаглядную душу, я сохраню за собой кресло, а тебе не придется провести целую вечность у жаровни. Кстати, если ты еще не понял, удалец, то поясню — шашлык мы здесь делаем вовсе не из говядины.

Вельзевул считал, что у него отменное чувство юмора. Черного юмора, разумеется. В конце-то концов, он все-таки был демоном. Он тихонько хихикнул своей собственной шутке. Отрывка, заметив искры, сверкающие на остриях вил Демона Номер Два, решил, что ему стоит посмеяться тоже.

— Я только одного не понимаю, — отважился Отрывка.

— Только одного? — усмехнулся Вельзевул, у которого сильно поднялось настроение.

— Зачем ему...

— Хозяину?

— Да, Хозяину. Зачем ему эта девчонка? У него же теперь есть я!

Вельзевул знал ответ на этот вопрос, но он не мог произнести его даже мысленно в такой близости от Внутренних Покоев. Достаточно сказать, что в этом ответе имелись такие слова, как «упертый» и «тупица».

— Хозяин считает, что в Мэг Финн есть нечто особенное. Подлинный талант. По-моему, она что-то там такое учудила над своим отчимом.

Отрывка сглотнул:

— Вот чего! Та еще хреновина!

Двери лифта со звоном отворились. Отрывка осторожно зашел внутрь, втайне ожидая какой-нибудь ловушки: «Ха-ха-ха, а ты и вправду поверил, что мы тебя отправим обратно?!», — но нога его ступила на твердый пол, покрытый, правда,

каким-то отвратительным ковром, как будто сплетенным из человеческих волос. Впрочем, он решил, что лучше не вникать.

— Сколько вы мне дадите времени на то, чтобы сделать ее плохой?

Вельзевул пожал плечами.

— Вопрос сложный. Не вселяйся без надобности в людей, не звони сюда слишком часто, и тебе хватит пороку на недельку.

Отрыжка заскулил.

— Если возникнут проблемы, обращайся к вживленному виртуальному модулю. Миюши заверил меня, что предусмотрел любые ситуации.

— Есть, босс, — заискивающе рывкнул Отрыжка, думая о том, как он улизнет от всей этой компании в ту же самую минуту, когда этот лифт выплюнет его на поверхность земли. Мысленно он уже сказал «*Сайонара*»¹ и аду, и этому коротышке-демону в бабьем халате.

— Это кафтан, — холодно сказал Вельзевул.

— Афф! — тявкнул от испуга Отрыжка.

Судя по всему, в минуты сильных переживаний собачья сущность в нем торжествовала над человеческой.

— Да, — продолжал Демон Номер Два. — Я умею читать в душах. Разумеется, только в слабых, но ты по всем статьям из таких. Даже и не думай о том, чтобы сбежать. В то же самое мгновение, когда

¹ Прощай (*яп.*).

твоя жизненная сила иссякнет, тебя втянет сюда обратно, как шавку на резинке.

— Понял.

Вельзевул настроил свои электровилы на разряд четвертой степени. Это был очень болезненный разряд.

— Ну и, как ты уже догадался сам, я не могу просто так пропустить мимо ушей твою шуточку насчет бабьего халата. Верно?

Отрыжка затряс кудлатой головой и затыкал.

— И я того же мнения, — ухмыльнулся демон, уколов своим потрескивающим оружием Отрыжку немного пониже его напрягшейся от страха спины.

Итак, Отрыжка вернулся, извергнутый жерлом душного лифта. Вернулся туда же, где все началось; прошу прощения — туда, где все кончилось. К газгольдеру возле дедушкиного дома.

Газгольдер выглядел что надо: оранжевый, блестящий — ничего тут не напоминало о случившейся трагедии. Если не считать нескольких сотен дырочек, похожих на отверстия от шрапнели, в окружавших стенах.

Отрыжка имел то преимущество над своим противником, что располагал более подробной информацией. Навигатор, вживленный в его мозг, постоянно снабжал его кучей полезных сведений из жизни духов. Так, например, Отрыжка узнал, что единственная причина, по которой он вооб-

ще мог вернуться в мир живых, заключалась в том, что его торс был практически мгновенно изрешечен тысячами металлических осколков. Поэтому в его распоряжении остались запасы жизненной силы или, иначе говоря, душевных угольков, на многие десятилетия. К несчастью, от жизненной силы в отсутствие жизни пользы не больше, чем от мозга в отсутствие черепа, — она очень быстро вянет и усыхает. Так что того, что хватило бы человеку лет на десять, привидению хватает от силы на день. Поэтому, даже с учетом тех вливаний, которые сделал Отрыжке Миюши, в распоряжении Душелова имелось не больше недели на выполнение задачи.

Он также узнал, что должна делать Мэг для того, чтобы ее аура поголубела. И он с огромным удовольствием решил, что помешает ей. Ведь из-за этой маленькой предательницы он лишился жизни. Теперь он считал своим долгом сделать так, чтобы Мэг Финн не провела вечность, вкушая какие-нибудь молочные коктейли с шоколадом за Жемчужными воротами. Нет уж! Она станет крутить горячий вертел в аду, и время от времени Отрыжка будет охаживать ее плеткой, чтобы быстрее пошевеливалась. Отрыжка захихикал, хотя со стороны это больше смахивало на утробное рычание. Видно, зрелище, которое он себе представил, нравилось ему чрезвычайно.

Итак, у Отрыжки имелся план. Он прокрадется в квартиру старого хрыча, испугает его до смер-

ти, и тогда бедняжке Мэг станет некому помогать. Отрыжка чувствовал себя гением.

— Ничего не выйдет, — сказал электронный голос.

Отрыжка поднял глаза. Его виртуальный помощник парил на высоте плеча со снисходительной улыбкой на губах, изображенной с разрешением пятьсот пикселей на дюйм. Улыбка эта выглядела очень естественно.

— Наверное, ты — Миюши? Мне про тебя рассказывали.

Изображение замерцало и мигнуло.

— Да... и в то же время нет, — ответило оно.

Отрыжка тяжело вздохнул. Только этого ему и не хватало — компьютерной программы, страдающей шизофренией. (Разумеется, Отрыжка Бреннан не знал таких мудреных слов, но суть того, что он подумал, заключалась именно в этом.)

— Если рассуждать с позиций информатики, я действительно Миюши. Его мысли и опыт запрограммированы в мою память. В спиритуальном же смысле душа Величайшего по-прежнему пребывает в аду.

Отрыжка почесал шишку на голове, оставшуюся в том месте, где сделали операцию:

— Лучшего места не придумаешь для этого извращения.

Миниатюрное мультипликационное изображение заговорило с упреком:

глава четвертая

— Уважайте моего изобретателя, иначе я буду вынужден активировать эктонет и включить обратную связь. А это, в свою очередь, практически неизбежно вызовет в вашем мэйнфрэйме определенные болевые ощущения.

— Эктонет? Мэйнфрэйм? Что это еще за чертовщина?

Безупречно одетая фигурка поклонилась.

— Я — ваш персональный Векторный Навигатор и Киберконсультант. Вы можете называть меня ВЕНИК.

Отрыжка недовольно покосился на изображение:

— Надеюсь, ты не сосешь из меня энергию?

— У меня собственный источник питания.

— Отлично. Итак, что тебе не нравится в моем плане?

Снисходительная улыбка вернулась на лицо ВЕНИКа.

— Такой план мог придумать только полный идиот. Убив старика, вы не сделаете тем самым Мэг Финн плохой. Если ей будет некому помогать, то она не сможет потерпеть поражения. А значит, ее аура не станет красной.

— Гм, — проворчал Отрыжка, рассеянно почесывая за ухом.

— Ваша цель — помешать их планам. О чем бы Маккол ни попросил Мэг, ваша задача — не дать ей это осуществить.

Отрыжка кивнул. ВЕНИК дело говорит. На свой на глючный лад.

— Хорошо. Тогда надо наведаться в квартиру, поглядеть, как бы вставить врагам палку в колеса.

ВЕНИК насупился:

— Я не снабжен периферией, позволяющей производить указанную операцию.

— Да я имею в виду не настоящую палку, болван виртуальный! Это поговорка. Ну, знаешь, когда говорят «здоровый как лошадь», то вовсе не имеют в виду, что ты — лошадь, за исключением того случая, когда это действительно так.

Видение какое-то время ворочало мегабайтами, а затем воскликнуло:

— Я вас понял, Отрыжка-сан! Вы говорили метафорически, а данный файл не включен в мою память. Достопочтенный Миюши счел, что он не понадобится при осуществлении нашего задания.

Отрыжка заворчал:

— Достопочтенный Миюши может засунуть свой файл в...

Но прежде чем Отрыжка успел завершить свою, вне всяких сомнений, очень красочную и обидную фразу, его мозг пронзила яростная боль. Не физический мозг, разумеется, — тот уже давно сгнил в дешевом сосновом гробу. Но духовная боль бывает порой ничуть не менее мучительна, чем физическая.

Когда в ушах у Отрыжка наконец перестало звенеть, он увидел холодный взгляд ВЕНИКа, направленный на него.

— Тот, кто оскорбляет Величайшего, активизирует тем самым отрицательную обратную связь. Нерационально с вашей стороны.

— Афф, — твякнул Отрыжка. — То есть врубился.

— Совершенно не обязательно переводить для меня ваши слова на английский, — прокомментировал ВЕНИК. — Я бегло говорю на четырнадцати собачьих диалектах, включая весьма отрицательное наречие питбулей.

Отрыжка зарычал:

— Тогда начинаем действовать. Квартира старикашки сразу за углом.

— *Хай*, Отрыжка-сан.

Они пересекли двор. По пути Отрыжка опрокидывал мусорные баки, скамейки и даже небольшие машины — ему нравилось забавляться полтергейстом. ВЕНИК парил у него за плечом, неодобрительно покачивая головой, и вид у него при этом был настолько недовольный, насколько на это способна голограмма.

Глава V

Как навести красоту

В числе прочего Нора, очевидно, пропила и машину, поэтому в Дублин пришлось отправиться поездом. Поскольку Лоури был пенсионером, он мог путешествовать по своему проездному только вторым классом, так что ему пришлось беседовать с невидимой спутницей на глазах всего вагона.

— Итак, куда и зачем мы едем, Маккол?

Лоури очнулся от дремы:

— А?

— Поцеловать Цецилию. Первое из Четырех Желаний. Что оно означает?

Старик чуть не испепелил ее колючим взглядом.

— Именно то оно и означает. Существует женщина, которую зовут Цецилия. И я должен поцеловать ее.

— Ясно. Но почему?

— Не задавай вопросов. Просто делай то, зачем тебя сюда послали.

Мэг нахмурила лоб и взлетела над сиденьем на шесть футов.

— Ты же знаешь, что я просто хочу помочь тебе. А немного вежливости тебе совсем не помешает.

— Вежливость? — фыркнул Лоури. — И кто это взялся учить меня хорошим манерам? Та, что вломилась в мой дом и сделала меня калеккой? Та, что сыграла такую жестокую и злую шутку со своим отчимом?

Мэг почувствовала, как злоба начинает душить ее от одного только упоминания Франко.

— Кто тебе об этом рассказал?

— Он сам.

— Так ты знаком с Франко?

Лоури заерзал на сиденье.

— Он приходил ко мне извиняться, после того... случая.

Мэг почувствовала, как гнев сотрясает каждый ее атом. Даже после смерти одна мысль об этом человеке приводила Мэг в бешенство.

— Бедняга, — добил Лоури. — По сравнению с ним я легко отделался!

Мэг не могла поверить собственным ушам.

— Тебе его было жалко?

— Еще бы мне его не было жалко после того, что ты с ним сделала!

— Он заслужил это, — прошипела Мэг. — Он заслужил гораздо худшего!

— Не знаю уж, — хмыкнул Лоури, — заслужил ли такое хоть один человек на свете. Это было...

— Справедливо, — отрезала Мэг. — Это было справедливо. Этот урод продал драгоценности моей мамы. Он продал ее браслет с брелоками, к которому мы подвешивали по новой подвеске каждый год. И он смотрел *наш* телевизор и сидел на *нашей* софе. Он столько на ней насидел, что она перестала быть нашей. Он продавил ее посередине своей толстой задницей.

Лоури взгляделся в лицо девочки.

— И, поди, ты еще от него пару раз схлопотала по шее, верно?

На какой-то миг повисло молчание, а затем Мэг опустилась обратно на потрескавшееся сиденье.

— Давай не будем переводить стрелки, Маккол, — сказала она внезапно. — Лучше расскажи мне, кто такая эта Цецилия? И почему ты так уверен, что она не свернет тебе нос на сторону, как только ты попытаешься чмокнуть ее?

Лоури прислонился к окну и извлек из нагрудного кармана толстую, похожую на сардельку сигару.

— Цецилия Броган, — вздохнул он, вертя колесико на старинной бензиновой зажигалке.

Вспыхнувшее пламя воняло ничуть не лучше сигары. Мэг, словно замороженная, смотрела, как дым проходит через ее живот насквозь.

— Цецилия Броган — это та девушка, на которой я был должен жениться. На ней, а не на этой старой пьянчужке Норе. Цецилия была настоящая женщина. Теперь таких уже не делают...

— Почему не делают? Материал кончился?

— Нет.

— Завод закрыли?

— Может, ты все же заткнешься? — проворчал Лоури, перебивая Мэг. — Это просто такое выражение. Оно означает, что Цецилия уникальна. Другой такой нет и не будет.

— Ах, вот как.

— Однажды, когда я назначил ей randevu ...

— Кого, кого?

Лоури почувствовал, что у него начинает болеть голова.

— Это такое выражение! У нас было свидание. Я назначил ей свидание.

— Понятно.

— Прежде всего мы пошли в кинотеатр на О'Коннелл-стрит.

— Что там показывали?

Лоури бросил на привидение сердитый взгляд.

— Я не помню, — начал он, но тут морщины у

него на лбу разгладились и он воскликнул. — Вспомнил! Это была «Маска Зорро»!

— Ну, этот фильм даже я знаю. Его все еще иногда крутят.

— Я вспомнил, потому что, пока мы шли за чипсами, я разыгрывал перед ней фехтовальные сцены. Ясное дело, я был тогда еще очень молод.

Мэг хмыкнула:

— Ты? Ты дурачился прямо на улице? Ни за что не поверю!

— Мне и самому сейчас с трудом в это верится. Возможно, мои старые мозги уже сочиняют сказки. И тем не менее это был шикарный вечер. Такие случаются далеко не каждый день. Может быть, за всю жизнь только пять-шесть таких и наберется. Таких дивных дней. Я и сейчас вижу мою Цецилию, как живую, вижу ее рыжий завиток за ушком. В то время это был последний писк моды.

— Угу, — промычала затосковавшая Мэг. — И в том же году изобрели туалетную бумагу.

Но Лоури был слишком погружен в себя, чтобы обращать внимание на маленькую нахалку. С лица старика спала тень уныния, и воспоминания лились из него легко и свободно. Мэг видела, как они сгущаются в воздухе перед ним, превращаясь в живые картинки.

— Дивный вечер...

— Но?

— Но я все испортил. Как обычно.

— Как тебе это удалось? Всего-то и дел было, что проводить ее домой, поцеловать и...

— Я не поцеловал ее.

— Вот урод!

Лоури согласно закивал седой головой:

— Я знаю. Ты думаешь, я не знаю? Не проходит и дня, чтоб я этого не вспоминал. Меня подвели мои руки.

— Руки?

— Они у меня сильно вспотели. Ужасно вспотели. Мокрые были, как две губки. Я боялся взять ее за талию такими руками. Это глупо, я знаю. Очень глупо.

Призрачная спутница не нашлась, что и возразить на эти слова.

— Я подумал, что если я положу эти две большие мокрые ладони ей на талию, то у меня не останется больше никаких шансов. И тогда я решил: поцелую-ка ее лучше завтра; может, жара спадет и я не буду так потеть. Поэтому я попрощался и отправился домой.

— И ты никогда ее больше не видел?

Старик горько улыбнулся:

— Разумеется, я ее видел. Я видел ее после этого каждый день еще в течение четырех лет. Я видел обиду в ее глазах, которая затем сменилась холодностью. Я видел, как она вышла замуж за друга моего детства. И мне пришлось стоять рядом, и

улыбаться, и вручать кольцо с таким видом, словно я самый счастливый шафер в мире.

— Если это все случилось, когда ты был молодым, то теперь Цецилия — дряхлая старушенция! Когда ты последний раз ее видел?

Лоури поскреб щетинистый подбородок.

— Лицом к лицу? Сразу и не вспомнишь. Лет сорок прошло, это уж наверняка.

Мэг подлетела на шесть дюймов вверх над своим сиденьем.

— Сорок лет! Да она, наверное, уже давно померла, или живет в доме для престарелых, или еще что-нибудь в этом роде!

— О нет, она жива и в полном порядке. Это-то я знаю наверняка.

— А почему ты так в этом уверен? После того как я недавно побывала в твоём мозгу, я бы недорого дала за твое «наверняка».

И тут Лоури поставил точку над «и»:

— Потому что в замужестве эту Цецилию зовут Цецилия Вард. А это имя даже такой хулиганке, как ты, должно быть знакомо.

Мэг рухнула в изумлении на поролоновую подушку сиденья:

— *Та самая* Цецилия Вард?

— Да, та самая Цецилия Вард. Ведь она не сразу стала звездой — когда-то она была самой обычной девушкой.

Как это ни забавно, Мэг внезапно прониклась серьезностью ситуации:

— Так говоришь, у тебя был шанс жениться на самой знаменитой телебабусе в стране и ты этот шанс упустил?

Лоури постучал костяшками пальцев по собственному черепу.

— Так точно. Именно это я и хочу сказать.

Мэг присвистнула:

— Да, с тобой все очень непросто. А я-то думала раньше, что невезучее меня в мире просто нет никого.

— Но я, по крайней мере, еще жив.

— Не волнуйся, это ненадолго.

Лоури очнулся. Его яркие воспоминания начали втягиваться обратно в череп, словно краска в сливное отверстие.

— Ты права. Ненадолго. Поэтому, если ты будешь просто делать то, что я скажу, и не задавать лишних вопросов, мы сэкономим немало времени.

— Но...

— Никаких «но». Ты здесь только потому, что тебя сюда направили. Будь на то твоя воля, ты бы наверняка сейчас высматривала, что и где на том свете плохо лежит.

Отчеканив эту фразу, Лоури натянул кепку себе на глаза и приготовился вздремнуть. Опять спать? Мэг не могла в это поверить. И это после того, как он прохрапел всю ночь напролет. Как это человек умудряется спать так долго, когда ему осталось жить всего каких-то полгода? Она погрозила ку-

лачком небесам. Спасибо вам большое, ничего не скажешь. Это мой последний шанс на спасение, а вы посылаете меня к типу, который ко мне относится еще хуже, чем ненавидевший меня Франко.

Когда поезд вкатился на Хьюстонский вокзал, из открытого рта Лоури все еще вырывалось хриплое дыхание. Мэг становилось не по себе, стоило ей только посмотреть на его зубы. Возникало ощущение, словно какой-то средневековый зубной врач поспешно заполнил дыры между зубами старого Маккола протезами из кусков угля. «А как он одет!» — думалось ей. Очевидно, Нора пропила вместе со всем остальным еще и чувство вкуса, которым когда-то обладал ее муж. Если Лоури станет ходить по улицам Дублина в таком виде, прохожие, чего доброго, начнут подавать ему милостыню.

К тому же с этим сонливым типом, похожим на опустившегося бродягу, шансы пробраться в телецентр равны нулю. Необходимо немедленно что-то предпринять. Люди Цецилии Вард вряд ли позволят старому, грязному, невнятно бормочущему бродяге подойти к телезвезде — мало ли кто однажды не решился ее поцеловать в те незапамятные времена, когда не существовало даже цветного кино. А уж *люди* у нее наверняка имеются: вокруг всех этих прим обязательно трется парадругая мускулистых типов, которые не дадут и словом перекинуться с ней.

Мэг легко могла себе представить, как нелепо будет выглядеть Лоури. «Я, э-э-э, пожалуйста, пропустите меня, потому что у меня тут есть Четыре Желания, да-да, это может подтвердить одно привидение. Оно у меня где-то над головой, просто его не видно...» ШМЯК... БУМ... И вот уже тело Лоури вылетает из дверей и падает на тротуар.

Нет уж, если они хотят выполнить хоть одно из Четырех Желаний, то за дело придется взяться ей лично.

Пора вселяться в тело. Мэг слегка напряглась и, не испытывая сопротивления, вошла в спящий организм старика. «А это не так уж и противно, — подумалось ей. — Особенно теперь, когда знаешь, что к чему».

В мозгу у Маккола царило спокойствие. Красочные картины парили повсюду, словно сказочные облака. Старикан явно видел сны. Ну что ж, не будем его будить. Ему все равно вряд ли понравится то, что она намерена сделать. Мэг размяла свои скрипучие ноги и вышла на платформу.

У нее за спиной две монахини перекрестились и начали пылко молиться о том, чтобы им не довелось к старости выглядеть так же, как этот старый бродяга, что-то бормочущий себе под нос.

Отрыжка радостно оскалился. Мысль о том, что теперь он может проникать в любое жилище, когда ему заблагорассудится, не спрашивая ни у кого разрешения, его очень грела. «ДЫРКА», — подумал

он и проплыл прямо через закрытые двери квартиры Маккола. Восхитительно!

— Их здесь нет, — прожужжал за спиной ВЕНИК.

Отрыжка облизал клыки тонким языком.

— Как бы тебя вырубить, а?

ВЕНИК замигал, просматривая файлы.

— Пользователь не может отключить меня ни при каких обстоятельствах. Любая попытка произвести отключение приведет к мощному энергетическому разряду в мейнфрэйме пользователя и трансферу всех его файлов на базовый сервер.

— Короче, я прямо в ад отправлюсь — ты это хотел сказать?

— Именно.

— Отлично. Тогда заткнись, пожалуйста, хотя бы на время, пока я осмотрю квартиру.

ВЕНИК улыбнулся так, как улыбается маленький ребенок жучку перед тем, как его растоптать.

— Я готов, как вы выражаетесь «заткнуться», но только потому, что при данных обстоятельствах это наиболее эффективная линия поведения.

Отрыжка немного пошарил по полкам, но быстро пришел к выводу, что дело зряшное. Он шлепнулся на диван, закинув призрачные ботинки «Док Мартенс» на допотопный стеклянный кофейный столик.

— Жуткий клоповник, — заметил он. — Ума не приложу, чего это меня сюда в тот раз понесло?

ВЕНИК мигнул снова, исследуя файл, содержащий сведения о жизненном пути Отрыжки Бреннана.

— Исключительно потому, что вы — тупица. По моим данным, вы всегда поступали, как законченный идиот.

Отрыжка вскочил с дивана, отчего тот отлетел к стене и врезался в нее.

— Был у меня уже один учитель вроде тебя. Все называл меня тупым и учил жить. Ну, я ему мозги вправил. Проколол все покрышки, а на багажнике кое-что нацарапал.

ВЕНИК кивнул:

— Да. Я просматривал видеофайл. Вы нацарапали на багажнике машины мистера Кихо собственное имя. Весьма интеллектуально.

— Сейчас я и с тобой разберусь! — зарычал Отрыжка, кидаясь на голограмму.

— А вот это вряд ли, — ухмыльнулся ВЕНИК, — мальчикопес прошел сквозь его электрическое поле, не причинив киберпризраку никакого вреда. — Я очень надежно защищен. Для того чтобы «разобраться» со мной, вам необходимо отделить свою собственную голову от туловища и похоронить ее в освященной земле. По моим расчетам, это по меньшей мере маловероятно.

Отрыжка извлек себя из стены, в которую по инерции врезался, и бросил злобный взгляд на своего советчика.

— Ну ладненько, мистер ВЕНИК. Замнем это дело, но в один прекрасный день...

— Мне казалось, что мы здесь для того, чтобы выяснить, где сейчас находится интересующий нас субъект. Нам нужен ключ.

— Ключ?

— Расспроси мебель.

— Шутки шутишь?

ВЕНИК вздохнул:

— Нет, болван. Я имею в виду остаточные воспоминания. Духи очень к ним восприимчивы.

— Тогда сам и расспрашивай. Я вовсе не собираюсь беседовать с комплектом мягкой мебели.

— Но я совсем не дух. Я...

— Знаю, знаю, ты — ВЕНИК, что бы это ни значило. Но если ты будешь продолжать надо мной потешаться, я могу попытаться удалить тебя самостоятельно. Небось еще мертвее, чем сейчас, не стану!

Отрыжка повернулся к покалеченному дивану.

— Ну что, диваша, — пробормотал он, чувствуя себя полным дураком, — ты знаешь что-нибудь насчет того, куда подевалась Финн вместе с этим ее старикашкой?

Он ждал ответа, тайно подозревая, что сейчас потертые старые подушки превратятся в губы, которые произнесут ответ. Но вместо этого на них появилась Мэг. Ну, скажем, не совсем Мэг. Скорее портрет Мэг, написанный очень прозрачными и своевольными красками.

— Отлично, — сказал ВЕНИК. — Остаточные воспоминания четвертого порядка. Довольно свежие.

— Заткнись, умник. Я пытаюсь понять, что она делает.

— Поступает ли аудиоинформация?

— Чего?

— Вы ее слышите?

Отрыжка прислушался, приподняв свои заостренные уши. Слова слетали с губ Мэг, словно разноцветные птицы, причем преобладали темные цвета. Финн была в дурном расположении духа: «Значит, ты считаешь, что мы должны поступить именно так? Объехать всю Ирландию вдоль и поперек для того, чтобы выполнить четыре идиотских желания? А ничего другого ты не хочешь?»

— Что?

— Я просто повторил ее слова.

ВЕНИК задумчиво парил в воздухе.

— Итак, старик дал ей задания. Вне всяких сомнений, они уже отправились их выполнять.

— Насколько они опережают нас?

— Трудно сказать. На астральном уровне время течет иначе. Судя по периоду полураспада воспоминаний, я бы сказал, что мы отстаем от них на шесть часов.

Отрыжка попытался глумливо хохотнуть, но получилось что-то похожее на твяканье пуделя.

— Шесть часов! Да за это время они, может, за границу свалили! Я тебе точно говорю! Теперь не поймаешь! С тем же успехом мы можем сидеть

здесь и смотреть телик, пока они не вернутся. Если они вообще вернутся.

ВЕНИК прикусил голографическую губу. В данном случае ему ничего не оставалось, как признать правоту этого кретина. Старик обошел их на повороте, попросту уехав из дому. Эта мысль приводила киберпризрака в бешенство. Вряд ли Миюши сильно обрадуется, узнав, что его двойник потерпел поражение. Скорее всего, творец просто засунет неудачливую голограмму в микроволновку, в которой Вельзевул разогревает еду.

Отрыжка начал переключать каналы в поисках мультиков. Новости, новости, реклама. Чужь собачья. Он уже был готов раздраженно выключить ящик, когда на экране мелькнуло знакомое лицо. Не может быть... Но он не ошибся.

Хищное рычание вырвалось из его горла. Ему везло как никогда. Явно кто-то в аду молился за него Люциферу.

Мэг шла вдоль О'Коннелл-стрит, наслаждаясь бризом, холодившим ее лысину. Раньше она и не подозревала, как это приятно.

Она прекрасно ориентировалась в Дублине — мама, пока была жива, привозила ее сюда за покупками перед каждым Рождеством. Обычно для этого приходилось отпрашиваться на день из школы. Одежда, игрушки — все, чего она только пожелает, — а в конце поход в «Макдоналдс». Доброе старое время.

То и дело она ловила взглядом свое отражение в витрине какого-нибудь магазина и в испуге вспоминала о том, зачем она сюда приехала. А приехала она сюда для того, чтобы привести в человеческий вид одного старикашку. Тогда, возможно, у него появится хотя бы микроскопический шанс чмокнуть самую любимую бабушку всей Ирландии.

Первой мыслью Мэг было стащить все, что нужно, в магазине, но потом она сообразила, что прическу в магазине не украдешь. Кроме того, в ее ауре и так уже появилось слишком много красных прожилок, чтобы рисковать, в очередной раз нарушая заповеди. Тогда Мэг принялась рыться в карманах Маккола. Работу эту нельзя было назвать приятной. Больше всего она напоминала работу мусорщика на свалке. В результате своих поисков она выудила на свет божий несколько скомканных салфеток, многочисленные таблетки, скопившиеся за десятки лет болезней, расческу, жирную от бриолина, и упаковку древних карточек для игры в лото. И наконец наткнулась на золотую жилу: глубоко в складках поношенного бумажника обнаружилась новенькая карточка «Visa». Класс!

Начать она решила с головы. За долгие годы Лоури, очевидно, привык к своему внешнему виду, но на свежий взгляд Мэг выглядел он жутковато. Седые волосы торчали отовсюду, кроме того места, на котором им полагалось расти. Воспаленные глаза были кроваво-красными, щеки и подборо-

док покрывала щетина, больше похожая на наждачную бумагу. Необходимо срочно принимать меры.

И помочь тут может только салон красоты. Мама как-то водила ее туда, когда нашла, что им обеим необходимо освежиться. Они сделали маникюр, маски на лицо и отправились домой на поезде в час двадцать, сверкая, как две новенькие золотые монетки.

Мэг толкнула стеклянные двери и вошла. Ее появление в салоне красоты произвело примерно такой же эффект, который в фильмах про ковбоев производит появление в салуне прославленного бандита. Повисла мертвая тишина. Можно было услышать, как падает шпилька — в самом деле, несколько шпилек вывалились из рта ученицы парикмахера, которая держала их между зубами, и упали на пол.

Одетая в черное молодая блондинка неуверенно направилась к Мэг. Она прижала руки к груди, чтобы случайно не задеть ими неожиданного посетителя.

— Здравствуйте, меня зовут Натали. Чем могу вам помочь? — спросила она вслух, но глаза ее при этом сказали: «Убирайтесь отсюда, пока я не вызвала полицию».

Мэг прочистила горло:

— Вы обслуживаете мужчин?

Натали неохотно кивнула:

— Да... вообще-то.

— Отлично. А этого мужчину вы не могли бы обслужить?

Натали моргнула:

— Простите?

— Э-э-э... не могли бы вы обслужить меня?

— Наши услуги довольно дорого стоят. Может, вам лучше обратиться в вашу местную парикмахерскую...

Мэг махнула в воздухе кредитной карточкой.

— Тут у меня на все хватит, Натали.

Натали наклонилась рассмотреть карточку. Наклонилась, но всего чуточку. Улыбка облегчения мелькнула на ее ярко накрашенных губах.

— Ну что ж, тогда все в порядке. Что вы желаете?

Мэг фыркнула:

— Разве не понятно? Я желаю, чтобы меня привели в полный порядок.

Натали щелкнула пальцами, и две одинаково одетые ассистентки, как по волшебству, возникли с нею рядом.

— Этот джентльмен хочет, чтобы его привели в полный порядок. И, позволю себе заметить, лучше поздно, чем никогда.

Мэг усадили в хромированное кресло, вокруг ее головы установили разнообразные приспособления, при помощи которых наводится красота. Некоторые ей были известны: фены, галогенные лампы и электролитические лазеры. Но другие казались снятыми прямо с борта космической станции из научно-фантастического сериала.

— Шуму много будет? — нервно спросила Мэг. Первая ассистентка радостно чирикнула:

— Нет, нет, что вы! Это самые последние модели, снабженные улучшенной звукоизоляцией для того, чтобы обеспечить клиенту максимальный комфорт.

Мэг кивнула:

— Отлично! Потому что я как раз хотел немного вздремнуть.

К обеду Лоури Маккола постригли, побрили, освежили, подровняли, сделали маникюр, покрасили (в цвет осенних листьев с шестикратной отмывкой) и закутали в простыню. И при этом ни разу не оторвали его от сладкого сна. Каждый раз, когда старик пытался очнуться, Мэг попросту усыпляла его снова. Делала она это очень мягко, без грубости, с которой она обычно общалась со взрослыми. Она позволила Лоури очнуться только один-единственный раз — для того, чтобы подписать счет. И то не вполне, потому что бедняге в этот самый момент снилось, будто он выиграл в Национальную лотерею.

Внешний вид Маккола изменился феноменально. Даже Натали была потрясена.

— Если бы не ваша одежда, сэр, вы бы легко сошли за урожденного дублинца! — сказала она, а это, как известно, самый лестный комплимент, который столичный житель способен отвесить приезжему.

Ну ладно, теперь можно переходить к следующему пункту. Новые тряпки. Пора одеть эту окаменелость Маккола в соответствии с требованиями двадцать первого века.

Мама всегда посещала торговый центр на Стивенс-грин, поэтому Мэг заставила дряхлые ноги старика пройти всю Графтон-стрит до самого конца и подняться на второй этаж этого универмага. Она выбрала тот магазин, из которого доносились самая громкая музыка, и вошла. Звуки «техно» немедленно окутали ее со всех сторон, а внутри ее головы — точнее, внутри головы Маккола — сознание старика тяжело заворчалось во сне.

— Ну-ка, ну-ка, спи спокойно, рано тебе еще просыпаться.

Какой-то тип с низким лбом и кольцом в носу подскочил к ней, чтобы направить ее в зубопротезный кабинет.

— Ты не туда забрел, дед. Здесь продают одежду. Для лиц моложе ста лет.

Мэг восприняла эту фразу очень близко к сердцу — в конце концов, именно она занимала то тело, которое подверглось оскорблению.

— Дед?

Тип с кольцом в носу нервно сглотнул слюну.

— Ну, я имел в виду, что вы уже весьма пожилой джентльмен и все такое.

Мэг открыла рот Лоури, чтобы достойно ответить нахалу, но поняла, что делать этого не стоит.

Низколобый урод был прав. Ей в этом магазине, возможно, было самое место, но никак не Лоури. Ведь трудно представить себе, чтобы премьер-министр Ирландии или кто-нибудь вроде него оделся бы в бомбер и галифе. У пожилых людей совсем другие шмотки, которые придумали еще до появления компьютерных игр. Жуть, конечно, но взрослым нравится.

Мэг наградила типа с кольцом в носу высокомерным взглядом:

— Я собирался купить здесь что-нибудь в подарок моей праправнучке, но после того, как со мной здесь так обошлись, я лучше отнесу мою толстую пачку денежек куда-нибудь в другое место.

Мэг с достоинством вышла из магазина, довольная тем, как ловко она построила фразу, и тем, какое выражение застыло на лице продавца после того, как она ее произнесла. Через три двери от магазина молодежной моды располагалось заведение под названием «Таунсенд и сыновья». В витрине была выставлена куча всякого старомодного тряпья. Галстуки и все такое. На один из манекенов был даже нахлобучен цилиндр. По всем признакам это было то самое место, где мистера Маккола могут одеть подобающим образом.

Мэг нерешительно толкнула дверь, по-прежнему ощущая себя девочкой, которую из подобных заведений выгоняли по меньшей мере раз десять за жизнь. По помещению бегали с самодовольным

видом несколько дядек, у которых с шеи свисали портновские ленты, — чересчур пожилых, чтобы сойти за сына Таунсенда.

Один из портных подскочил к Мэг. Из кармана его рубашки торчал мелок, а лицо украшали обвислые усы, делавшие его похожим на персонажа мультфильма про Кролика Банни.

— Сэр? — спросил он с таким выражением, что стало ясно — произнести «Сэр, чем могу вам помочь?» он считает просто ниже своего достоинства.

Мэг покосилась на портного. Как ей держаться с ним? «Непринужденно», — ответила она сама себе. Как будто ты всю жизнь провел в подобных местах.

— Э-э-э... приказчик, Натали только что привела в порядок мою голову. Теперь я хотел бы одеться во что-нибудь пристойное. Только прошу вас, никаких цилиндров, а то он убьет меня, когда проснется. Впрочем, убить меня ему будет не так-то просто, — Мэг нервно хихикнула.

— Вам костюм, сэр? Какой-нибудь определенной марки?

— Нет, просто сообразите мне что-нибудь поприличнее. Моя «Visa» все выдержит.

И тут же внезапно вокруг Мэг расцвели угодливые улыбки. Портные принялись действовать своими метрами с той же ловкостью, с которой Индиана Джонс управлялся с хлыстом. Они ухватили Лоури под мышки и спросили:

— Сэр, вы предпочитаете готовый костюм или пошитый по вашей мерке?

— Э-э-э... я не вполне уверен, но, пожалуй, лучше что-нибудь уже готовое.

— Очень хорошо. Пожалуйста, не шевелитесь. Тройку или двойку?

— Не знаю. Пальто не надо.

— Разумеется, сэр.

— И вот эту пару коричневых туфель. С такими вот скобками, через которые пропускают ремешок.

— С пряжками?

— С ними самыми.

— Размер?

Хитрый вопрос. Без сообразительности тут никак не обойтись.

— Размер? Что-то я подзабыл. В старости память пробуксовывает. Я же уже совсем дряхлый.

— До тех пор пока вы, сэр, помните, как подписываться под чеком, это не имеет ни малейшего значения.

— Простите?

— Ох, ничего. Просто шутка.

Мэг показалось, что одевать ее принялся смерч. Семейство Таунсендов в полном составе суетилось вокруг, выкрикивая на лету маловразумительные фразы и цифры.

После нескольких показавшихся Мэг нескончаемыми минут примерки и подгонки портные наконец завершили свою лихорадочную деятельность.

— *Вуаля!* — воскликнул самый старший из Таунсендов, призывая всех полюбоваться его творением.

Мэг отважилась открыть глаза. «Совсем неплохо», — подумалось ей. Потрепанное шмотье Лоури исчезло, вместо него на старике красовался темно-синий пиджак и серые брюки. Отвороты брюк идеально легли на темно-коричневые туфли с пряжками и шнуровкой. Темно-красный галстук дополнял накрахмаленную до хруста бледно-голубую рубашку.

— Сэр?

Таунсенды вились вокруг своего клиента, ожидая от него похвал с таким видом, с каким стервятники выются над умирающим от жажды путником в пустыне.

— Ну... это...

— Да?

Что бы сказал в подобной ситуации Джеймс Бонд?

— Выдающийся результат, джентльмены! Работа высшего класса!

Похоже, Мэг попала в самую точку, потому что Таунсенды сразу же весело зачирикали между собой. Глава семейства тут же приблизился к Мэг с маленьким серебряным подносом. И тут ее поджидали дурные известия. Очень дурные известия. Хуже не придумаешь. Восемьсот сорок фунтов! Если бедный Лоури имел бы малейшее представ-

ление о том, что произошло, сердечный приступ убил бы его на месте.

Мэг вручила портному кредитную карточку, надеясь на то, что умереть банкротом не такой уж большой грех, чтобы испортить ауру. В противном случае старина Лоури крупно влип.

Один из сыновей Таунсенда подлетел к ней. Перед собой он держал старую одежду Лоури, сложенную в пластиковый мешок, с тем же примерно видом, с которым нянька держит грязные подгузники.

— Извините, сэр, вам не нужны эти... вещи?

Мэг обдумала заданный вопрос. Она уже переложила в карманы нового костюма бумажник, железнодорожный билет, пенсионное удостоверение, ключи и до обидного малое количество наличности.

— Нет. Сэру эти вещи без надобности. Выбросьте их в мусорный бак.

— Мудрое решение.

Назад дороги не было. Попытаться проникнуть в телецентр теперь можно было или в этом шикарном новом костюме или в подштанниках. К последнему свободный мир, несмотря на все перемены, произошедшие в нравах, все еще не был готов.

Настало время будить старика. Мэг покинула тело Маккола и стала ожидать, когда в ее адрес полетят гром и молнии. Старик сонно моргнул зе-

леными глазами, и тут по его лицу расплылась улыбка.

— Привет, — пробурчал он, адресуясь непонятно к кому.

Выглядело это довольно странно. Таунсенды всем скопом попятились к противоположной стене.

Лоури поднял палец вверх:

— Твое лицо мне до боли знакомо.

Мэг огляделась по сторонам. С кем, черт побери, старикан беседует?

— Мне никогда его не забыть.

Какое еще лицо? Может быть, от того, что Мэг вселилась в старика повторно, мозги его не выдержали и он лишился рассудка? Она проследила за направлением взгляда Маккола. Оказывается, сонный дурень беседовал с собственным отражением в большом зеркале, висевшем на противоположной стене примерочной кабины. Взрыв счастливого смеха вырвался из уст девочки.

Лоб Маккола вновь наморщился в привычном раздражении.

— Что здесь такого смешного?

Таунсенды покраснели: они конечно же пересмеивались между собой над странным поведением своего нынешнего клиента.

Мэг справилась со смехом и ответила:

— Ничего, если не считать того, что ты разговариваешь с собственным отражением в зеркале.

— Да ничего подобного! Это вовсе не я!

— Присмотрись, Маккол. Это именно ты.

Лоури еще раз взгляделся в элегантную фигуру, стоявшую напротив него. Он заметил, что вокруг незнакомого джентльмена имеется рама. Что довольно-таки необычно. За исключением, разумеется, того случая, когда мы имеем дело с отражением в зеркале.

— Боже мой, — вздохнул он, когда до него наконец дошло. — Вот кем я мог бы быть!

Мэг фыркнула:

— Господи, Маккол! Ты умудряешься хныкать по любому поводу. На твоём месте я бы радовалась!

Лоури прикоснулся к стеклу, чтобы убедиться, что все это ему не чудится.

— Я и радуюсь. В это просто невозможно поверить. Спасибо тебе.

— Не за что. Я готова на все, ради того, чтобы у тебя появилась возможность чмокнуть Цецилию Вард.

— На какое-то мгновение мне почудилось, что ты сделала это ради *меня*.

— А разве это не так? Нет, правду говорят, что у стариков тяжелый характер. Неужели ты даже улыбнуться не можешь, не задумавшись о последствиях?

Лоури поправил шелковый галстук.

— Да мог когда-то. Давным-давно. Еще до того, как случилось все... это.

И тут старика посетила внезапная мысль.

— Слушай, а как ты за все за это расплатилась?

Несмотря на то, что в жилах Мэг уже два года не текло ни капли крови, она все же каким-то чудом покраснела.

— Я не расплачивалась.

— О, только не это! Ты воспользовалась моим телом для того, чтобы ограбить этот магазин?

— Нет.

— Как же тогда?

Мэг выплыла в двери под носом у Лоури.

— Какая разница? Ты помнишь, что нам пора на телевидение? А это ведь за городом, в Доннибруке.

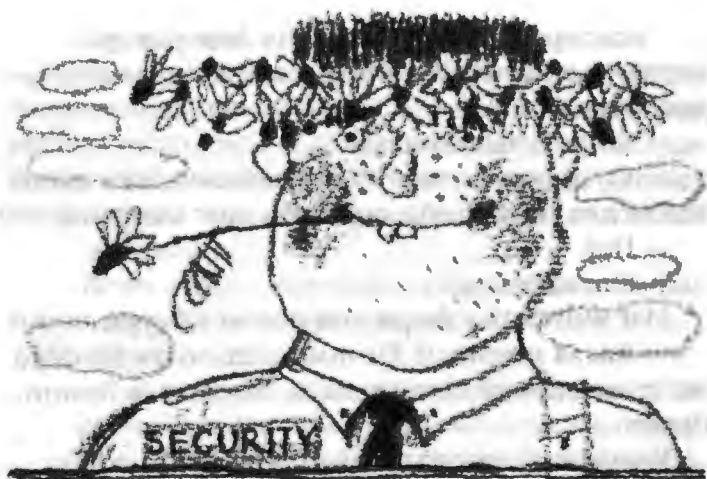
Впервые за много лет Лоури не шел, а летел.

— Постой, погоди. Скажи мне правду.

— Ну, как хочешь. Но она тебе не понравится.

— Наплевать. Все равно скажи.

И Мэг сказала ему правду. Как и следовало ожидать, Лоури Макколу она не понравилась.

Глава VI

Поцеловать Цецилию

До телецентра добирались автобусом. Даже Лоури, несмотря на всю свою замшелость, настолько взбодрился после произошедших с ним перемен, что захотел сидеть на втором этаже. В городе стоял солнечный весенний день, и улицы текли за окнами автобуса, словно реки, полные жизни. Но, увы, Лоури Маккол не мог долго оставаться в хорошем настроении, иначе бы он не был Лоури Макколом.

- Послушай, нежить, а где моя старая одежда?
- В мусорном баке.
- Что? Я носил этот пиджак почти двадцать лет!

— Я знаю, он мне про это рассказал.

Поскольку дело было в Дублине, никто из попутчиков не обращал особенного внимания на пожилого джентльмена, беседующего с самим собой.

— Какое ты имела право?

— Ты серьезно настроен поцеловать Цецилию или просто пошутил?

— Смертельно серьезно, если ты мне позволишь так выразиться.

— Тогда пойми, что она вряд ли позволит целовать себя какому-то старому дурню, который таскает за собой повсюду полный мешок вонючих тряпок. И вот что я еще тебе скажу: тебе крупно повезло, что эти Таунсенды не торгуют нижним бельем, иначе твои трусы, которые ты сто лет не снимал, отправились бы на помойку следом за пиджаком.

Лоури побледнел.

— Да как ты...

— Я все видела: и твою майку, которая расплывается на нитки. И зрелища этого я не забуду всю мою жизнь...

Тут Мэг осеклась, вспомнив, что жизнь ее уже, в сущности, кончилась.

— Я тебя понимаю, Мэг. — Лоури впервые назвал ее по имени. — Нам всем кажется, что мы будем жить вечно. И вдруг — трах-тарарах! Время вышло, а мы так и не сделали того, что собирались. Ну, мне, правда, сейчас представился шанс нару-

шить это правило. И у меня есть помощник, который поможет мне это сделать.

Мэг даже слегка шмыгнула носом, хотя глаза ее остались сухи.

— Помощник?

— Ну да, ты.

— Ты же мне сам сказал, что я здесь, потому что меня просто сюда к тебе послали.

Лоури кивнул:

— Я помню, но, может быть, твое сердце тоже принимает в этом некоторое участие.

— Нет, Маккол. Не стоит полагаться на меня. Нет смысла. Я ни разу в жизни не смогла помочь никому, даже самой себе.

— Ну и кто у нас теперь хнычет по любому поводу?

— Мне просто соринка в глаз попала, сопляк!

— Просто прелесть, а не девочка! Неужели ты так никогда и не научишься уважать взрослых?

— Ты слишком стар, чтобы я считала тебя взрослым. Ты — ископаемое.

— Очень забавно. Если бы я был лет на сто моложе...

Так между телом и духом начало возникать нечто вроде союза. И, хотя Мэг Финн этого даже не заметила, несколько новых голубых язычков заструилось в ее ауре.

У входа в телецентр стоял охранник. Это был здоровенный дублинский детина с короткой

стрижкой, полный врожденного недоверия к приезжим.

— Вали отсюда. Да подальше, — сказал охранник, которого, судя по висевшей у него на кармане пластиковой карточке, звали Десси.

— Погодите, не торопитесь, выслушайте меня, — запротестовал Лоури. — Мне нужно встретиться с Цецилией Вард.

Охранник посмотрел на Лоури из-за дощечки со списком, которую он держал в руках:

— Знаешь, сколько влюбленных старых дураков в день говорят мне то же самое?

Лоури решил разыграть негодование:

— Простите меня, юноша, но миссис Вард — мой близкий друг.

— Кто бы сомневался! А меня, в этом случае, зовут Леонардо ди Каприо.

Даже Лоури Маккол умел отличать прямое издевательство от иронии.

— Вас что, никогда не учили уважению к старшим?

— Если бы мне давали по фунту каждый раз в придачу к этой байке...

«Не смей со мной так разговаривать!» — подумала Мэг.

— С вами, стариками, сладу нет, как только вы втемяшите себе в голову, что вы знакомы с какой-нибудь знаменитостью. Вали отсюда, короче, пока я не вызвал полицию.

Лоури поправил галстук.

— Неужели я выгляжу как человек, который, как вы выражаетесь, способен «втемашить» себе в голову то, чего не было?

Охранник почесал колючие волосы на макушке:

— Никогда не стоит судить по одежке. Я, например, окончил университет с похвальным дипломом по средневековой поэзии.

Мэг решила, что настало время вмешаться.

— Используй силу мысли, Лоури.

— Что?

«Со слухом проблемы», — подумал Десси и повторил:

— Я сказал: «Никогда не стоит судить по одежке».

— Не вам это говорить.

— Не мне? Тогда кому же?

— Скажи ему, Лоури.

— «Скажи ему» что?

— Скажи кому что?

Ситуация чем дальше, тем больше запутывалась. Мэг парила над самым ухом Лоури Маккола.

— Просто слушай меня, Маккол. Не говори вслух. Пока я находилась у тебя в мозгу, я наделила тебя некоторыми способностями. Используй силу мысли. Заставь эту гориллу пропустить нас.

Лоури пожал плечами. Возможность того, что он способен властвовать над чужими мыслями, совсем его не удивляла после всего, что случилось с ним за последние двадцать четыре часа. Он испепелил охранника яростным взглядом.

— Вам придется меня впустить.

— Сомневаюсь.

— Сосредоточься, Маккол. Направь на него свою волю.

Лоури заскрипел зубами, сосредоточив всю свою волю в узкий пучок.

— Вам *придется* меня впустить, потому что я так хочу.

Глаза Десси стали мутными, как два мраморных шарика.

— Разумеется, хозяин.

— Получилось! — гаркнул Лоури. — Я управляю чужими мыслями!

— Чего желаете, хозяин? — продолжал страж. — Повернуть вас на сто восемьдесят градусов и дать вам пинка под зад? Я правильно понял ваше желание?

— Нет, нет, неправильно!

— А по-моему, правильно! А теперь вали отсюда ко всем чертям, пока я не вызвал санитаров, чтобы тебя отвезли в дурдом, где самое место таким фокусникам.

Лоури обернулся и посмотрел за плечо. Эфирное тело Мэг сотрясилось от беззвучного хохота.

— Ха-ха-ха, очень забавная шутка! — возмутился Маккол.

— Извини, — отдышавшись, выдавила из себя Мэг. — Ничего не могла с собой поделать.

— Я с самого начала ждал чего-то в этом роде.

— И ты не ошибся, — поддакнул Десси. — Я таких, как ты, видал вагон и маленькую тележку.

Лоури закрыл глаза. За последний год он почти разучился разговаривать с людьми, а тут приходится вести сразу две беседы одновременно.

— Выходит, мне внутрь никак не попасть.

— Ничем тебя, дед, не могу порадовать.

Мэг поплыла в воздухе по направлению к прямому дублинцу.

— Вообще-то мозг устроен почти как пианино. Главное — вовремя нажимать на правильные клавиши. — С этими словами привидение закатало рукав и погрузило свою руку прямо в ухо охранника. Рука исчезла по самый локоть.

— Фу, — скривился Лоури. — Какое отвратительное зрелище!

— Помолчи, пожалуйста, а то я займусь тобой.

Скрипя зубами, Мэг возилась в голове Десси.

— Ну вот, готово. Теперь он будет повиноваться каждому твоему слову.

Лоури даже показалось, что он услышал какой-то щелчок, словно Мэг нажала в голове охранника на выключатель.

— Валяй!

Десси теперь даже внешне переменился. Колени его стучали друг о друга, а руки болтались в воздухе, словно у марионетки.

— Гм, — задумался Лоури. — Знаешь, кого он мне сейчас напоминает?

— Ага, одну очень известную рок-звезду.

И тут же, не говоря ни слова, Десси вскочил и начал петь, покачивая при этом тазом и выпячивая губы.

— Ой! — воскликнула Мэг. — Не на ту кнопку нажала!

Девочка-призрак снова взялась за дело. Со стороны она походила на медвежонка, который запустил лапу в пчелиный улей.

— Ну вот, теперь, наверное, все правильно.

Но она ошиблась и на этот раз. Десси внезапно заржал как конь.

— О, Господи, так у тебя ничего не получится! Лучше вселись в его тело, и дело с концом.

— Тебе только кажется, что это так просто. Хватит с меня и того, что теперь моя голова забита всем, что помнишь ты. Там только кучи средневековых виршей не хватало! Ладно, вроде нашла.

Щелк! И Десси внезапно стал смирным, как котенок, а его большие волосатые руки бессильно повисли вдоль туловища.

Лоури неловко откашлялся:

— Десмонд, сынок, будь так любезен,пусти меня внутрь.

По лицу Десси расплылась улыбка:

— Конечно, чувак, я впусти тебя. И знаешь, почему?

— Нет, Десмонд. Почему?

Слеза скатилась по щеке охранника.

— Потому, что я люблю тебя, чувак. Я люблю тебя и полевые цветы, я люблю эти автобусы на улице и даже студентов университета с их ехидными шуточками и прокуренными свитерами. Я люблю всю вселенную, чувак.

Всклипывая, Десси нажал на кнопку, и двери открылись.

— Десмонд! Что тебе стоит дать мне еще и пропуск посетителя?

— Не вопрос, чувак. Кстати, когда тебе будет не в лом, залетай ко мне на флэт. Покайфуюем вместе, приколемся.

— Очень интересное предложение, — сказал Лоури, хотя не понял ни слова из сказанного Десмондом.

Повернувшись к своей призрачной спутнице, Маккол спросил:

— Что ты сделала с этим беднягой?

Мэг пожала плечами:

— Я просто зашла к нему в голову, увидела в чуланчике какой-то розовый веселенький ящичек и открыла его.

— Ты знаешь, пока он хамил, он мне больше нравился.

Лоури размашисто шагал по широкому коридору, и его уверенность в себе росла с каждым шагом. С пропуском, прикрепленным к лацкану пиджака, он мог свободно пройти в любое помещение телецентра, включая, как он надеялся, и то, в котором снималась передача «Чай с Цецилией».

Студии, в которых снимаются телепередачи, в жизни совсем не такие, как на экране. Во-первых, они меньше. Во-вторых, по телевизору вам никогда не показывают, что начинается там, где кончаются декорации. Декорация передачи «Чай с Цецилией» выглядела так, словно какой-то великан откусил целый ломоть от пригородного коттеджа, а затем ему чем-то не понравился цвет обоев и он выплюнул огрызок прямо посреди большой комнаты в Доннибруке. Лоури был немного разочарован. Разочарование истекло из него фиолетовыми потоками.

Мэг не смогла удержаться от того, чтобы не состричь:

— Неужели наш мальчик все еще верит в сказки?

Лоури хотел ей ответить резко, но вовремя прикусил язык. Он уже был так близко к цели, что не мог рисковать. Начни он разговаривать с самим собой, и его наверняка вышвырнут за двери, как сумасшедшего.

Мэг, давась от смеха, продолжала сюсюкать.

— И мульти-пульти тоже не настоящие, сынок. Это просто такие картиночки, которые двигаются быстро-быстро.

Лоури попытался испепелить ее взглядом. В мире, в котором теперь существовала Мэг, взглядом и на самом деле можно было испепелить. Ядовито-оранжевый свет вырвался из глаз старика и ударил своим лучом прямо в голову Мэг.

— Ой! Прекрати немедленно!

— А ты перестань умничать, — прошипел Лоури, продолжая при этом старательно улыбаться.

Все зрители на шоу делились на три категории: седые, с голубыми волосами и вообще без волос. По аурам Мэг могла прочесть мысли каждого из них. Воспоминания о былой борьбе и боли утрат висели над их головами, перемешиваясь друг с другом, словно нарисованные разноцветным дымом картины. И тем не менее все они думали о любви. О любви и о семье. Почти каждая присутствовавшая душа хранила в себе воспоминание об утраченном драгоценном и любимом существе.

Приглашенный юморист как раз закончил рассказывать свои несмешные шутки и услышал поданную через наушник команду покинуть сцену. Тогда он начал хлопать в ладоши и верещать как полоумный. Публика в ответ захлопала, хотя верещать никто не стал — это ведь все-таки был не концерт «Boyzone».

— Нам пора, — прошептала Мэг.

Лоури вытер ладони новеньким шелковым носовым платком. Ладони были мокрыми, как две губки.

Отрыжка оскалился по-собачьи, продемонстрировав при этом частокол зубов.

— Это невозможно, — фыркнул он.

ВЕНИК переместился поближе к плечу мальчишки.

— Отрицание очевидного — распространенная реакция умственно недоразвитых личностей на все, что превосходит их понимание. Равно как и еще суеверие. Все явления могут быть описаны математически. Даже Рай и Ад — всего лишь ряд пространственно-временных уравнений.

Отрыжка нахмурился:

— Ты законченный ботан, ШВАБРА.

— Меня зовут ВЕНИК.

— Какая разница.

ВЕНИК мигнул, просматривая свой словарь.

— Гм: ботан, чудик, шляпа — личность, не способная к нормальному социальному общению.

— Слушай, заткнись и лучше смотри в ящик.

ВЕНИК с тихим жужжанием приблизился к экрану:

— Устаревшая технология. Даже не цифровая. Высокая чувствительность к помехам.

Отрыжка почувствовал, как его переполняет собачья ярость.

— Не неси чепухи! Лучше смотри на экран.

ВЕНИК включил увеличение на приборе, заменявшем ему органы зрения.

— Я вижу набор цветных точек, которые передаются в определенном порядке для того, чтобы создать иллюзию...

— Заткнись! — взвыл Отрыжка, вскакивая на ноги. — Заткнись! Заткнись!! Заткнись!!! Гав! Гав! Rrrrr!!!

ВЕНИК наградил за это мальчигопса небольшим электрическим разрядом в мозг — отчасти по необходимости, отчасти потому, что не смог отказать себе в этом удовольствии.

— Ну что, теперь мы в состоянии беседовать как разумные существа?

— Афф.

— Будем считать это утвердительным ответом. Итак, что вы хотели мне сказать, завывая, словно питекантроп.

Отрыжка почесал дымящийся клочок меха у себя за ухом:

— Гляди. Это он. Там, на экране.

Линзы векторного навигатора снова повернулись к телевизору.

— Ты прав. Совпадение с вероятностью восемьдесят девять процентов.

— Он малость изменился. Не такой жалкий.

ВЕНИК погрузил ухоженную ручку с отполированными ноготками в глубь экрана. Волны красных искр пробежали по экрану, полностью разрушив картинку.

— Что ты затеял? Это же... ну, как ты это называл? Типа, как в рассказах про Шерлока Холмса... вспомнил, ключ!

ВЕНИК мигнул, поток пульсирующего света возник внутри его конечности и устремился в телевизор.

— Я установил источник сигнала, — заявил он торжественно. — Передача ведется в реальном

времени. В настоящий момент я посылаю данные для обработки в мейнфрэйм Хозяина.

Отрыжка почувствовал, как слюнные железы под его напрягшейся челюстью заработали на полную мощность. Жажда крови переполняла его. Все-таки собачья жизнь — это не так уж и плохо.

— Когда мы туда попадем? — прорычал он голосом, в котором уже не оставалось почти ничего человеческого.

— Поглядите вокруг, кретин, — пробурчал ВЕНИК — Мы уже «там».

Цецилия Вард выплыла на сцену, и старина Лоури чуть не свалился с сиденья от восторга. Двести пар старых коленей болезненно хрустнули в унисон, когда зрители поднялись, чтобы приветствовать телезвезду стоячей овацией.

— Отлично, Лоури. Ну и что мы будем делать теперь?

Маккол смахнул каплю пота с ресницы.

— Что мы будем делать? Как что? Целовать Цецилию.

— Вот так вот просто подойдем и поцелуем?

— Ну...

— Господи, неужели ты ничего не продумал заранее?

На рубашке Лоури начали проступать темные влажные пятна.

четыре желания

— Слушай, я никогда прежде ничем подобным не занимался. Я думал, ты мне подскажешь, что нужно делать.

— Ты что думаешь, это мне надо ее целовать? С меня хватило и того, что приходилось целовать мою собственную бабушку.

— Нет уж, даже и не мечтай — если кто здесь будет целоваться, так это я.

— Кто бы сомневался.

— Кто бы только попробовал!

— Ну и отлично.

— Прекрасно. Когда я скажу, ты возьмешься за дело. Доставь мои старые кости на сцену, а уж я сделаю все остальное.

Мэг кивнула.

— Ладно. А теперь перестань разговаривать сам с собой, все уже садятся.

Цецилия успокоила зрителей одним элегантным жестом. Это была очень красивая и высокая пожилая женщина с копной стального цвета волос и большими карими глазами. Неудивительно, что Лоури не мог забыть ее всю жизнь.

— Вечер добрый, дорогие друзья, — сказала Цецилия и заговорщически подмигнула зрителям. — Мне приходится делать вид, что сейчас у нас вечер ради тех, кто будет смотреть повтор этой программы в субботу вечером.

Это была дежурная шутка в духе Вард. Редактор наверняка не станет вырезать ее, а оставит в обоих выпусках передачи. Публика одобритель-

но засмеялась, забыв на время все свои волнения и заботы.

— Наша передача *этим* вечером будет посвящена теме, к которой мы вновь и вновь возвращаемся: к теме потерянной любви.

Лоури чуть не подскочил в кресле. Его кожные железы источали целые водопады пота.

— Потерянная любовь? — усмехнулась Мэг. — Ну и ну.

— О нет! — простонал Лоури. — Это уж чересчур. Я этого просто не выдержу.

Озабоченная соседка потянула Лоури за рукав:

— Вам нехорошо, голубчик?

Лоури чувствовал себя так, словно кто-то накачивал его череп автомобильным насосом.

— Не беспокойтесь. Спасибо. Все хорошо. Здесь просто очень душно.

Он поднялся на нетвердых ногах, внезапно чувствуя, что со стороны он должен представлять потешное зрелище. Новый костюм. Поцеловать Цецилию. Что он вообще о себе вообразил?

— Куда это ты собрался?

— Домой. Домой. Туда, где мне самое место!

Мэг парила у Маккола под самым носом.

— Нет! Ты не посмеешь! После всего, что нам удалось преодолеть!

— Прочь с дороги!

Разумеется, диалог этот проходил посреди прохода, идущего к сцене. Со всех сторон на Маккола уже недовольно смотрели.

— Сядь на место!

— Не сяду.

— Ну и что ты собираешься сделать? Забиться в свою нору и там сдохнуть?

Кровь стучала Лоури в виски, заглушая все его мысли.

— Да! — закричал он, заглушая этот неумолчный грохот. — Я забьюсь в свою нору и там сдохну.

Подобное заявление, да еще произнесенное громко, окончательно привлекло к Лоури всеобщее внимание. В павильоне воцарилась мертвая тишина. Даже операторы на мгновение перестали жевать жевательную резинку.

Цецилия Вард, приставила к глазам ладонь, пытаясь разглядеть за светом прожекторов, что происходит в зале.

— Вам плохо, сэр?

Здоровенные охранники с невозмутимым видом уже направлялись к сектору В.

— Успокойся, Лоури! Сейчас опять сваляешь дурака!

— Нет!

Цецилия Вард напрягла зрение:

— Мы с вами случайно не знакомы?

Лоури набрал в легкие побольше воздуха и посмотрел своей первой любви прямо в глаза:

— Привет, Цецилия.

— Вы меня знаете? Боже мой... Лоури?

И телевизионная звезда непроизвольно попя-

тилась, чуть не споткнувшись при этом о низкую ступеньку.

Охранники перешли на бег, делая друг другу на ходу руками какие-то секретные знаки.

— Вперед, Лоури!

Маккол смотрел как зачарованный на ту, которую он любил более чем полвека тому назад. Ее глаза совсем не изменились, они остались точно такими же.

— Ладно, я согласен. Вселись в меня!

— Давно бы так, — пробурчала Мэг, входя в тело Маккола.

Лоури внезапно швырнуло назад, как пассажира в вагончике американских горок. Но только потому, что он снова ощутил силу и страстность юности, наполнившие его дряхлую плоть.

— Эй, Цецилия, — крикнула Мэг. — Стой, где стоишь, золотце мое. Лоури... в смысле я — я хочу тебе сказать пару слов.

Лоури беспомощно простонал про себя. Девочка явно насмотрелась американских фильмов.

В этот момент охранники решили, что хватит соблюдать приличия: они рванулись по проходам, словно стадо потревоженных носорогов. Их предводитель выкрикивал на бегу в рацию:

— Вероятный маньяк, сектор В. Готовность номер один.

— Вас понял. Выходим на позицию.

Мэг вскочила на спинку кресла, чудом увернувшись от цепких пальцев ближайшего охранника.

Еще двое охранников столкнулись лбами, кинувшись туда, где мгновение назад находилась нога Лоури. Девочка хихикнула, вспомнив, как однажды за ней гонялась целая команда регбистов, которых она обозвала девчонками в фуфайках. Тогда они ее так и не поймали.

Стараясь не наступать зрителям на головы, Мэг скакала с ряда на ряд по спинкам кресел, и вид у нее при этом был очень лихой, не в последнюю очередь благодаря великолепно подогнанному костюму.

Цецилия смотрела на Маккола, не веря собственным глазам.

— Лоури... я... О Боже!

Мэг соскочила в проход.

— Куколка, я мигом!

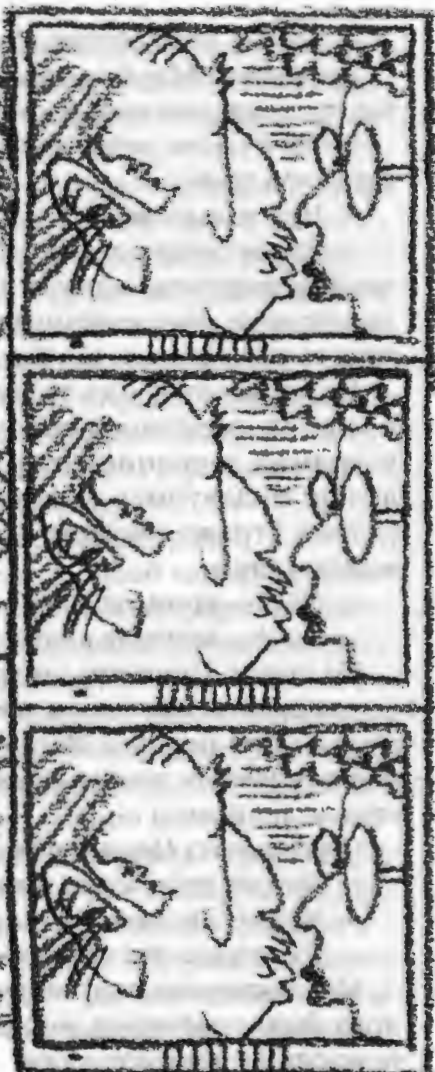
Лоури поморщился. Ну и выражения!

Операторы опомнились, и камеры их завертелись, словно башенные орудия на танках. Этот необычный старикан может оказаться событием года! Один из особенно рьяных охранников даже попытался врезать Лоури кулаком, но, поскольку он слегка придержал свой удар, чтобы не разбить старику череп, Мэг успела выхватить у одной из бабушек корзинку с шитьем и прикрыться ею. Судя по раздавшемуся воплю, кулак охранника вступил в контакт с подушечкой для булавок, лежавшей внутри корзинки.

— *Ойя!* — прокричала Мэг, отстучав каблуками чечетку.

2000-1950 * 1950-1950

Мурат Аюпов Мавкан
1950-1950

— *Ойя!* — прокричала в ответ толпа зрителей.

Энтузиазм Мэг был так заразителен, что весь зал сразу принял ее сторону.

Вниз, к сцене, вел поручень из гладкой металлической трубы.

— Нет, только не это! — простонал Лоури.

— Это и только это, — усмехнулась Мэг, вскочила на поручень верхом и со свистом промчалась по нему, прихватив по пути розу, украшавшую чью-то соломенную шляпку.

На пути оставалось только одно препятствие в виде здорового охранника, но его тут же устранил звукооператор, который, пытаясь лучше подзвучить происходящее, нечаянно ударил стража порядка по голове подвесным микрофоном.

— *Ойя!* — кричала Мэг.

— *Ойя!* — кричала в ответ толпа зрителей.

На щеках Цецилии заиграл румянец. Вся эта сцена сильно смахивала на отрывок из старого фильма про пиратов. Впрочем, подобные сцены очень нравятся пожилым людям, и Мэг это прекрасно понимала.

Она вручила Цецилии розу и сказала:

— Это для тебя, алмаз души моей!

— Лоури? Это ты? Что ты здесь делаешь?

— То, что я хотел сделать сорок лет назад.

Мэг заключила телезвезду в свои объятия. Публика была очарована, носовые платки пестрели повсюду, словно мотыльки.

Зрелище вышло великолепное: романтическое, скандальное, возбуждающее. А затем, как и следовало ожидать, разверзлась Преисподняя.

Отрыжка посмотрел вниз. Он парил на высоте шестидесяти метров над землей.

— Афф! — тьякнул он. — Афф, афф, афф, ауу!

— Гав! Ррр, ррр, гав! — ответил ему ВЕНИК на безупречном питбульском, что в переводе означало: «Расслабься, кретин, ты уже сдох!»

Отрыжка слизнул слюну с подбородка и сказал:

— Заткнись, умник. Я просто пока еще не совсем привык к загробной жизни. Я раньше никогда не ездил с такой скоростью.

Голограмма принялась разъяснять:

— Мы не состоим из твердой материи, ясно? Разумеется, это не совсем точная формулировка: если рассмотреть происходящее на субатомном уровне...

Тут ВЕНИК споткнулся, заметив на морде Отрыжки выражение, которое следовало трактовать, как: «Я ни хрена не понимаю в том, что ты мне тут несешь», — и поспешно сменил пластинку:

— Короче, объясняю для тупиц — мы можем оказаться по своему желанию в любом месте при условии, что мы знаем, где это место находится.

— Ясно, — сказал Отрыжка, который все равно так ничего и не понял. — Так вот сейчас я хочу очутиться рядом с этим старикашкой и вцепиться ему в горло.

Телескопические глаза ВЕНИКА с жужжанием вертелись по сторонам, пытаясь прочесть электрические импульсы, бежавшие по проводам.

— Похоже, мне удалось выделить нужный нам сигнал.

— Отлично, тогда вперед следом за ним, трепло кибернетическое!

— Меня зовут ВЕНИК.

— Какая разница?

Отрыжка и тявкнуть не успел, как они помчались вдоль спутанных проводов, которые вели от антенны на телевизионной башне к передатчику. Мимо них проносилась сложная электронная аппаратура. Отрыжке даже удавалось рассмотреть, как сталкиваются друг с другом отдельные электроны, как, не обращая никакого внимания на незваных гостей, притягиваются друг к другу с неодолимой силой положительные и отрицательные ионы.

И тут они наконец вылетели из объектива телекамеры и оказались в самой гуще настоящего бедлама. Сотни стариков и старушек, вскочив с мест, топали ногами и гикали. Обалдевшие охранники сидели там и тут на полу студии, потирая ушибленные места.

Отрыжка утробно зарычал:

— Грр, а мне здесь нравится!

— Рад это слышать, — сухо отозвался ВЕНИК. — Когда вы закончите любоваться обстановкой, то заметите, что ваша цель находится от вас менее чем в трех метрах.

Отрыжка мотнул мордой и тут же учуял знакомый запах Мэг Финн. Она была здесь, внутри старого Маккола. Собачья сущность Отрыжки стремительно взяла верх над человеческой. Клыки и горло мальчигопса жаждали свежей крови. Изогнутые когти вылезли из кончиков его пальцев.

— Р-р-разор-рву!

Присев на мощных задних лапах, Отрыжка прынул в воздух и тараном врезался в тело Лоури, вышибив из него Мэг. Два привидения, сцепившись, покатались по сцене, — искры от аур летели во все стороны.

— Ах ты падла, предательница! — рычало исчадие ада. — Сейчас ты отправишься следом за мной.

— Интересно куда, — съязвила Мэг. — В конуру, что ли?

Но шутила она уже просто по инерции. На самом деле то, что некогда было Мэг Финн, превратилось в дрожащий от страха комочек эктоплазмы. Отрыжка сделался совсем другим, и не просто потому, что слился воедино с Раптором, — он был хитрее и злее, словно не только побывал в аду, но и полюбил его всей душой.

— Грр, ррау, ррау, рrrr! — прорычал Отрыжка, что ВЕНИК мог бы перевести как: «Это твоя последняя шуточка, потому что сейчас я вырву тебе язык!»

Как это ни странно, несмотря на то, что Мэг не владела ни одним из собачьих диалектов, она прекрасно поняла смысл сказанного. Возможно, это-

му пониманию сильно помог вид занесенной над ее лицом когтистой лапы.

Все микросхемы ВЕНИКа дымились от негодования.

— Нет, глупое животное! Девчонка не стоит того! Все внимание — на старика.

Но жажда мести овладела Отрыжкой с такой силой, что он ничего не слышал. Ситуация принимала непредвиденный оборот.

Лоури, очевидно, не замечал астральной потасовки, происходившей у него под носом. С его точки зрения, все шло по плану. Мэг доставила его на сцену. Возможно, с излишней бравадой — но доставила. А теперь ему предстояло исполнить первое из Четырех Желаний, а именно — Поцеловать Цецилию.

Цецилия Вард была потрясена, как была бы потрясена на ее месте любая пожилая телезвезда, если к ней на передачу внезапно появился бы поклонник, ухаживавший за ней чуть не полвека назад, и для начала играючи обезвредил всех сотрудников секьюрити. Впрочем, несмотря на свое потрясение, она не предпринимала ни малейших попыток высвободиться из объятий Лоури.

— Ну, Лоури, — спросила она неожиданно помолодевшим голосом. — И зачем же ты явился сюда?

Только тут до Лоури дошло, что его, скорее всего, показывают по телевизору.

— Меня позвала потерянная любовь, — ответил он и поцеловал Цецилию в губы.

Тут уж зрители окончательно обезумели, особенно после того, как Цецилия Вард положила свою руку на плечо этого франтоватого пожилого джентльмена и одарила его ответным поцелуем. Это была фантастическая, колоссальная сцена.

Из точки соприкосновения губ Лоури и Цецилии вырвался эфирный луч ослепительно-белого цвета. Он проник во все поры тела каждого мужчины, женщины и призрака, присутствовавших в студии. Разумеется, никто из них этого не заметил. Всем просто показалось, что мир вокруг них на какой-то миг стал намного лучше, чем обычно.

«Никто не заметил» в данном случае означает «никто из людей». ВЕНИК видел луч и прекрасно понимал, что предвещает его появление. А предвещало оно большие неприятности. Очень большие. Отрыжка тоже заметил что-то неладное. Шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Что за чертовщина? — прорычал он, пытаясь заглянуть через плечо.

И ВЕНИК успел дать ему ответ, прежде чем ослепительно белый луч не швырнул их обоих обратно в Преисподнюю.

— Добро, — ответил он. — Стопроцентное неразбавленное *добро*.

Мэг почувствовала, как стремительно голубеет ее аура.

Цецилия проводила Лоури к выходу, якобы для того, чтобы защитить его от охранников, у которых прямо кулаки чесались поквитаться с ним.

— До сих пор не могу никак поверить, что это ты, — сказала она, поправляя локон за ухом. — Лоури Маккол собственной персоной стоит передо мной.

Лоури вздохнул:

— Я опоздал на несколько десятков лет.

Телеведущая взяла его за руку:

— Может быть, — но лучше позже, чем никогда.

Мэг от всех этих разговоров прямо-таки тошнило.

— Я тебя умоляю, Маккол, кончай распускать сопли! Чмокни ее еще разок и пора двигать отсюда. У нас еще дел полно.

— Заткнись. Я занят.

Цецилия удивленно моргнула.

— Извини? Что ты сказал?

— Ничего особенного. Просто я беседовал... э-э-э... с моими внутренними демонами. Слишком много времени провожу в одиночестве.

— Тогда оставайся. Хотя бы ненадолго. У нас найдется о чем поговорить.

На мгновение Лоури заколебался. Предложение звучало очень соблазнительно.

— Гм... Увы, нет. Мне нужно сделать несколько дел. Очень важных дел.

Цецилия смахнула слезинку, показавшуюся в уголке глаза.

— Понятно. А ты вернешься?

Лоури застыл в нерешительности. Стоило ответить «да», и все стало бы намного легче.

— Нет, Цецилия. Боюсь, что нет.

— Ясно. Что ж, было очень приятно вновь увидеть тебя. Пусть даже всего на минуту. А если передумаешь.. — И Цецилия вложила ему в руку визитную карточку.

Лоури обнял ее крепко, от знакомого аромата ее духов у него закружилась голова.

— До свидания, Цецилия.

Слезы вновь заблестели на щеках Цецилии Вард.

— До свидания, старый друг, и спасибо тебе за рейтинг.

Лоури спокойно прошел мимо будки охранника, которая оказалась пустой. Десси сидел на лужайке перед зданием и плел венки из ромашек.

Лоури постоял немного на пороге и наконец решился.

— Цецилия! — крикнул он.

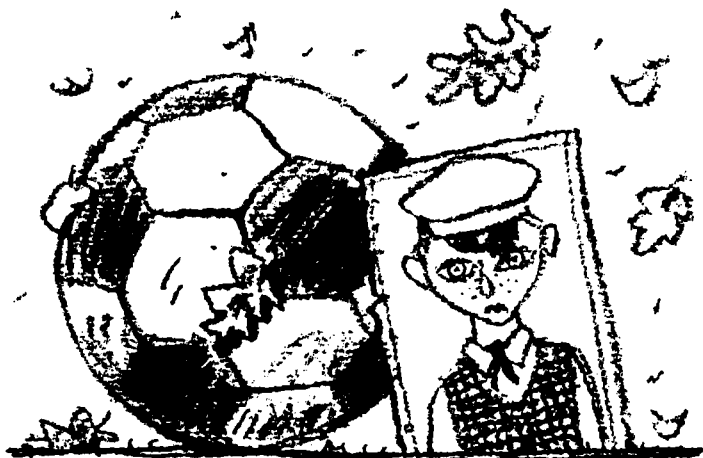
Она обернулась, прикрыв глаза ладонью, потому что солнце светило ей прямо в лицо:

— Что?

— Тот вечер... — заикаясь, спросил Лоури, — после кино, когда я тебя так и не поцеловал... ты никогда не вспоминала?..

Цецилия улыбнулась сквозь слезы.

— Каждый день и каждую ночь, Лоури Маккол, каждый день и каждую ночь.

Глава VII

Футбольное безумие

Они сели на вечерний автобус и поехали обратно в Дублин. К счастью, на втором этаже не было ни души.

— Так ты ничего не заметил? — изумлялась Мэг. Лоури поскреб подбородок:

— Да нет.

— Туда явился Отрыжка, только теперь он наполовину превратился в собаку. А рядом с ним плавал в воздухе какой-то вообще непонятный тип с глазами как телескопы, а затем вспыхнул яркий-яркий белый свет и их куда-то унесло, а мне этот свет не причинил никакого вреда.

— Нет, ничего такого не заметил.

Мэг бросила на него сердитый взгляд:

— Ну куда тебе, ты же со своей *девчонки* глаз не сводил.

Лоури откинулся на спинку сиденья и улыбнулся:

— Болтай все, что хочешь, нежить. Сегодня мне ничем невозможно испортить настроение.

— Это было отвратительное зрелище. Все эти старички и старушки, вроде тебя, которые тут же бросились целоваться. У вас что, совсем нет чувства собственного достоинства?

— Ты, часом, не ревнуешь, моя юная приятельница?

— Ревную? К кому? К этой бабушке?

Лоури приподнялся:

— Да нет. К тому, что мы живы. К тому, что мы... счастливы.

Мэг смотрела из окна автобуса. Мимо проносились городские улицы.

— Ну и вопросы же ты задаешь четырнадцатилетней девчонке. Разве я задумываюсь над подобными вещами? У меня в голове, наверное, одни танцы да конфеты.

— Гм, — недоверчиво хмыкнул Лоури.

— Сам такой. Знаешь, пока ты вел себя как обычный сварливый старикашка, ты мне нравился гораздо больше.

Но Лоури не сдавался:

— Слушай, Мэг, поделись со мной кое-чем.

четыре желания

— Чем же?

— Что он тебе такого сделал?

— Кто?

— Ты знаешь кто. Франко. Что он тебе такого сделал, что ты сделала с ним то, что ты с ним сделала?

— Это что, скороговорка?

— Нет, я серьезно.

— Если серьезно, то не лезь не в свое дело.

Лоури мотнул головой:

— Молодец! А я-то думал, что мы теперь друзья.

Мэг покачала пальцем:

— Знаю я эти штучки. Пытаешься разбудить мою совесть. Так обычно моя мама делала. Что ж, ничего у тебя не выйдет. Ничего я тебе не расскажу.

И Лоури отступился.

— Ладно, подруга, как-нибудь в другой раз.

«Это вряд ли» — читалось на лице у Мэг. Но чем спорить, лучше сменить тему беседы.

— Что там у нас под вторым номером?

Лоури удивленно моргнул:

— О чем это ты?

— О втором из Четырех Желаний.

— Ах, да. Ты ведь слышала о Кроук-парке?

— О Кроук-парке? Это там, где играют в херлинг и гэльский футбол?

— Именно так. Самый большой, самый знаменитый стадион в стране. Историческое место...

— Хватит, хватит. Я все поняла. И при чем же здесь этот стадион?

— Я хочу перекинуть футбольный мяч над перекладиной в Кроук-парке.

Мэг ни чуточки не удивилась.

— Конечно. Почему бы и нет? А прыгнуть с шестом у тебя желания не возникает?

— Спасибо, конечно возникает, хотя я понимаю, что ты опять издеваешься.

— Надо думать, с этим желанием тоже связана какая-нибудь история?

— Само собой!

— И наверняка такая же длинная и занудная, как и прошлая?

Лоури скривился:

— Боюсь, что да.

— Тогда валяй рассказывай, — вздохнула Мэг, усаживаясь поглубже на сиденье автобуса (разумеется, насколько это было возможно в ее нынешнем состоянии).

Лоури улыбнулся:

— Ну что ж, раз ты просишь.

Он извлек откуда-то очередную сигару и начал жевать ее, не закуривая. Ведь в общественном транспорте курить не разрешается.

— Итак, перед войной...

— Перед какой войной?

— Мировой.

— Первой или Второй?

— Второй, нахалка. Впрочем, это не имеет никакого значения.

— Вряд ли историки согласятся с тобой в этом вопросе.

— Для моей истории это не имеет никакого значения.

— По-моему, Лоури, ты начинаешь злиться.

— А ты не догадываешься почему? Ладно. Итак, перед Второй мировой войной мой отец решил отправить меня в школу-интернат.

— Это было как-то связано с войной?

— Да нет, никак.

— Я так и знала! А я-то тут сижу и уши развесила — приготовилась слушать про войну.

— Я упомянул войну только для того, чтобы обозначить время. О Господи, это просто невыносимо!

— Извини, Лоури. Продолжай.

— Не буду.

— Да ладно тебе, перестань дуться и расскажи мне твою историю.

— Неужели мне придется выносить все это каждый раз, когда я соберусь тебе что-нибудь рассказать?

Мэг кивнула:

— Боюсь, что да. Ты слишком стар, чтобы мы понимали друг друга с полуслова.

— Аналогично. Ладно, как-нибудь пробьемся. Но я соглашаюсь на это лишь потому, что прекрасно знаю, что ты умираешь от желания услышать мой рассказ. Это просто твой свинский подростковый возраст заставляет тебя перебивать меня на каждом слове.

И Лоури снова начал рассказывать. Когда он рассказывал, Мэг видела, как картиннки вытекают через отверстия в его голове и выются в воздухе, похожие на сон художника-импрессиониста.

— Я был хлипким парнишкой, единственным ребенком в семье, поэтому отец решил, что школа-интернат закалит меня. Так многие считали в те дни, еще до доктора Спока...

— При чем здесь «Стар Трек»?

— Я же сказал *доктора* Спока! Неужели ты никогда не читала ни одной его книги?

— Читала, — возмутилась Мэг, пожалуй, чересчур яростно.

Ей очень хотелось скрыть тот факт, что еще никогда не удалось дочитать до конца ни одну книгу без картинок.

— Итак, когда мне исполнилось одиннадцать лет, меня отправили в Уэстгейтский колледж для мальчиков. Очаровательное заведение, битком набитое великовозрастными хулиганами с садистскими наклонностями и Христовыми Братьями с плетками в руках.

Мэг сочувственно кивнула. Здорово напоминало ее собственную школу.

— На завтрак давали кашу, а на обед и полдник — розги в неограниченных количествах. Преподавали нам только четыре предмета: латынь, ирландский, арифметику и футбол. И ни в одном из них я не был особенно силен. К тому же родился я в небогатой семье, да еще и в провинции.

Поэтому я очень быстро оказался одним из самых непопулярных мальчиков в школе.

— Это, часом, не из романа Чарлза Диккенса? — вежливо поинтересовалась Мэг, решив блеснуть начитанностью: «Оливера» она видела раз двадцать — это был любимый мамин фильм.

— Шесть месяцев я провел в сущем аду. Но однажды у меня появилась возможность изменить все...

— Дай я сама догадаюсь... Ты ее упустил?

Лоури шумно затыкнул своей незажженной сигарой. Выражение его лица следовало понимать как ответ на заданный Мэг вопрос.

— Так что же случилось? — спросила девочка-призрак, изменив своей привычке не задавать ни одного вопроса без издевки.

— Команда младших классов нашего колледжа вылетела из школьного чемпионата в полуфинале. А это значит, что ей не светило сыграть в финале на стадионе в Кроук-парке. Сыграть там было в те дни мечтой каждого мальчишки. И вот наша компания как-то ночью улизнула через окно из спального корпуса и пешком пересекла полгорода, чтобы добраться до стадиона. Мы решили перелезть через изгородь и просто попинать мяч по полю, чтобы потом с полным правом похвастаться перед всеми, что мы играли в Кроук-парке. В эту экспедицию брали всех желающих, даже такую деревенщину, как я.

— И как же ты умудрился все испортить?

— Я без особого труда взобрался на забор. Но слезть с него не смог.

— Ты струсил.

На Лоури было жалко смотреть.

— Да, да, я струсил. Единственный раз мне подвернулась возможность... Единственный раз меня позвали вместе со всеми. Иногда я просто ненавижу самого себя за то, что я такой.

— Наверное, остальные мальчишки с тобой после этого просто не разговаривали?

— Если бы только это!

— Неужели еще хуже?

— Намного.

— Рассказывай.

Лоури глубоко вздохнул:

— Когда я начал слезать с забора, меня поймали.

— Ни фиги себе!

— Вот именно, что «ни фиги себе!». Ночной сторож вызвал Христовых Братьев, они приехали с фургоном и загнали в него всех мальчишек, словно скотину.

— Кончилось все это плохо, надо думать.

— Хуже некуда. Массовое исключение. Выгнали всех...

— Кроме тебя.

— Кроме меня. Хуже того, меня начали ставить всем в пример, как благоразумного ученика. Представь, как ты себя чувствуешь, когда тебя называют «благоразумным учеником» на общем собра-

нии школы перед залом, в котором сидит четверста мальчишек.

Мэг содрогнулась.

— Кошмар!

— Никто целый год со мной не разговаривал.

— А теперь ты хочешь попробовать снова?

— Должен. В моей жизни был момент, когда все могло пойти совсем иначе. Неужели у тебя такого не бывало, Мэг? Какое-то мгновение, в которое может решиться все?

Мэг вспомнила о том, как она стояла под окном квартиры Маккола, думая, лезть ей в окно или не лезть.

Она кивнула:

— Я тебя понимаю. Ты должен снова туда вернуться.

Лоури облегченно вздохнул:

— Спасибо.

— Я так понимаю, что, если мы отправимся туда днем, купим билет и обойдем стадион с экскурсией, желание нельзя будет считать исполненным?

— Нет. Самое важное здесь — незаконное проникновение.

— Именно этого я и боялась. Представляешь, как это может повредить моей ауре?

— Не понимаю, в чем тут проблема? С твоими способностями мы легко справимся с каким-то забором, охраняемым ночным сторожем.

Мэг ухмыльнулась:

— Да, Лоури, ты все еще живешь в прошлом. Со времен Первой мировой они могли усилить охрану.

— Второй мировой.

— Какая разница. Итак, мы должны залезть, побегать по полю и вылезти обратно. Проще простого, верно?

Лоури перебросил сигару в другой угол рта:

— Вот именно, проще простого. Залезть и вылезти. Никому никакого вреда. И с чего ты решила, что охрану могли усилить? Там же нечего красть, кроме травы с газона!

Отрыжку и ВЕНИКа поместили в камеру предварительного задержания номер девять. Черти-пограничники не имели ни малейшего представления, кто это такие, и решили не пускать их внутрь без особого распоряжения с самого низа. Вельзевула побеспокоили как раз в тот момент, когда он, сидя в ложе, наслаждался концертом-бенефисом с участием величайших диктаторов мира, и своим появлением черти сильно испортили настроение архидемону.

Два черта-пограничника поджидали его у хранилища душ. Их заскорузлые рожи были покрыты копотью и опалены огнем, словно у кочегаров. На эту работу обычно брали тех, кто при жизни числился в особо опасных преступниках, поэтому и в аду их держали на всякий случай подальше от центра, возле самого входа, где они занимались

тем, что отскребали от стен туннеля противящиеся души. На жаргоне преисподней их обычно называли «отскребалами».

— Какого ангела? — зарычал Вельзевул на старшего из пограничников.

— Понятия не имею, — ответил тот чуть-чуть менее почтительно, чем следовало бы.

Вельзевул, не долго думая, испепелил его трезубцем.

— Какого... — повторил он свой вопрос свежеспеченному начальнику.

— Двух новеньких, ваша немилость. Камера предварительного задержания номер девять.

— И вы потревожили меня только ради этого?..

— Нет, ваша немилость, они ужасно воняют. Что-то невообразимое. Я ничего подобного никогда не видел.

— Не *нюхал*, — педантично поправил его Вельзевул.

— Наверное, даже здесь пахнет.

— Да нет вроде бы... Вы им впрыснули успокоительного?

— Этого не требовалось, ваше бесчестие. Оба выглядят так, словно их хватил апокалиптический удар.

Вельзевул с трудом сдержал желание сказать не апокалиптический, а апоплексический. Педантизм он сохранил еще со времен своего репетиторства у маленького Аттилы, повелителя гуннов.

— Ну и что такого? Обычный туннельный шок. Пропустите их через душерубку. Угольки используйте для подогрева моей джакузи.

Черт-пограничник смущенно зашаркал копытом.

— Что-то непонятно? — спросил Вельзевул, но прозвучало это скорее как предупреждение, чем как вопрос — прием, прекрасно знакомый всем учителям.

— Ну, — начал злосчастный «отскребала», который прекрасно понимал, что каждое его следующее слово может стать последним.

— Что «ну»? — рявкнул Вельзевул, окончательно теряя терпение.

Ему очень хотелось успеть на концерт до того, как выйдет Муссолини со своим знаменитым пародийным номером.

— Ну, эти двое, они какие-то странные.

— Странные?

— Тот, который смахивает на собаку, просто сидит и воняет. А другой, мелкий такой, он вообще на человека не похож — у него башка все время крутится как волчок, а сам дрожит как студень перед глазами. Такое по телику, бывает, кажут.

Едва Вельзевул перевел эту бредятину с цветистого жаргона «отскребалы» на внятный язык, он отшвырнул пограничников в сторону и вперил свой взгляд в маленькое окошечко камеры номер девять.

Отрыжка сидел на скамейке, пуская слюни, а ВЕНИК парил над ним, повторяя беспрестанно одну и ту же фразу, которая зациклилась при взрыве в его электронных схемах:

— Стопроцентное неразбавленное добро, — жужжал он. — Стопроцентное неразбавленное добро.

Вельзевул облизал клыки. Весь его план провалился. Если об этом проведаст Петр, то у него, Вельзевула, будут большие неприятности. Демон нашарил в кармане мобильник и, найдя, нажал на кнопку вызова. Святой Петр снял трубку после третьего звонка.

— *Oye, amigo! Que pasa?*¹

— Чего тебе, Веля? Говори быстрее, у меня дел полно.

Вельзевул бешено посмотрел по сторонам, ища, кого бы испарить разрядом вил, но предусмотрительный «отскребала» за это время успел покинуть пределы досягаемости.

— Неужели нельзя просто поболтать по-дружески?

— Поболтать по-дружески можно с другом. А тебя никто не может назвать своим другом, если не считать, конечно, тебя самого, но тому, кто имеет такого друга, не позавидуешь.

Морду Вельзевула прямо-таки перекосило от бешенства, но усилием воли он заставил себя

¹ Привет, дружище! Как дела? (исп.)

продолжить беседу в прежнем непринужденном тоне.

— За что ты меня обижаешь, *caro Pietro*?¹ И это после всего, что я для тебя сделал!

— Веля, почему ты все время переходишь с одного языка на другой? У вас, чертей, это, что ли, теперь модно? Звучит просто отвратительно... Голливуд какой-то. И свидетельствует, если хочешь знать мое мнение, о внутренней неуверенности в себе.

«Ох, доберусь я еще до тебя в один прекрасный день, швейцар Царя Небесного!» — подумал про себя Вельзевул, а вслух сказал:

— Послушай, Петр. Помнишь ту ирландскую девчонку?

— Помню, ну и что?

— Она не появлялась у вас там, за Жемчужными вратами?

— А что, твой Душелов вернулся с пустыми руками?

— О чем ты таком говоришь? Я оскорблен до самого сердца твоими подозрениями!

— Хм, — хмыкнул скептически Петр.

— Так ты видел ее?

Повисло долгое молчание. Петр терзался муками совести: ведь святым не полагается лгать никому — даже демонам.

— Нет, — выдохнул он вдруг. — Здесь ее пока не видели.

¹ Дорогой Петр (*ит.*).

Вельзевул довольно оскалился:

— Ну что ж, надеюсь, она определит свою участь сама, без всякой помощи с нашей стороны.

— Я тоже в этом уверен, — буркнул Петр и отключил телефон.

Демон запрыгал от радости. Игра продолжается. Он подскочил к вмонтированному в стену аппарату внутренней связи.

— Диспетчерская? — сказал он в трубку.

— Диспетчерская слушает, — ответил ему голос известной актрисы, обладательницы «Оскара».

Надо сказать, что обладателей «Оскара» здесь было хоть пруд пруди, поскольку эта категория людей расставалась со своими душами так же не принужденно, как и компьютерщики.

— Говорит Второй.

Вельзевул ненавидел свой позывной. Почему Хозяин требовал, чтобы он всегда использовал именно его? Похоже, ему просто хотелось, чтобы над его замом потешалась вся Преисподняя.

— Я вас слушаю, Второй.

Вельзевул не мог понять, послышалось ему при этом сдавленное хихиканье или нет.

— Прикажите Миюши явиться к камерам предварительного задержания.

— Так точно, сэр. Все будет исполнено, сэр.

— Да, и скажите ему, чтобы взял с собой ящик с инструментами.

Мэг оказалась права — за прошедшие годы охрана была существенно усилена. Весь стадион по периметру огородили металлической сеткой, и пройти внутрь можно было только через пост охранника или через ворота. Камеры слежения с тихим жужжанием вращались на верхушках бетонных столбов.

— Я же тебе говорила, — процедила Мэг сквозь зубы в неподражаемой манере, которой блестяще владеет большинство подростков.

Лоури решил, что самое время закурить сигару.

— Ну что ж, один раз и ты можешь оказаться права. И что мы теперь с этим будем делать?

— Повторим номер с Десси. Пошарим слегка в мозгах у охраны, затем скажем «Симсим, откройся!» — и дело в шляпе!

Лоури глубоко затянулся сигарой. Алый уголок на ее конце осветил кровавым светом его лицо.

— Нет. Так не пойдет.

Мэг насупила покрытый призрачными веснушками лобик:

— Не пойдет? А почему? Слишком просто, что ли? Может быть, ты и здешнего сторожа хочешь поцеловать?

— Я должен забраться туда, — объяснил Лоури. — Если не будет риска, то теряется весь смысл.

— Не знаю, что в таком случае сделается с моей аурой. Мои проблемы с того и начались, что я забралась, куда не следовало.

— Сейчас узнаешь! Вперед!

Мэг не успела даже возразить, как Лоури уже заковылял через дорогу к стадиону. Огонек его сигары вихлял в ночи, словно пьяный светлячок. Они шли вдоль ограды, пока не вошли в неосвещенную зону, ограниченную с другой стороны рядом двухэтажных домов.

— Вот здесь, — хрипло прошептал Лоури, держась рукой за сердце.

— Видишь, что с тобой эти сигары делают.

Старик швырнул окурок сигары в грязь, затоптав его каблуком своей новенькой туфли.

— Ты права. Не стоит ускорять... процесс.

— Так, значит, здесь ты и застрял? Пятьдесят лет тому назад...

— Больше.

Снизу ограда казалась высоченной, как Джомолунгма, и практически непреодолимой. Но если даже умудришься каким-то образом взобраться на нее, на вершине тебя поджидает камера слежения, готовая увековечить твою физиономию на пленке.

Лоури закашлялся. Вначале этот кашель не представлял ничего особенного, но вскоре превратился в настоящий ураган, сотрясавший все тело старика. Лоури чувствовал, как сердце стучит ему прямо в виски, и сразу же вспомнил о своей болезни. Мэг подплыла в воздухе поближе к нему:

— Ты уверен, приятель, что это верное решение?

Кашель Лоури закончился слабым посвистыванием в легких.

— Уверен ли я? Конечно, уверен. Пока еще у меня хватит сил.

— Тогда ладно. Но позволь мне хотя бы раздеваться с этой камерой. Это будет честно — ведь до войны у них этих штук не было.

Лоури выплюнул на траву сгусток мокроты.

— Чего не было, того не было.

Мэг взлетела к самому верху ограды. Металлическая камера уставилась на нее любопытным электронным глазом.

«КАМЕРА», — подумала Мэг и резко развернула ее линзы в другую сторону, на пустынный участок дорожки, шедшей вдоль ограды.

С высоты ограды Лоури представлял собой еще более жалкое зрелище. Даже новый костюм не мог скрыть того, как низко опущены его плечи и как трясутся его руки. Даже неопытному подростку вроде Мэг было очевидно, что ему не одолеть этого препятствия. Обещанные врачами шесть месяцев легко могут сократиться до недель и даже дней, если болезнь будет прогрессировать с такой же скоростью.

— Лоури, тебе нужно в больницу, — заботливо обратилась она к нему сверху.

— Нет, — отрезал старик, — его лицо блестело в лучах фонарей от холодного пота. — Что я буду делать в постели? То же самое, что я делал всю свою

жизнь, — ничего! Ты мне собираешься помогать или нет?

— Не знаю. Не знаю, имею я право или нет.

— Все трясешься за свою драгоценную ауру?

— Нет. Наверное, я стала совсем дурой, но я трясусь за тебя.

После этого оба впали в мрачное молчание. Судя по всему, обижаться способны не только живые, но и мертвые. Правда, у Мэг имелось то преимущество, что она не чувствовала ледяного ветра, который задувал Лоури прямо в штанины новых брюк.

— Ну так что? — обронил наконец Лоури, ненавидя себя за то, что нарушил молчание первым.

Мэг вздохнула:

— Подвинься.

С каждым разом вселение в чужое тело давалось ей все легче и легче, словно мозг, в который Мэг проникала, становился все более знакомым. И теперь она уже отлично знала, в какой его части следует пристроиться, чтобы не знакомиться с воспоминаниями о тех приключениях чужого тела, о которых она ничего знать не желала. Но в каком-то ином смысле вселяться становилось все труднее. Мэг чувствовала, как убывает при этом ее энергия. Представьте, что вам душно и не хватает воздуха, а теперь вообразите что-то в том же роде, только пусть на месте легких окажется голова. (Если вы, читатель, тоже привидение, то все эти сравнения вряд ли покажутся вам странными.)

Она пошевелила пальцами Лоури. Суставы скрипели, словно ржавые петли старой двери.

— Да, нелегко нам придется.

Ограда уходила в небо прямо над ее головой. Теперь, когда Мэг оказалась прикованной к земле в человеческом облике, препятствие стало казаться еще более высоким. Сквозь маленькие ромбические отверстия в проволочной сетке едва проходили пальцы рук, а от том, чтобы просунуть в них широкие носки новых мужских туфель, не приходилось и мечтать. Поэтому Мэг сняла туфли и, связав шнурки, повесила их на шею. Жидкая грязь тут же впиталась в ее носки и коснулась пятки.

— Холодно! — захихикала она. — Я снова чувствую холод!

— Не отвлекайся на пустяки! — прикрикнул на девочку Лоури из глубин собственной головы. — А то я из-за тебя заработаю воспаление легких!

— Успокойся, зануда. Смотри — последние волосы сейчас сдует! — Она схватилась руками за голову. — Ой, уже сдуло!

Но, несмотря на все эти шуточки и смешки, на душе у Мэг было беспокойно. Задача казалась почти невыполнимой — окажись сейчас Мэг в своем собственном подростковом теле, она и то не сказала бы, что железно с ней справится. Вцепившись пальцами в проволоку, Мэг начала подъем.

Уже на половине пути она ощутила острую боль во всех суставах. Как будто ее хлестали плеткой с огромным количеством хвостов, которые доставали до каждого сустава ее тела. К тому же ветер стал дуть сильнее; он раскачивал стальную сетку ограды, пытаясь стряхнуть с нее скорчившегося от боли нарушителя.

— Повезло, дождя...

— Лучше помолчи! — прикрикнул Лоури.

Мэг замолчала. Вообще-то в везенье она не верила, но после всего, что произошло в последние дни, поверишь во что угодно. Прошла, как ей показалось, целая вечность, но наконец, кряхтя и обливаясь потом, она ухитрилась взобраться на верхнюю перекладину.

— Дедуся, ты потеешь как свинья, — пробормотала она. — Эту рубашку остается только выбросить.

Сердце старика снова бешено колотилось, и ей уже не удавалось ничего с ним поделать. Мэг ничуть не сомневалась, что, если бы Лоури попытался осилить ограду в одиночку, его бездыханное тело давно бы уже валялось внизу в грязи.

На вершине Мэг присела немного передохнуть. Ветер обдувал ее со всех сторон. Внизу ей казалось, что под прикрытием массивных столбов, поддерживающих сетку, будет не так холодно, но она ошиблась. Ветер, прорываясь в бреши между ними, набирал скорость, словно вода в узкой трубе.

Наконец Мэг перемахнула на другую сторону ограды. От ног Лоури толку уже практически не было, поэтому всю тяжесть тела приходилось удерживать только на пальцах рук. Суставы хрустели так, словно вот-вот лопнут. После долгих мук она кое-как сползла по сетке и прыгнула, упав мягким местом прямо в лужу. И тут же промочила брюки, но так устала, что ей было, в сущности, уже наплевать.

— Не знаю, как мы будем отсюда выбираться, но точно не обратно через эту ограду, — прохрипела она. — Еще один такой подвиг, и от нас с тобой ничего не останется.

И она выскользнула из головы старика, вернув контроль над телом законному хозяину. Лоури внезапно почувствовал, как колотится в груди его большое сердце.

— Это безумие, — прохрипел он. — Какая глупость!

Впервые Мэг радовалось тому, что она всего-навсего привидение. Все что угодно, но вот умирать во второй раз ей точно не придется.

— Я же тебе говорила.

Лоури прислонился к ограде, дожидаясь, пока бешеный стук в его груди сменится короткими глухими ударами.

— Ладно, — вздохнул он. — Полегчало. Пошли.

— Ты уверен?

Старик встал на ноги:

— А какой теперь смысл сдаваться, верно? Мы уже справились с самым сложным.

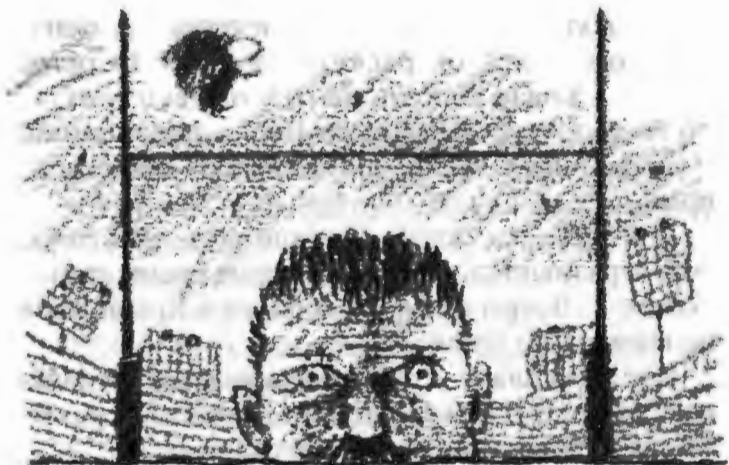
четыре желания

— Мы? Да ты просто сидел и наблюдал. Это я волокла твое бесполезное старое тело через ог-
раду.

— По-моему, тебя сюда для этого и послали,
разве не так?

— Ну, допустим.

— Отлично. Тогда давай окончим прения и зай-
мемся делом, пока у меня и в самом деле не слу-
чился сердечный приступ.

Глава VIII

Два-два

Стадион в Кроук-парке хорошо освещался даже глубокой ночью. Оранжевые лампы гудели высоко над головой, бросая зловещие тени на безлюд-ные трибуны. Ветер перекачивал из угла в угол по игровому полю пустые бутылки и жестянки. Судя по всему, стадион еще не убирали после вчераш-ного большого матча.

Лоури самостоятельно дохромал до середи-ны поля. Ночные огни бледно высвечивали тра-ву, окрашивая ее в призрачно-белый цвет. Ста-рик не мог ничего с собой поделаться: он улыбался во весь рот. Он очутился там, где хотел очутить-

ся все долгие полвека. Выйдя в середину центрального круга, он раскинул в стороны руки, словно ожидая аплодисментов от своих отсутствующих одноклассников. Ну-ка, насмешники! У кого кишка тонка? Кто тут трусливая деревенщина?

— Я забрался сюда! — воскликнул он, и голос его, отразившись от трибун, эхом разнесся над полем. — Лоури Маккол забрался в Кроук-парк под покровом ночи!

Мэг засмеялась — она видела, как счастье Маккола рассыпает во все стороны искры, словно маленькие оранжевые фейерверки.

— И сейчас я перекину мяч через перекладину в Кроук-парке!

— А это мы еще посмотрим, — раздался чей-то голос.

Мэг и Маккол обернулись: со стороны трибун к ним приближался охранник. Вид у него был весьма угрожающий, рация висела на бедре, словно шестизарядный кольт у ковбоя.

— Хотелось бы мне знать, — продолжал охранник деловито, — как это вы двое собрались перекинуть мяч через перекладину, если у вас мяча даже нет?

Лоури сглотнул слюну. Мэг моргнула. В одной фразе охранника содержалось сразу два неразрешимых вопроса.

Во-первых: действительно, о каком футболе могла идти речь, если у них не было даже мяча?

Во-вторых: что имел в виду охранник, когда сказал «вы двое»?

Пальцы охранника сомкнулись на рации, словно это действительно была рукоятка револьвера.

— А теперь приведите мне хотя бы один довод, почему я не должен...

Лоури перебил охранника:

— Мне кажется, я вас знаю.

Тут Мэг тоже заметила, что охранник кого-то ей жутко напоминает.

Страж стадиона пожал плечами:

— Это вряд ли. И не надо переводить разговор на другую тему. Лучше потрудитесь объяснить...

— У вас, случайно, нет брата?

— Десси?

— Охранник, как и вы.

— Не охранник, а консультант по вопросам безопасности. Стережит в телецентре всех этих важных шишек, простите за выражение.

— Он еще специалист по средневековой поэзии.

— Скорее, по непристойным стишкам, насколько мне известно. А вы с ним знакомы?

— Вроде того. Он сегодня выдавал мне пропуск в телецентр.

— Мир тесен. — И охранник протянул Лоури руку. — Меня зовут Март. Друзья Десси — мои друзья, ну вы понимаете...

Лоури нерешительно пожал протянутую руку, опасаясь, что это всего лишь хитрость и сейчас на его запястье защелкнется наручник. Покончив со светскими формальностями, Март снова перешел на деловой тон.

— Ну ладно, вернемся к нашим баранам. Итак, объясните...

Охранник внезапно осекся, и догадка озарила его лицо, словно вспышка света:

— Боже мой, Лоури Маккол собственной персоной! Вы ведь тот самый Маккол, верно?

— В каком смысле «тот самый»?

— Ну, из телевизора. Который поцеловал Цецилию Вард. Ах вы, старый хитрый проказник!

— Извините, наверное, вы меня с кем-то перепутали.

— Да ладно вам, это конечно же вы. Вашу морщинистую физиономию ни с кем не перепутаешь. Во всех вечерних новостях рассказывают только о вас, о том, как вы кричали «Ойя!» и прыгали по всему павильону, словно Эррол Флинн.

Лоури не мог удержаться от лукавой улыбки:

— Ну ладно, я — тот самый Маккол.

— Но зачем вы это сделали? Кто вы — сбегавший из-под присмотра сумасшедший, который выслеживает знаменитостей и целует их? Или... — Тут зрочки Марта расширились. — Эй, а не выслеживаете ли вы в эту самую минуту новую жертву?

— Нет, что вы, ничего подобного!

— Надеюсь, что так. Одно дело заниматься всеми этими фокусами для собственного удовольствия, но вот втягивать в ваши истории молодую особу...

— Какую молодую особу? — спросил Лоури с самым невинным видом.

— Вы что, надо мной издеваетесь?

— Он меня видит, — шепнула Мэг.

Она упивалась тем, что шла по полю ногами, а не парила в воздухе. Кто сказал, что усталость — это плохо!

— Разумеется, я вас вижу. Хотя почему-то я не видел вас на видеомониторе у себя в будке.

— У вас есть камера, которая показывает поле?

— Разумеется. Было бы странно, если бы мы следили за оградой и не следили за полем. Но на мониторе я этой девочки не заметил.

— Это потому, что я...

— Это потому, что она всегда плетется сзади, — перебил Лоури. — Даже удивительно, что ей не удастся угнаться за такой окаменелостью, как я.

Март слегка попятился:

— По-моему, вы оба не в себе. Я лучше вызову...

— Не надо, Март, — сказал Лоури, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие. — Позволь мне рассказать тебе, зачем я пришел сюда. Всю правду. Все как есть. Все про Цецилию Вард. Всю подноготную. За такую историю воскресные газеты отвалят тебе целое состояние.

Март пожевал кончик уса, обдумывая это предложение.

— Вы серьезно? Что-то в духе скандального откровения?

— Именно.

— Вот мой ответ: сначала расскажите мне вашу историю, а потом я решу.

— Это нечестно! — запротестовала Мэг. — У вас тогда будут все карты на руках!

— В жизни все нечестно, — ухмыльнулся охранник.

— А то я не знаю, — буркнула себе под нос девочка-призрак, внезапно ставшая видимой.

— Хорошо, договорились, — выпалил Лоури, прежде чем Мэг успела что-нибудь возразить потенциальному союзнику.

— Отлично, — просиял Март. — Тогда валяйте. Правда, правда и ничего, кроме правды. Моя профессия приучила меня распознавать сказки с полуслова.

— Хорошо, правда, правда и ничего, кроме правды, — выдохнул Лоури.

И тогда Лоури, как и обещал, рассказал охраннику всю подноготную происходящего. Или, если быть совсем точными, ее достаточно вольную интерпретацию. А если уж совсем честно — это было наглое и откровенное вранье. Потому что и десятой доли правды хватило бы для того, чтобы их обоих навсегда заперли в психиатрическую лечебницу.

— Итак, все началось... э-э-э... в прошлую пятницу.

— Да, да, именно так, — поддакнула Мэг. — Слушайте внимательно!

— Эээ... дедушка этой юной леди, Мэг, лежал тогда при смерти.

Мэг театрально всхлипнула:

— Бедный дедушка Грампс!

— Мы все собрались вокруг смертного одра почтенного джентльмена, ожидая, когда перестанет биться его изношенное сердце.

Когда врешь, всегда старайся подмешивать колжи максимально возможное количество правды. Лоури бросил взгляд на Марта, чтобы проверить, не обнаружил ли чего-нибудь его детектор сказочности, о котором он только что распинался. Но, судя по всем признакам, ночной страж пока что жадно внимал рассказам, не подвергая их сомнению.

— Итак, как я уже сказал, дедушка Мэг был вполне почтенный старый джентльмен, но всю свою жизнь прожил, что называется, впустую. Жизнь проходила мимо, а он только сидел и смотрел. Умирая, он подумал, что это вряд ли может послужить примером для его внуки. Поэтому он взял с меня обещание...

— Какое обещание? — заинтересовалась Мэг, которая была весьма заинтригована, несмотря на то, что знала цену всей этой истории. — Я в том смысле, что он взял обещание со своего старого

приятеля Лоури, который стоит вот здесь и который...

Лоури поморщился. Он опасался, что буйная фантазия Мэг породит на свет гораздо менее правдоподобные подробности, чем ему хотелось бы.

— ...который во время войны служил в частях особого назначения.

Март изумленно поднял брови:

— Теперь я понимаю, как ископаемое вроде вас умудрилось перелезть через проволочное ограждение!

Но тут же брови Марта поспешно вернулись на свое обычное место:

— И что это было за обещание?

Лоури поскреб то место на подбородке, где раньше росла щетина.

— Ах да, обещание. Я пообещал ему, что я, как его лучший друг...

— И бывший командир спецподразделения «Бойцовые Терьеры», — встряло привидение, явно упиваясь полетом своей фантазии.

— Да, — подтвердил Лоури, сжав зубы. — И бывший командир спецподразделения «Бойцовые...

— ...Терьеры»

— Да, «Терьеры». Спасибо, Мэг. Я пообещал, что сделаю за него все то, что он всегда мечтал сделать.

Март присвистнул:

— В частности, поцеловать Цецилию Вард?

— Совершенно верно.

— А теперь вы хотите перекинуть мяч через перекладину в Кроук-парке?

— С вашего позволения.

Март опять пожевал кончик уса. Ситуация непростая. С технической точки зрения, конечно, ничего сложного. Незаконное проникновение на охраняемую территорию. По служебной инструкции ему следует просто вызвать полицию, и пусть они разбираются. Но...

— Ну и где же тогда ваш мяч?

Мэг и Лоури глупо переглянулись:

— Мы его забыли.

— Тоже мне спецподразделение, — фыркнул Март. — Господи Боже, с вами с ума сойти можно. Подождите меня здесь одну минутку.

Март повернулся и трусцой устремился к своей будке, не обращая внимания на фонарик и рацию, которые колотили его на бегу по бедру.

Мэг наконец выпустила на волю смешинку, которая щекотала ей губы на протяжении последних нескольких минут.

— Неужели он купился?

— Только благодаря тебе. «Бойцовые Терьеры»! Надо же было такое придумать!

— Я просто хотела слегка оживить твой рассказ.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Поле простиралось перед ними, одинокий пластиковый пакет носился по его просторам, словно конькобежец, осваивающий каток.

— Видок, прямо скажем, замогильный! — прошептала Мэг.

— Тебе виднее.

— Нет, если серьезно, он-то как меня разглядел? Какой-то он не такой.

Лоури пожал плечами:

— Не знаю. Может быть, ты ему тоже как-нибудь напакостила? Ну, в смысле, когда еще была живая.

— Я этого парня вообще никогда не видела.

— А по телефону? Анонимные звоночки там или что-нибудь еще.

— Но не в Дублин же. У меня и денег таких не было.

— Ладно, потом разберемся. Лучше вселись в меня и устрой все быстренько, пока Март не вернулся.

— Я думала, что ты хочешь сделать это сам.

Лоури фыркнул:

— Я бы с удовольствием сделал это сам, но с тех пор как одна шавка, которую привели с собой двое квартирных воров, отгрызла мне полноги, весь мой футбол пошел псу под хвост — уж прости за каламбур.

— Давай, давай, напомни, — раздосадованно сказала Мэг, вновь забираясь к Лоури под кожу. — Уже десять минут с тех пор, как ты не напоминал.

Март трусцой примчался обратно; его большой живот подпрыгивал на бегу.

— Вот, — сказал он, вручая Лоури кожаный футбольный мяч.

Тот, кого он считал Лоури, ловко поймал мяч на лету и прокрутил его на пальце, как это делают баскетбольные игроки. В свое время Мэг неплохо играла в эту игру.

— Вот что я скажу вам, Март, — начала Мэг. — Вам надо следить за собой. У вас внутри что-то вроде дырявой шины, и это отправит вас в туннель раньше срока.

Март показал пальцем на туннель, из которого выходят игроки:

— Да я только что оттуда. Кстати, а где девочка?

Лоури, удобно расположившийся, словно зритель, в собственной голове, переполошился, но Мэг, у которой за плечами был многолетний опыт импровизированного вранья, объяснила самым солидным тоном, какой нашла у Лоури:

— Ей внезапно позвонили по мобильному. Она в настоящий момент записывает альбом, и ее срочно вызвали проложить бэк-вокал.

Март недоверчиво оглянулся:

— Понятно. Получается, она перелезла обратно через ограду?

— Получается так. Очень спортивная девочка, знаете ли. Между прочим, выступает за сборную Ирландии по легкой атлетике.

— Ясно. — Детектор, которым так гордился Март, очевидно, сегодня был в починке.

— Да-да. Она выиграла две золотые медали на Олимпийских играх в прошлом году.

— В прошлом году? — сказал Март, пытаясь в уме разделить сумму цифр прошлого года на четыре.

— Одну там, где надо долго бежать, и одну там, где прыгают.

— Марафон и бег с барьерами?

— Вот-вот. Замечательный ребенок. Я подумываю о том, чтобы удочерить ее.

— Но ведь, насколько я понял, умер-то только ее дедушка?

— Да... но... он был в то же время и ее отцом, потому что он удочерил ее, когда ее настоящие родители погибли... на них в сафари-парке напал дикий бабун.

Лоури не знал, плакать ему или смеяться, созерцая все происходящее из ложи собственного черепа.

Март потерял виски. У него от всего этого уже начинала болеть голова.

— Ладно, хватит мне заливать про вашего вундеркинда. Вы будете пинать мяч или нет?

— Разумеется, буду. Ведь я сюда пришел именно за этим, верно?

Мэг ступила на священную для каждого спортсмена траву Кроук-парка. Остаточные воспоминания бушевали на безлюдных трибунах, призывая к победе давно уже не существующие команды. Вокруг толпились тени игроков бывлых

времен, пихавшиеся и пинавшие друг друга по ногам, когда судья смотрел в другую сторону. Возбуждение было заразительным. Мэг даже начало казаться, что она сама принимает участие в одном из знаменитых финалов прошлого и именно ей предстоит пробить решающее пенальти на последней минуте игры. Она чувствовала, как бьется от восторга сердце Лоури. Ему пришлось ждать пятьдесят лет, чтобы наконец осуществить свою мечту.

Мэг поставила на траву белый кожаный мяч и сделала восемь шагов назад. Шум призрачной толпы сразу же смолк. Игроки моментально растаяли в воздухе, не выдержав напряженности момента. Лоури мысленно произнес молитву. Пусть у нее все получится. В свое время он играл очень неплохо. Мэг может воспользоваться его памятью. И он впустил ее туда. Она вспомнила каждый мяч, по которому ему доводилось бить. Каждый матч, который он провел, бегая по истоптанному полю. Его воспоминания вились жужжащим роем электронов где-то в области затылка.

— А, так вот как это делается! — сказала Мэг и тут же приняла другую позу. Она распрямила плечи, перенесла весь свой вес на толчковую ногу. Это же так легко: одно движение — и мяч в воротах.

Впервые за все время они решали вставшую перед ними задачу в тесном сотрудничестве. Мышцы и мысли слились воедино. Мэг облизнула палец Лоури, выставила его, чтобы узнать на-

правление ветра, и ощутила вкусовыми рецепторами Лоури отвратительный табачный вкус.

— Тьфу! — воскликнула она и сплюнула на траву. Разумеется, поскольку ее легкие были прокуренными легкими закоренелого курильщика, содержимое плевок оказалось гораздо более противным, чем она ожидала.

— Какая мерзость! Смотри, что ты сделал со своим здоровьем!

— Пусть это послужит для тебя уроком! — выкрикнул Лоури из своего убежища.

— Что ты имеешь в виду? «Курение опасно для вашего здоровья»?

Все эта перепалка, вполне обычная для нашей парочки, весьма озадачила беднягу Марта.

— Вы с ума спятили, верно? Шарик за ролик закатились? Да, взялся я на свою беду помогать беглому психу, — и рука охранника потянулась к рации.

— Нет, Март, постой, — в отчаянии выкрикнула Мэг. — Это мне прошлое вспомнилось. Когда я еще сражался в рядах «Бойцовых Терьеров». Иногда так накатит, что, кажется, все словно наяву возвращается.

И Мэг утерла ладонью крокодилову слезу, глядя в щель между пальцев, клюнул ли Март на ее вранье.

— Тогда давайте бейте быстрее. Знаете, после всего, что мне тут с вами пришлось натерпеться, я

слуплю с «Мира по воскресеньям» кучу бабок за эту историю.

Мэг сделала глубокий вдох и разбежалась. Она ударила по мячу подъемом стопы, как подсказали ей воспоминания Лоури, но мяч вильнул в сторону, легонько подпрыгнул и откатился на какие-нибудь три фута.

Март чуть не лопнул от смеха.

— Ой, не надо, умоляю! — покатывался он. — Ой, перестаньте меня смешить! Я этого просто не вынесу!

— Этот мяч очень твердый, — охала Мэг, потирая ушибленные пальцы на старческой ноге. — Он совсем не такой, как те пластмассовые, что на бензозаправке продают.

Март восторженно хлопнул в ладоши:

— Вы уверены, что ваше подразделение не называлось «Бойцовые Болонки»?

— Ладно, Март. Бывает.

— Тут где-то по соседству герл-скауты занимаются. Хотите, я приведу вам пару девчонок, чтобы они поучили вас, как бить по мячу?

Где-то в глубине мозга Лоури простонал:

— Он совершенно прав. Ты бьешь, как...

— Как кто?

— Да ты сама знаешь. Как...

— Как *девчонка*? Ты это хотел сказать?

— Ну...

— Я и есть девчонка! — крикнула Мэг. — Я ведь девчонка, верно? Так чего ты от меня ожидал?

Разумеется, бедняга Март, будучи парнем воспитанным, сразу же почувствовал себя неловко:

— Вы вовсе не девчонка. Я просто пошутил. Давайте попробуйте еще один раз.

Но Мэг была вовсе не в настроении воспользоваться этим предложением, гораздо больше ей хотелось ворчать и браниться:

— Старый дурак, дурацкие твои Четыре Желания и дурацкая твоя жизнь, с которой я должна разбираться. Я и так из кожи вон лезу. Поцеловать Цецилию — это ведь моя работа, признай? Чуть не убилась при этом, кстати. И чем ты меня отблагодарил? Обзываешься только. «Ты бьешь, как девчонка». Пойду-ка я обратно в туннель — прямо сейчас.

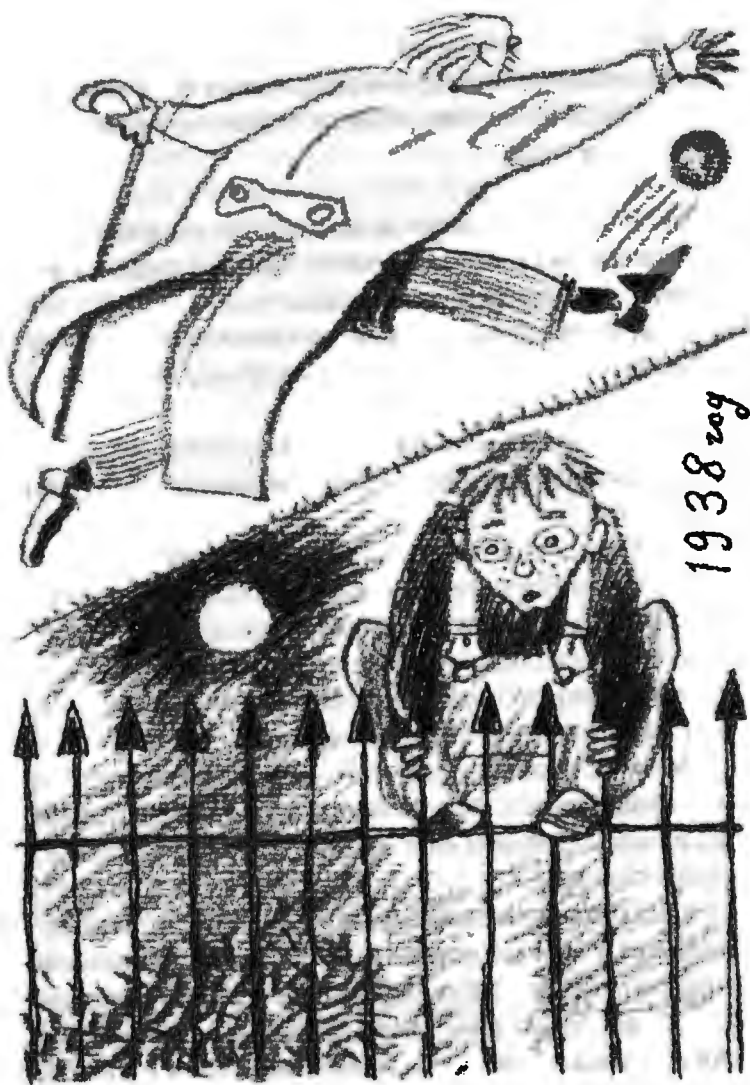
— Да ну, зачем в туннель, — добродушно пробурчал Март. — Врежьте-ка лучше по мячу еще разок.

— А на фиг! — надулась Мэг, окончательно позабыв, как она выглядит со стороны. — Зачем я должна в лепешку разбиваться ради какого-то старого козла?

Март распрямил плечи и навис над ней во весь свой рост:

— Потому что этот старый козел — ваш лучший друг. Сделайте это для него и сделайте это для той девчонки. А иначе какой вы пример ей подадите?

Удивительное дело, но, не имея ни малейшего представления о том, что происходит на самом деле, Март умудрился попасть в самую точку.

1938²⁰⁹

Не сказав ни слова, Мэг подняла мяч и вновь установила его на одиннадцатиметровую отметку.

Откуда-то из внутренней темноты голос Лоури прошептал:

— Спасибо.

— Рано еще говорить спасибо, — ответила Мэг и сделала восемь гигантских шагов назад. — Эта штука, она твердая как камень.

Март направился к ней от боковой линии. Рация по-прежнему болталась у него на бедре.

— Хотите полезный совет?

— А то нет, — сказала Мэг с выражением, которое однозначно следовало понимать, как «Вали отсюда!»

— Когда мне нужно пробить дальний удар, — продолжал Март, не замечая разбивающихся о его прочный лоб волн враждебности, — я представляю себе, что мяч — это чья-то голова. И принадлежит она какому-нибудь субъекту, которого я, мягко выражаясь, недолюбливаю.

Мэг на миг замерла. Это был действительно полезный совет. Представить, что мяч — это чья-то голова. Причем она прекрасно знала, чья это будет голова.

Она приготовилась к удару. Мяч уже не был теперь ни в чем не повинной кожаной сферой, он превратился в башку Франко. И башка говорила ей: *«Это больше не твой дом, маленькая мисс. Здесь больше никто не будет носиться с тобой,*

как с принцессой. Ты будешь делать все, что я тебе прикажу, и без лишних разговоров...»

— Ах, вот оно как! — воскликнула Мэг, начиная разбегаться.

«Для начала забудь о том, как ты жила раньше. Я тебе не прислуга. Я не буду ходить за тобой следом и подбирать твои тряпки. Настали другие времена, маленькая мисс, совсем другие времена. И твоя мамочка больше не прибежит выручать тебя. Потому что твоя драгоценная мамочка...»

— Заткнись! — зарычала Мэг и пнула мяч сильнее, чем она пинала что-либо в своей жизни и после нее.

Башка Франко взвилась в воздух, промчалась со свистом между столбами¹ и врезалась позади них в сетчатое ограждение трибун.

Март чуть не лишился дара речи.

— Беру все свои слова обратно, — едва выдавил из себя он. — Самим «чемпионам» стоило бы у вас поучиться. Ну и удар! Ничего подобного не видел с тех пор, как... да нет, никогда не видел! Чуть ограждение не снесли, Боже Праведный! Я думал, мяч прорвет сетку!

Душа Лоури отплясывала джигу внутри собственного черепа:

¹ В гэльском футболе, как и в американском, ворота представляют собой два вертикальных шеста, соединенных перекладиной и без сетки.

— Я знал, что ты можешь! Я знал! Какая радость! Какой восторг! Я снова чувствую себя мальчишкой!

Медленная улыбка разлилась по лицу Мэг, а вернее по лицу, за которым она скрывалась.

— Ты прав, — сказала она, все еще не в силах забыть недоумения, написанного на летящей над стадионом физиономии Франко. — Какая радость!

Март проводил своего подопечного до турникета.

— У тебя не будет из-за меня неприятностей?

Март покачал головой:

— Нет. Ну, позволил я тебе пнуть по мячу перед тем, как вышвырнуть вон, — что тут такого? В любом случае, я — совладелец компании, которая охраняет стадион.

Мэг кивнула:

— Отлично. Слушай, Март, огромное тебе спасибо. Ты не представляешь, как это важно для Лоури... в смысле, для меня.

— Никаких проблем. Всегда рад помочь одному из «Бойцовых Терьеров».

И прежде чем Мэг успела отреагировать на эту фразу, Март схватил руку Лоури и начал ее энергично трясти. При этом небольшая часть Мэг успела перетечь в Марта, прежде чем девочка опомнилась и поспешно втянулась обратно в тело старика.

Март отдернул руку и с любопытством принялся разглядывать свои пальцы.

— Гм, — пробормотал он. — Странное дело...

— Что случилось?

Март моргнул:

— Ничего особенного. Мне просто показалось... Да нет, вроде все в порядке.

— До свиданья, Март. Передай от меня привет Десси.

— Разумеется. Послушайте, вы не обидитесь, если я задам вам один вопрос?

— Нет, давай спрашивай.

— Эта девчонка, ну, поющая олимпийская чемпионка?

— Ну?

— Вы уверены, что она не ваша родственница?

— Абсолютно. А почему ты спрашиваешь?

Март наморщил лоб:

— Ну, просто... Мне несколько раз показалось, что у вас — ее лицо. — Он нервно засмеялся: — Наверное, на работе переутомился.

Мэг и Лоури ответили на его слова дружным смехом, может, чуточку более громким, чем следовало.

— Скорее всего, Март. Скорее всего.

Ночной страж закрыл за ними турникет, и они вновь оказались на городской улице. Как только Март скрылся во тьме Кроук-парка, Мэг высвободилась из клеточной структуры Лоури.

— Уфф! — простонал старик. — Моя нога! Ну, ты и врезала по этому мячу!

— Ага, — мрачно буркнула Мэг.

— Послушай, — сказал Лоури, — что с тобой? Мы уже справились с двумя пунктами из четырех. Мы на полпути к победе!

Мэг присела на стену, больше по привычке, чем от усталости.

— Да нет, я из-за Марта. Я знаю, почему он меня увидел.

— Да? И почему же?

— Когда он пожал мне руку, я успела одним глазом заглянуть к нему внутрь. Это получилось случайно. Я вообще-то в чужие дела никогда не лезу.

— Да?

— В общем, все дело в его жизненной силе. Его энергии, если хочешь.

— И что с ней не так?

— Она на исходе. Израсходована. Вся без остатка.

— Он умирает?

Мэг наморщила лоб:

— Когда у нас еще была машина, мама обычно говорила о ней, что у нее мотор на последнем издыхании. Вот-вот заглохнет. С Мартом что-то в том же духе. Он уже скорее призрак, чем живой человек. Вот почему он меня увидел. Я — такая же, как он. Ну, почти.

— И ничего нельзя поделать?

Мэг покачала головой.

— Нет. Я тут бессильна. По крайней мере, аура у него ярко-голубая. Он окажется за Жемчужными воротами прежде, чем успеет это понять.

Март следил за ними с наблюдательной вышки. Выпучив глаза, он смотрел, как от старика отделилась девочка. Он с самого начала почувствовал, что дело неладно. Выудив кассету из упаковки, он вставил ее в прорезь видеомагнитофона. Слишком поздно. Странная парочка исчезла в ночной тьме.

Чудеса! Он и не подозревал, что такое возможно. Но теперь, как это ни странно, ему все стало ясно. Эта девочка — привидение, выполняющее особое задание. Откуда это ему известно? Март пожал плечами. Допустим, пока это только гипотеза. Не стоит слишком долго ломать над этим голову. Однако нужно срочно связаться с Десси и посоветоваться, какая от этого может быть польза. Десси, он всегда был более практичным человеком.

Но от мысли, что тогда ему придется выслушивать очередную лекцию Десси, у него сразу подскочило давление. Не успеешь опомниться, как уже окажется, что все это придумал именно Десси, а он, Март, не более чем его компаньон без права голоса. И все же только его братишке было под силу выдумать, как заработать немного денег на всей этой истории.

Перед разговором с Десси необходимо как следует подкрепиться. И начать надо с доброй круж-

ки хорошего крепкого чая. Март встал с вращающегося кресла и побрел на кухню рядом с его постом. Протекающий электрочайник стоял на сушке. Облупившиеся провода были воткнуты в слегка обугленную розетку. Надо будет как-нибудь привести это все в порядок, а то даже пойти и купить новый чайник.

Март пожал плечами. Подождет до завтра. Сейчас важнее выпить чаю. Ну-ка, приятель, вскипяти нам воду еще один, последний разок! Март стряхнул со штепселя несколько попавших на него капель воды и потянулся к розетке...

Миюши постучал пальцем по монитору мозгового зонда.

— Вот в чем загвоздка! Нашел.

— Давно пора, — проворчал Вельзевул.

Не вечер выдался, а сплошной кошмар. Только для него, разумеется. Все остальные архидемоны тем временем лакомились блюдами из вымирающих видов животных, занесенных в Красную книгу.

— Все шло в полном соответствии с планом — и, следует отметить, вовсе не благодаря талантам вашего Душелова, — как вдруг наш дедуля целует свою бабулю и — БАБАХ!

— БАБАХ? Что ты хочешь этим сказать, болван компьютерный?

Миюши с трудом поймал уже готовые сорвать с языка слова о том, что уж если кто здесь «бол-

ван компьютерный», так это сам Вельзевул. Замечания подобного рода обычно приводили к тому, что высказавшему их приходилось ощутить на себе, как больно бьют электровилы, настроенные на разряд четвертой степени.

— Видите это белое свечение, Вельзевул-сан?

Второе лицо в преисподней склонилось над монитором, который слегка подрагивал на штыре, воткнутом в мозги Отрыжки.

— Вижу. Еще бы не видеть!

— Отлично. Так вот это — стопроцентная энергия добра. Редчайшая вещь. Момент совершенства. Без примеси смертных грехов. Достаточно, чтобы встретились две, всего лишь две такие молекулы доброты, и — БАБАХ! Термоядерная реакция. Для таких, как мы, это верная смерть. Вашего Душелова перемололо как рыбешку, попавшую в пасть к акуле.

Вельзевула передернуло.

— Ну и мозги у него сразу же сгорели по второму разу. Вся его энергия иссякла, и Преисподняя заглотила его быстрее, чем удав заглатывает кролика...

— Хватит, хватит, что за мерзкие сравнения! Я уже все понял.

Миюши мысленно улыбнулся. Редкостная брезгливость — по крайней мере для демона!

— На ленте есть еще что-нибудь полезное?

— Нет, Вельзевул-сан. После поцелуя одни только помехи.

— А что случилось с твоим маленьким роботом? С говорливым таким?

— С ВЕНИКом?

— Да называй его, как хочешь. Он зафиксировал какую-нибудь информацию?

ВЕНИК как раз парил в этот момент у демонов над головами, бесконечно повторяя одну и ту же фразу. К счастью, Миюши заблаговременно отключил у него звук.

— Боюсь, что его системные файлы пострадали от перегрузки, но я могу снова загрузить в него программу с моего сервера...

Миюши осекся, вспомнив, чем кончилась в последний раз его попытка беседовать с Вельзевулом на жаргоне, принятом среди программистов.

Вот и сейчас он видел, как потрескивающий разряд начинает быстро формироваться на самом длинном зубце бесовских вил.

— Я хотел сказать, что голограмма повреждена, но я могу запустить ее снова.

— Почему бы так сразу не сказать? И еще — ты можешь что-нибудь сделать с этим отвратительным запахом?

Миюши нерешительно принюхался.

— Практически ничего. Но он уже выветривается. Это запах счастья. Eau de Joi¹. Без единой примеси зла. Он напоминает мне запах цветов...

¹ Эссенция радости (*фр.*).

— Запах свежего хлеба.

— Морского ветра.

Обоих демонов передернуло.

— Какая гадость! — заключили они хором.

Это был исторический момент: в первый и последний раз Вельзевул и Миюши сошлись во мнениях.

Надо сказать, Вельзевулу это не очень понравилось.

— Короче говоря, немедленно приведешь их обоих в порядок. И, прошу тебя, безо всех этих отговорок, на которые вы, технари, так горазды. Я твердо знаю, что для этого тебе не понадобится заказывать никаких деталей на Тайване, так что поторопись. Если через десять минут ничего не будет готово, придется испортить твой славный шелковый костюмчик и прожечь в нем электричеством дырку чуть пониже спины. Я ясно выразился?

Миюши низко поклонился:

— Яснее ясного, Вельзевул-сан.

Затем программист скинул пиджак, обнажив торс, густо испещренный красочными татуировками. Драконы обвиняли его грудную клетку, и цунами разбивались об уступы его плеч. Сдерживая дыхание, чтобы не втянуть ненароком отвратительный аромат добродетели, Миюши снова погрузил руки в мозги Отрыжки, словно в тесто.

Как все ученые люди, он не мог удержаться от того, чтобы не прокомментировать свои действия:

— Волна положительной энергии полностью подавила источники питания Душелова. Иными словами, повторно его убила. Стерев при этом все содержимое его памяти. Теперь его память похожа на пустое ведро. К счастью, ее бэкап находится в файле, содержащемся в операционной системе голограммы. Но, к несчастью, голограмма питается от того же источника, что и ее носитель. Иными словами — если отключается он, то отключается и она.

Миюши подключил зонд к внешнему источнику питания. Голубая искра проскочила между контактами, а следом за ней — еще несколько. Достигнув содержимого черепа Отрыжки, они заставили его окоченевшее тело содрогнуться в спазме. ВЕНИК тут же закрутился как волчок, а скорость его речи увеличилась до четырехсот слов в секунду. Его микропроцессоры немедленно запустили тестовую программу, и голограмма начала проверять работоспособность всех своих драйвов и программ. Через три и четыре десятых секунды ВЕНИК пришел к выводу, что он функционален на восемьдесят восемь процентов. Его телескопические глаза повернулись несколько раз и сфокусировались на стоявших перед ним демонах.

— О Величайший, — сказала голограмма и низко поклонилась.

— Благодарю, — ответил Вельзевул, невольно польщенный подобным обращением. Миюши счел благоразумным не разубеждать его. — Ну что, этот болван наконец ожил?

— Гав! — твякнул Отрыжка.

— К сожалению, похоже, что да.

Вельзевул недовольно заворчал:

— Да, даже твоя голограмма и то страдает высокомерием. А почему бы мне, Миюши, не зажарить твоего виртуального дружка прямо сейчас?

— Разрешите, я отвечу на этот вопрос, — прожужжал ВЕНИК, бесшумно подплыв поближе к своему хозяину. — В отличие от вашего Душелова, моя аналитическая программа, запатентованная «Корпорацией Миюши — Внутренние Решения Для Внутренних Проблем», способна проникать в содержимое памяти мистера Бреннана и на основе полученных данных предсказывать перемещения нашей заблудшей души во время ее пребывания в мире смертных.

Вельзевул метнул яростный взгляд на Миюши:

— Он и сам — твоя копия, и разговорчики — твои. Ох, не нравится мне это!

Миюши отвесил несколько низких поклонов, почувствовав, что буквально наносекунды отделяют его творение от гибели в пламени электрической дуги.

— Он хочет сказать, Вельзевул-сан, что ему известно, куда направится Мэг Финн.

Вельзевул дал японцу время почувствовать всю глубину сомнения, заключенную во взгляде его фиолетовых глаз, и спросил:

— Это точно?

ВЕНИК произвел кое-какие громоздкие расчеты.

— Исходя из видеоданных моего носителя, девочка страдает навязчивыми идеями. Если она считает, что у нее на Земле остались какие-то недоделанные дела, она попытается манипулировать стариком таким образом, чтобы тот позволил ей завершить их.

Вельзевул купился на это сообщение. Он не выдал себя ни словом, ни взглядом, но разряды, искрившиеся на остриях его вил, сразу побледнели и померкли.

— Гм. А она, если я правильно понял, считает именно так?

ВЕНИК спроецировал изображение какого-то урюмого субъекта на стену камеры:

— Это ее отчим, Франко Келли. Мэг Финн питает исключительно сильное отвращение к нему. Несмотря на все, что она уже ему сделала, она считает, что она все еще с ним не расквиталась.

Вельзевул с сомнением кивнул:

— Ладно. Я даю вам еще один шанс, но только потому, что у меня нет выбора. Этот кусок соба-

чьего сала — единственная неучтенная душа, которая имеется у меня в наличии. Если бы я мог послать кого-нибудь вместо него, я бы сделал это вне всяких сомнений.

Миюши облегченно вздохнул. Его творению, возможно, удастся просуществовать еще один день.

— После столкновения с добродетелью способность носителя к логическому мышлению еще более снизилась. Я подлатал его как мог, но после всех повреждений, которые он испытал...

— Сколько он еще протянет?

— Двенадцать часов. Максимум восемнадцать. После этого ресурсы его жизненной силы будут полностью исчерпаны.

Вельзевул придавил своим брюхом японца к стене:

— Для тебя это *тоже* последний шанс, Миюши. Ты это понимаешь, а?

Миюши вяло кивнул. Удивительно, как быстро слетает с умников весь их гонор, когда им в глаза заглядывает небытие.

— Если все твои штучки-дрючки не помогут нам раздобыть для Хозяина нужную ему душу, придется нам заменить тебя на модель поновее. Сделать апгрейд, как ты сам любишь выражаться.

Вельзевул усмехнулся собственной шутке. Он вообще любил юмор — черный, разумеется. В конце концов, он же демон.

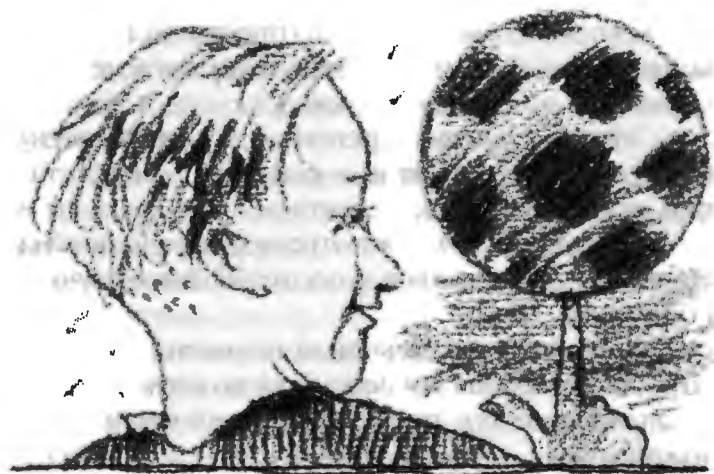
Миюши собрался было в ответ пробормотать какое-нибудь затейливое японское ругательство, но решил воздержаться. Вельзевул читает мысли слабых душ — кто знает, может, он понимает и японские мысли?

— Разумеется, Вельзевул-*сан*. Как вы смешно шутите!

Вельзевул изящно облизнул клыки раздвоенным языком:

— Это я умею.

Программист вздохнул. Ему предстояло еще немало повозиться в отвратительном мозгу этого жалкого уроды, и чувствовал он себя словно Микеланджело, которого заставили рисовать мелками на асфальте.

Глава IX

Грустная история

Мэг смотрела на свои пальцы, точнее говоря, она смотрела на язычки ауры, мерцающие на их концах. Красный — голубой, красный — голубой. Для нее они сливались и по-прежнему были лиловыми. Но уже не такими яркими — поскольку ее жизненная сила неуклонно убывала. Ей все труднее становилось думать «ДЫРКА» или «СТУЛ», да и парить было уже не так легко, как прежде. Она вспомнила слова Флита, трубочиста из туннеля: «Время идти, тик-так, так-так, тик-так».

— Знаешь, в чем основная проблема? — сказала она Лоури, который изо всех сил старался за-

снуть, хотя это было не так-то просто сделать, находясь в одной комнате с беспокойным и не нуждающимся во сне призраком.

— Между прочим, переночевать в этой гостинице стоит сорок фунтов, — сварливо ответил старик, приподнявшись на локте.

— И ты собираешься потратить эти деньги на то, чтобы проваляться в постели? Давай лучше поболтаем.

Лоури вздохнул. Девчонка позволила ему отдохнуть целых шесть часов. Судя по всему, за этот подвиг ему теперь придется быть ей вечно признательным.

— Хорошо, считай, что я проснулся. Так в чем же основная проблема?

— В чем основная проблема? Ты правда хочешь знать?

Лоури закатил глаза:

— Да у нас море проблем! Пожалуй, следует уточнить, о чем ты говоришь... Я — почти покойник, а ты — призрак.. Так что проблем у нас еще как хватает

— Я не об этом, — перебила его Мэг. — Я о твоих Желаниях.

— Чем они тебе не нравятся?

— Идея заключалась в том, что, если я тебе помогу, моя аура станет голубой.

— Верно. Пока все правильно.

— Но все то, что мы с тобой делаем, оно, как бы это сказать, не совсем законно...

Лоури кивнул:

— Я тебя понимаю. То, что тебе приходится делать, не всегда согласуется с твоими добрыми намерениями.

— Вот именно. А время мое подходит к концу. К тому же половину этого времени ты спокойно себе похрапываешь...

— Нам, ископаемым, требуется отдых, если тебе это известно.

— Мне это известно. Я могла бы прятаться у тебя в голове, пока ты спишь.

— Но при этом ты будешь тратить еще больше энергии. Так что ты в любом случае ничего не выиграешь. — Лоури извлек мятый листок с Желаниями из кармана пиджака, который сушился на батарее. — В таком случае, тебе вряд ли придется по душе Третье Желание.

— Ну что ж, просвети меня. О чем оно?

Лоури глубоко вздохнул.

— Это... ну...

И начал рыться в карманах в поисках очков.

— Брось свои штучки, Лоури. Ты же сам составлял список. Только не вздумай мне лгать, что ты ни с того ни с сего позабыл свои Желания.

Лоури щелкнул пальцами:

— Все! Я снова вспомнил. Итак, Третье Желание Лоури Маккола...

— Ну?

— Третье Желание называется «Врезать Рейки». Мэг кивнула головой:

— И что же это означает? Позволь мне самой догадаться. Ты собирался сделать дома какой-то ремонт, да все руки не доходили...

Лоури покачал головой.

— Не угадала, — сказал он невеселым голосом. — Рейки — это человек. Один малолетний негодяй, которого звали Райан Рейки. Я хочу хорошенько ему врезать.

— Ты что, хочешь, чтобы я отправилась в ад? Да?

Мэг была вне себя от гнева. Она только что изложила этому старикашке свою теорию насчет того, как дурные поступки уничтожают добрые намерения, и вот он требует от нее, чтобы она на кого-то набросилась с кулаками. И не просто на кого-то, а на другого беспомощного старика! Она будет проклята навеки, это уж как пить дать! Один удар кулака, и аура ее станет краснее вареного рака!

— Ты не волнуйся, зато последнее желание — абсолютно законное и высокоморальное.

Но Мэг не купилась на эту маленькую хитрость.

— Последнее желание! Когда до него дело дойдет, меня уже здесь не будет! Не успеет твой кулак коснуться морды этого самого Рейки, как я уже буду мчаться в ад по красному туннелю с вилами в заднице!

— Послушай, но раз тебя послали выполнять мои Желания, значит, они заранее знали, что в них нет ничего плохого!

Мэг ненадолго замолчала, обдумывая это заявление.

— Тебе-то легко об этом говорить. Не о твоей же бессмертной душе идет речь.

Лоури вздохнул:

— Мэг, я тебя прошу...

Она вгляделась в лицо старика. Искренность и порядочность клубились в его глазах, словно снежно-белые бабочки. И Мэг решила довериться интуиции. Она решила не объявлять вслух, какое решение она приняла, но хранить его про себя, чтобы позднее — в случае, если ее подозрения подтвердятся, — сказать что-нибудь вроде: «Ну вот, я же тебе говорила!»

— Ладно, — ухмыльнулась она. — Я это сделаю.

Лоури насторожился.

— Ты уверена?

— Разумеется, раз я так сказала.

— Гм, — хмыкнул недоверчиво старик.

Но он уже понял, что, имея дело со сверхъестественными существами, лучше предоставить им свободу действий, а затем пожинать плоды победы.

Рассчитавшись за номер, они вышли из гостиницы на Лисон-стрит и вскочили в автобус, идущий на Хьюстонский вокзал. Ну, может быть, «вскочили» в данном случае — не совсем то слово. Скорее, вскарабкались в него, если принять во внимание состояние той ноги Лоури, которой он нанес по мячу решающий удар. Мэг тоже была не в настроении парить, как обычно, в воздухе, и по-

этому решила пройтись, чтобы сэкономить жизненную энергию.

Автобус был битком набит, и хотя Лоури старательно изображал обиженного пожилого человека, в своем новом костюме он выглядел чересчур преуспевающим, чтобы кто-нибудь удосужился уступить ему место. Кроме того, его узнали. Улыбчивая бабушка со сногшибательным фиолетовым начесом на голове отделилась от группы хихикающих подружек и устремила к Лоури по проходу автобуса.

— Неужели это действительно вы?

Вопрос несколько странный. Макколу не оставалось ничего иного, как признать:

— Да, это я.

Женщина повернулась и гаркнула на весь автобус — такому голосу мог бы позавидовать и ротный старшина.

— Да, девочки, он самый! Я же вам говорила!

— Давай, Флора, — прокричала одна из старушек в ответ. — Давай не робей!

Тогда бабушка с начесом вновь обратила свое внимание на перепуганного Лоури:

— Ну что, может, вы меня тоже поцелуете?

Лоури нервно сглотнул:

— Мадам, я вовсе не намеревался.

— Нет, вы только послушайте: «Мадам»! Боже мой, какая он прелесть! Совсем как Шон Коннери. Только страшненький.

— Благодарю вас, — неуверенно отозвался Лоури.

— Но почему же? Разве вы не этим занимаетесь? Разве вы не бегаете повсюду и не целуете пожилых дам?

Флора закрыла глаза и оттопырила блестящие розовые губки.

Мэг хихикнула:

— Ну как?

Лоури бросил на нее отчаянный взгляд. «Выручай!» — произнес он одними губами.

Но спасение пришло от водителя автобуса.

— Хьюстонский вокзал! — прокричал он, открывая пневматические двери.

Лоури выскользнул через задний выход.

— Моя остановка, мадам, — прокричал он, очутившись в безопасности на улице. — До следующей встречи. Адью!

Его французский имел огромный успех. Флора прижалась лицом к окну автобуса, размазывая по стеклу губную помаду. Лоури изобразил улыбку и помахал рукой вслед удалявшемуся автобусу.

— Кто это был? — спросила Мэг.

— Не знаю, первый раз ее вижу.

— Я не о ней. Я о том человеке, который знает такие слова, как «мадам» и «адью».

— Что ты имеешь в виду? — возмущился Лоури, не обращая никакого внимания на удивленные взгляды прохожих.

— Ну, — продолжала Мэг, — Лоури Маккол, которого я знала, никогда не злоупотреблял всей этой романтической чепухой. У него на нее просто времени не оставалось — он был слишком занят тем, что прикидывался дряхлой развалиной и упивался жалостью к самому себе.

Лоури почувствовал, как лицо у него само расплывается в улыбке, и изо всех сил попытался сдержать ее. Увы — сдержать ее было невозможно.

— Ты улыбаешься? Боже мой, я сейчас в обморок упаду!

— Да заткнись ты! Извините, сэр, я не вас в виду имел, — объяснил он вздрогнувшему прохожему.

Но, несмотря на это резкое высказывание, улыбка по-прежнему не сходила у него с лица. Мэг была права. Он менялся, он становился другим человеком. Таким, каким бы мог быть.

В поезде, шедшем на юг, пустых вагонов не оказалось совсем. Все ехали в Уэксфорд на скачки. Поэтому Лоури и Мэг пришлось временно прекратить общение между собой. Точнее говоря, Лоури был вынужден молчать.

Мэг ужасно расстроилась. Просто сидеть и молчать. Она была подростком, в конце-то концов. Типичным представителем поколения MTV. Она постоянно нуждалась в развлечениях.

— Рассказывай мне мысленно, — шепнула Мэг. Лоури поднял брови:

— О чем?

— О том парне. Ну, о малолетнем негодяе. Рассказывай мне про него мысленно.

Лоури испуганно схватился за голову руками, закрывая уши.

— Не бойся. Я не собираюсь рыться у тебя в мозгу. Но я уже научилась видеть большинство твоих мыслей — ну, как смотришь передачу по телику с плохой картинкой. Но если ты будешь думать очень тщательно, то...

Лоури закрыл глаза и сосредоточился. Дымчатая картинка завихрилась, приобретая четкие очертания в его голове. Это оказалось изображение Цецилии Вард.

— Тоже мне Ромео нашелся! Тебя что, на нее переклинило?

Лоури виновато улыбнулся. Он решил попробовать снова.

Возникла новая картинка. Из-за неприятных воспоминаний она выглядела несколько зловеще. Предметы по ее краям принимали странные формы или перетекали один в другой. Но изображения людей вышли отчетливыми и кристально ясными. Видимо, они прочно врезались Лоури в память.

Это выглядело не совсем обычно: история рассказывалась глазами рассказчика, а не его голосом. Что-то вроде кино про кинооператора, но Мэг вскоре к этому привыкла. Она сидела, зачарованная, поглощенная просмотром эпизода, сыгравшего такую важную роль в судьбе юного

Маккола. Если бы она смотрела в лицо Макколу, а не на его макушку, она бы заметила, как нахмурился при этом его лоб. Ему было не так-то просто поделиться этой историей. Но, как только он решился, она полилась из его головы так свободно, как будто случилась только вчера.

К тому времени, когда мне исполнилось пятнадцать, я успел уже окрепнуть. Стать толстокожим. Без этого деревенскому парнишке в Уэстгейте было практически не выжить. Иначе его, в слезах и соплях, быстрехонько отправляли домой. Так случилось с Содом Келли и с Миксером Френчем. Два здоровенных фермерских сынка за несколько лет травли превратились в плакс и неудачников. Только не думай, никто их и пальцем не тронул — травить можно и более изощренными методами. Потихоньку.

Мне часто доводилось слышать, что школьные задиры и забияки обычно двоечники и тупицы, ходячие мешки дерьма с тыквой вместо головы. На своем опыте я убедился, что это не так. Городская порода хулиганов считала себя людьми утонченными и поэтому, чтобы поставить на место деревенщину, пользовалась только издевками.

Райан Рейки представлял собой типичный случай. Любой другой мальчик с такой фамилией давно заполучил бы прозвище. Но не Райан. Он пользовался слишком большим успехом у прияте-

лей, чтобы иметь кличку. И к тому же был слишком опасен.

По какой-то причине Рейки проявлял ко мне особенный интерес. Возможно, виной тому то, что меня не выгнали после истории с Кроук-парком. Несколько друзей Рейки исключили как раз после нее. Сам он в футбол не играл, считая это занятие слишком грязным для джентльмена. Он предпочитал стоять на краю поля и отпускать язвительные комментарии.

Не один год я терпел его. Проходил мимо с опущенной головой. «Слова, — твердил я себе, — это только слова. Переживу как-нибудь». И тут я внезапно пошел в рост. После пятнадцати лет я потянулся вверх, как трава. И в один прекрасный день оказалось, что мне уже не нужно вставать на цыпочки, чтобы заглянуть Рейки в глаза.

И тогда все резко переменилось. Христианские Братья сразу позабыли о той старой истории, когда я начал зарабатывать для них одно очко за другим, перекидывая мяч через перекладину в матчах студенческой лиги. А когда я, возвращаясь от ворот, проходил мимо Рейки и он отпускал свои ядовитые шуточки, они отскакивали от меня, как мяч противника.

Так бы оно все и шло, но я слишком высоко задрал нос. И настал день, когда судьба отвернулась от меня. Как-то в полдень я направлялся к раздевалкам, пиная перед собой мяч. И тут мне навстречу, откуда ни возьмись, — Рейки и его дружки. Не-

сколько последних выигранных матчей сделали меня необычайно самоуверенным. Поэтому я не пытался пробраться мимо них бочком и не опустил взгляда. Напротив, я широко улыбнулся им, взял футбольный мяч в руку и прокрутил его на кончике пальца.

Рейки все это не понравилось. В его глазах это выглядело как бунт собаки против своего хозяина. Он точно не знал, что следует делать в этом случае, но, поскольку его приспешники не сводили с него глаз, он был просто обязан что-нибудь сказать.

— На четвереньки, деревенщина, — сказал он. — На четвереньки и вилять хвостом.

Я почувствовал нерешительность Рейки. Я уже видел где-то раньше такое выражение глаз. На футбольном поле у вратаря, когда тот не может понять, успеет ли он перехватить мяч.

И тогда я сделал вид, что швыряю в него мяч. Подобные шутки мальчишки проделывают с приятелями по тысяче раз в день. Но Рейки не был моим приятелем. Я сделал вид, что швыряю в него мяч. И он вздрогнул.

Вы спросите, чего тут такого? Подумаешь, велика важность! И будете совершенно правы. Но Рейки думал иначе. Для него это все было очень серьезно. Возможно, худшего происшествия в короткой биографии этого маменькина сыночка до сих пор и не значилось. Какой ужас — быть застигнутым врасплох деревенщиной!

Первые два дня он сгорал от стыда, а затем начал вынашивать месть.

Я, как полный придурок, решил, что победил и мерзавец больше никогда не посмеет задирать меня. Боже, как я был наивен!

Территория Уэстгейтского колледжа тянулась за футбольные поля, переходя в просторные луга, спускавшиеся к самой Лиффи. Каждое лето на луга приезжал фермер на машине с прицепом и за скромную сумму приобретал право вывезти с них сено.

Разумеется, нам строго запрещали спускаться к реке после наступления темноты. Исключение составляла единственная неделя после экзаменов в июне, во время которой по неписаному закону старшеклассники имели право собираться на речном берегу, чтобы покурить в сумерках. Только старшеклассники. И то формально это было все же нарушением школьных правил. Но учителя закрывали на это глаза.

Мне не следовало так рисковать. Мои единственные союзники, члены футбольной команды, заночевали в Роскоммоне после товарищеского матча. Я плечо растянул и на игру не поехал. Пришлось остаться в дортуаре и считать часы до возвращения домой.

«На берегу не будет никого, кроме пансионеров», — рассудил я. Рейки и его дружки наверняка уже сидят по домам под крылом у своих ма-

мочек. Итак, я поправил повязку на плече, провел по волосам расческой и отправился на луга.

Я вышел без пиджака, подвязав вокруг пояса теплый свитер. Узел, которым были завязаны рукава, получился размером с футбольный мяч. Я хорошо помню этот свитер. Он служил предметом постоянных насмешек городских мальчишек. Они утверждали, что моя мама изловила где-то бедную овечку и содрала с нее заживо шкуру вместе с копытами.

Мальчишки болтались вдоль берега, пуская кольца дыма в полутьме или швыряя камешки на середину реки. Я присоединился к ним и тоже набрал в руку пригоршню гальки с речного берега. По нынешним временам наши развлечения выглядят невинными — у молодежи сейчас столько возможностей, рок-музыка и море свободного времени, — но тогда нам казалось, что мы шикарно проводим досуг.

И тут появился Рейки. И, разумеется, не один — Райан никогда не путешествовал без своей свиты. Льстивые шакалы вертелись вокруг него, как планеты вокруг Солнца. Они не имели права появляться здесь. Пробираться вечером на территорию школы приходящим ученикам запрещалось столь же строго, как пансионерам — покидать ее. Но Рейки мечтал кое с кем свести счеты, и поэтому он и его дружки нанесли нам визит, перейдя реку по плотине, находившейся выше по течению.

Я схватился за голову руками, отчаянно надеясь, что они пришли не по мою душу. В конце концов, что я такого натворил? Ничего. Всего лишь сделал вид, будто кинул мяч.

Они остановились передо мной. В предвкушении настоящего развлечения они даже на время перестали хихикать. Ясно было, что дела мои плохи. Рейки не стал бы мочить в воде свои ботинки ради того, чтобы просто лишний раз поиздеваться надо мной.

Молчание нарушил, разумеется, сам Райан:

— Добрый вечер, мистер Маккол. Как идут дела у тружеников сельского хозяйства?

Не каждый мальчишка использует в своей речи такое слово как «труженик» — это взрослое слово. Но Рейки всегда говорил, словно диктор «Новостей», — имелась у него такая привычка.

Я ничего не ответил. Да он и не ждал ответа. Ему просто нужен был повод, чтобы привязаться ко мне.

Он пнул меня по ноге.

— Ну, так как идут дела в вашей грязной захудалой норе?

Я не знал тогда даже слова «захудалый». Но именно поэтому я его и запомнил.

— Удалось ли вашей матери ободрать еще пару овечек?

Дружки Рейки заржали. «Удалось ли вашей матери ободрать еще пару овечек?» Ха-ха-ха! Теперь я уже не мог дальше молчать. Ведь настоящий па-

рень не может позволить, чтобы при нем издевались над его матерью. Я решил подняться с земли, чтобы мне было удобнее в случае чего драться или убегать.

— Я не крестьянин, Рейки, я не живу в норе и моя мать не обдирает овец.

— Неужели? Ты сможешь это доказать?

— Да.

Дружки Рейки обступили меня полукругом. Даже в полутьме было видно, как возбужденно сверкают их глаза. Я понял, что они пьяны. Я уже видел такие глаза у нас в Ньюфорде. У нас имелся свой городской пьяница — точно так же, как в любом селении в Ирландии. Наш, выпив, всегда лез в драку — свести старые счеты. Похоже, выпивка подействовала на Рейки подобным же образом.

— Дело в том, Маккол, что мне глубоко наплевать на твои семейные обстоятельства. Для меня деревенщина — это деревенщина, и все тут.

Хотя это нельзя было назвать вопросом, он, похоже, полагал, что я обязан как-то ответить. Обмен оскорблениями напоминает игру в теннис, и Райан послал ко мне мяч через сетку. Но я то вовсе не собирался с ним играть. Я решил прибегнуть к давлению взглядом — тактике, которая часто меня выручала на футбольном поле. Беда только в том, что в футболе силы более или менее равны, но тут я был один, а их — десятеро. Оттого что я сверлил его взглядом, Рейки только пришел в еще большее бешенство.

— Что-то не так, деревенщина? Тебе что, кто-то язык откусил? Корова, что ли? Или овца?

Я скрипнул зубами. Что бы я ни сказал, он все равно извернулся бы и выставил меня в дурацком свете.

— Дело в том, Маккол, что в последнее время ты стал вести себя нагло. Нахально. А таким, как ты, положено держаться подобострастно.

«Подобострастно»? Какой уважающий себя подросток станет выражаться подобным образом?

Тем временем на другом берегу появилась компания девчонок. Перегнувшись через перила, они хихикали и махали нам руками. Рейки развязно помахал им в ответ. Очевидно, это были его поклонницы, собравшиеся посмотреть на то, как он проучит зарвавшегося пансионера.

— Итак, отныне, — произнес Рейки, слегка повысив тон, чтобы его слова было слышно на другом берегу, — я требую, чтобы ты, обращаясь ко мне, говорил «сэр».

Я презрительно фыркнул носом. Я настолько тщательно следил за тем, чтобы ни звука не вырвалось у меня изо рта, что про нос-то совсем и забыл.

Лицо Рейки побагровело.

— Ты чем-то недоволен, дружок?

Я словно окаменел. Даже моргать перестал.

— Я спрашиваю — ты чем-то недоволен?

Я слегка пожал плечами, что следовало понимать как «ни да, ни нет».

Но Райан предпочел понимать это как «да».

— Отлично. Тогда скажи нам, чем именно.

Я прикрыл глаза. Это было уже чересчур.

— Достаточно просто сказать: «Сэр, я всем очень доволен!»

И тут я брякнул:

— Райан, называть *меня* сэром вовсе не обязательно.

В кустах стрекотали сверчки, но, клянусь, даже они в тот миг замолчали. Молчание, впрочем, продолилось не долго. Положение у заводилы в таких компаниях незавидное — ведь даже ближайшие дружки тайно жаждут его падения. Девочки на другом берегу реки принялись истерически хохотать, стуча от восторга по перилам кулаками.

— Молодчина, Пэдди! Так ему, этому нахалу!

Я догадался, что под «Пэдди» они подразумевают меня. Райан тоже это понял и в мгновение ока превратился из изощренного острослова в обыкновенного драчуна.

Не успев даже понять, что творит, он размахнулся и ударил меня по лицу, мазанув пальцами по губам. Удар вышел болезненный, но, в сущности, пустяковый. Мне доставалось сильнее на рыбалке от рыбьего хвоста. Рейки в изумлении уставились на свой кулак, словно тот предал его. Он потерял самообладание, причем на глазах у зрителей.

Игра в футбол учит пользоваться в своих интересах смятением противника — именно это я и сделал. Я толкнул грубияна ладонями в грудь изо

всей силы. Он пошатнулся, повалился назад и ска-
тился на спине по откосу к самому берегу. Такого
он совсем не ожидал.

Банда Рейки набросилась на меня проворнее,
чем гончие на лису. Это были типичные слабаки —
ведь им в жизни не доводилось трудиться по-на-
стоящему. Но их было много, и они прижали меня
к земле, вдавив в жидкую грязь по самые уши.

Девчонки по-прежнему ржали за перилами на
том берегу. Для них все происходящее было раз-
влечением почище всякого театра, лучше иного
киносериала.

Рейки вскарабкался обратно по скользкому
склону, стряхивая глину со своего спортивного
пиджака. Вид у него был прежалкий.

— Проси, чтобы я тебя отпустил, — сказал он,
стараясь не показать своего гнева перед зрите-
лями.

— Что?

— Ты хочешь встать?

Я осторожно кивнул.

— Тогда попроси.

Что это он затеял?

— Хорошо. Отпусти меня.

Райан покачал головой:

— Нет, не так. Не так. Попроси как следует.

— Пожалуйста, отпусти меня.

— Нет, деревенщина! Как следует. Скажи «сэр».

Вот оно в чем дело. Он просто вознамерился
довести до конца свой первоначальный план.

— Обойдешься, Рейки!

Смятение отразилось на лице задиры. За шестнадцать прожитых лет ему ни разу не доводилось сталкиваться с сопротивлением. И вот какой-то жалкий фермерский сынок посмел восстать против него. Да еще на глазах у девчонок. Райан поставил ногу в мокром грязном ботинке мне на грудь.

— Говори, Маккол!

— В гробу я тебя видал, Рейки!

Это была сильная фраза. Так всегда говорила мать моему отцу, когда тот просил ее принести уголь в дом.

— Последний раз предупреждаю тебя, Маккол. Если ты не назовешь меня «сэр», мы устроим тебе такую взбучку, что ты ее не скоро забудешь.

Я расхохотался. Я просто не мог сдержаться. Эти мальчишки не сумели бы задать взбучку никому, и тем более тому, кто прошел суровую школу у Христианских Братьев.

Рейки заглянул мне в глаза. Он прекрасно понимал, что несколько зуботычин вряд ли меня испугают. Ко мне требовался совсем другой подход. Он склонился надо мной и прошептал мне на ухо:

— Вот что мы с тобой сделаем, деревенщина: или ты скажешь мне «сэр», или мы снимем с тебя штаны и бросим в реку.

Я чуть было не расхохотался вновь, но тут вспомнил о девчонках, которые по-прежнему ви-

сели на перилах в предвкушении зрелища. Даже от мысли о том, что они могут увидеть меня без штанов, меня бросило в краску.

Рейки победил, и видно было, что он это знает.

— В общем, решай сам. Я лично очень надеюсь, что ты откажешься назвать меня «сэр».

Мы были деревенскими парнями. В те времена это означало, что с девчонками мы почти не общались. Мы не умели держаться с ними так запросто, как дублинцы. Я бы умер от страха, если бы мне предложили станцевать с одной из них, не говоря уже о том, чтобы выбежать перед ними из реки в одном исподнем.

— Отпусти меня, Рейки, — пробормотал я.

Я пытался вложить в эту фразу некоторую угрозу, но результат оказался жалким.

— «Отпусти меня» — а дальше?

Я тяжело вздохнул. Что было хуже: река или слово? Я сделал свой выбор. Ошибочный, как я считаю сейчас и считал все эти пятьдесят лет.

— Отпустите меня, сэр.

Раскаты их хохота до сих пор звучат у меня в ушах.

Картинка над головой Лоури рассыпалась облаком разноцветных искр.

— Тебе никогда не приходило в голову, что можно просто жить себе дальше, не вспоминая об этом? — спросила Мэг. — Наплевать и забыть, как говорится?

Лоури надулся, словно обиженный ребенок. Он лелеял отмщение сорок три года и не собирался так вот запросто отказываться от него.

— Но подумай, ведь прошло столько лет. Боже мой, да за это время столько воды утекло!

Лоури не отвечал. Да он и не мог, потому что кругом были другие пассажиры. Впрочем, ответ не требовался. Даже не прибегая к своим весьма умеренным телепатическим способностям, Мэг могла прочитать его в глазах старика.

— Ладно, ничего не попишешь, — вздохнула она. — Заткнусь и буду делать, что просят. Но я хочу обратиться с официальным заявлением на тот случай, если там, наверху, меня хоть кто-нибудь слышит. Я просто исполняю приказ, я против того, чтобы бить стариков.

И увидела кое-какие перемены. Лоури явно почувствовал, что с этим его желанием не все ладно, но отказаться от его исполнения было пока выше его сил. Час еще не настал. Не беда — у Мэг в распоряжении имелось еще достаточно времени.

Глава X

Врезать Рейки

Они доехали на поезде прямо до портового городка Росслэйр, откуда отправляются паромы. Городок этот двенадцать месяцев в году кишмя кишит американцами ирландского происхождения, ищущими корни своего генеалогического древа, голландскими туристами, ищущими холмы, по которым можно побродить, и новомодными мистиками, ищущими встречи с леприконами¹. В подобном обществе пожилой человек, разговаривающий сам с собой, выглядит чуть ли не как эталон нормальности.

1 Маленькие человечки из ирландских легенд.

— Знаешь, надо было начинать отсюда, — пожаловалась Мэг. — Это ведь совсем рядом с Нью-фордом, где ты живешь, — это на тот случай, если ты уже забыл.

— Знаю, — ответил Лоури. — Просто я расставил свои Желания по степени важности. На тот случай, если...

— На тот случай, если что?

— На тот случай, если я... ну ты сама понимаешь.

— Ах да...

Какое-то время они продолжали путь в молчании. Затем Мэг посетила мысль:

— А откуда ты знаешь, где теперь живет этот парень? Ты за ним следил, что ли?

Лоури покачал головой:

— Нет. Просто старина Райан попал в местную газету пару лет назад. Он ушел на пенсию после блестящей карьеры в столице. И купил тут знаменитый коттедж, который принадлежал некогда матери Джеймса Джойса.

— Что значит «после блестящей карьеры»?

— Не важно. Ты знаешь все, что тебе следует знать.

Мэг фыркнула:

— Ненадолго же хватило нового Лоури. Куда же подевались все эти твои «адыю» и «мадам»?

— Извини, — оправдывался старик. — У меня просто кровь вскипает от одной мысли об этом типе.

— Знакомое чувство, — сказала Мэг, мысленно представив себе лицо Франко.

Определенные лица вызывают непроизвольное желание ударить по ним.

По улице, с обеих сторон облепленной маленькими гостиницами, они дошли до края городка. Полуденное солнце предпринимало вялые попытки прорваться сквозь густой слой серых туч. На самой вершине холма, словно заброшенный мотель из фильма ужасов, стоял коттедж, принадлежавший Рейки.

— Жутковатый домик, — пробормотала Мэг, вздрогнув.

— Жутковатый? — фыркнул Лоури. — Странное ты привидение!

— Какое ни есть, просто не люблю бить дедушек.

Мэг решила, что настало самое время дожать Лоури.

— Ты как предпочитаешь, чтобы я ему просто нос расквасила? Или еще пару раз пнуть по почкам, когда он упадет?

— Мне все равно.

— А может, придушить его, пока не попросит пощады?

Краска стыда загорелась на щеках у Лоури.

— Я оставлю выбор за тобой, ладно? Ты же у нас специалист по части уголовщины.

Мэг перестала ухмыляться. Видно, планом все предусмотрено.

К коттеджу вела очень крутая лестница со ступеньками из дикого камня, и Лоури потратил немало времени и сил, пока преодолел ее. Его лысына блестела от пота.

— Ну что, может, передумал? — самым невинным голосом спросила Мэг.

Лоури стер соленые капли с бровей и сказал:

— Нет, не передумал.

— Уверен?

— На все сто!

Старик ловил ртом воздух, уговаривая себя успокоиться. Не хватало еще только умереть от сердечного приступа прямо на пороге дома этого чертова Рейки!

— Послушай, Мэг, — сказал Маккол. — Вот как я себе это представляю: я вхожу, говорю, кто я такой, напоминаю ему о том самом вечере в Уэстгейте и прошу его назвать меня «сэр». Когда он отказывается — а он наверняка откажется, — тогда ты завладеваешь моим телом и бьешь его прямо по его надменной аристократической физиономии.

— Слушаюсь, капитан. Надеюсь, я его не убью.

Лоури удивился:

— То есть как это «убьешь»?

— Кто знает, я теперь стала такая сильная.

— Я не хочу никого убивать.

— Что? После того, что он с тобой сделал? Да на меньшее я просто не согласна.

Лоури остановился.

— Не говори глупостей. Слегка треснешь его, и все. Большого мне не надо. Уж пожалуйста, обойдись без убийств и членовредительства.

— Уж как выйдет. Не могу ничего обещать.

Лоури продолжил свой путь, но шагал он уже не так решительно, как раньше. От бури эмоций, бушевавшей в его душе, потускнело даже свечение его ауры. Страх и сомнения в его сердце смешались с ненавистью и сожалением, а от такой смеси кому хочешь станет не по себе.

Дверь дома оказалась алюминиевой — она смотрелась довольно нелепо на фоне изъеденных соленым морским ветром кирпичных стен.

— В этом весь Рейки, — пробормотал Лоури. — Старая дверь ему, видите ли, чем-то не приглянулась.

— Ты что, намереваешься весь день обсуждать вопросы архитектуры или мы все же наконец перейдем к делу?

Лоури поднес пальцы к кнопке звонка и в нерешительности замер.

— Ну?

— Не торопи меня, для меня это не так-то просто.

Мэг прекрасно понимала, что он имеет в виду. Оказаться лицом к лицу со своим демоном — развлечение ниже среднего. Особенно, если (как это было в ее случае) твой демон — наполовину человек, а на другую — гончая ада.

Лоури протянул к кнопке дрожащий палец.

«Успокойся, старый дурак, — сказал он самому себе. — Он всего лишь человек. Просто человек».

И тут дверь отворилась. Лоури отпрыгнул назад, словно попавшийся с поличным мальчишка, чуть не скатившись кубарем по каменным ступенькам.

— Элегантное начало, — пробормотала Мэг.

Райан Рейки стоял в дверном проеме.

— Эй, — спросил он нерешительно, — кто здесь?

Лоури собирался с духом, сглотив всю скопившуюся за полвека желчь. «Скажи ему, ну же, скажи!» — науськивал он себя.

Но ему так и не представилось случая начать первым. Его старый недруг водрузил на нос очки в металлической оправе, прищурил слезящиеся глаза и воскликнул:

— Боже мой! Это невероятно! Лоури Маккол!

Лоури кивнул, боясь, что не совладает со своим голосом.

— Глазам своим не верю. Лоури Маккол! Что ж ты стоишь, заходи ко мне, ради Бога!

И Рейки суетливо ринулся в прихожую, сделав Лоури знак следовать за ним.

— Ну, он и свинья! — прокомментировала Мэг. — Разговаривать с тобой так, после всего, что он тебе сделал! И как только у некоторых наглости хватает!

Лоури выстрелил одним из своих едких оранжевых взглядов прямо в голову Мэг и последовал

за Райаном в дом. Они прошли в гостиную, сверкавшую полированным деревом и стеклом.

— Ты мне не поверишь, — сказал Рейки, показывая на экран телевизора, — но я только что смотрел видеозапись с тобой.

Весь экран занимало лицо Лоури, застывшее в стоп-кадре.

— Давай садись, садись! Что тебе предложить?

Лоури опустился в старинное кожаное кресло. Если бы даже Рейки и не предложил ему сесть, ноги бы его все равно подкосились от волнения.

— Э-э-э... стакан воды, если можно.

Рейки радостно хлопнул в ладоши.

— Конечно, старина, конечно!

Лоури моргнул от неожиданности. «Старина?»

— Я сейчас мигом.

И Рейки, слегка страдающий артритом, промчавшись по комнате, как вихрь, скрылся на кухне.

— *«Стакан воды, если можно!»* — передразнила его Мэг. — И это наш суровый мститель?

— Он застиг меня врасплох, вот и все, — прошипел Лоури.

— А ты что, ожидал, что тебе навстречу выйдет шестнадцатилетний мальчишка?

— Конечно, нет. Я ожидал, что...

Лоури запнулся. Его призрачная помощница права. Он ожидал, что навстречу выйдет шестнадцатилетний мальчишка. Нет, не в смысле внешности, разумеется, но в смысле манер и поведения. И ни на одну секунду он не верил в то, что Рейки

может его узнать, не говоря уж о том, чтобы пригласить его в гости.

Рейки влетел обратно в комнату. В руках у него был кувшин ледяной воды, на верху которого стояло блюдечко с печеньем.

— Мистер Рейки... — начал Лоури.

— Нет! Ни слова, пока не выпьешь воды. У тебя лицо стало цвета вареной свеклы, а в нашем возрасте с такими вещами не шутят.

Рейки постучал себя кулаком по груди.

— Ты уж мне поверь, я-то знаю.

Лоури кивнул и с благодарностью взял у Рейки из рук хрустальный стакан с водой. Он осушил его до дна, прежде чем заговорил снова:

— Сердце пошаливает?

Рейки кивнул:

— Тройное шунтирование делали в прошлом году. Чудом выскочил из лап смерти. Откачивали черт знает сколько.

— Он мне еще рассказывает!

— У тебя то же самое?

— Боюсь, что да. Мне срочно нужен донор. Но я в самом хвосте очереди.

Было видно, что Рейки не на шутку расстроился.

— Какой ужас! Ты не будешь против, если я позволю кое-кому, кто сможет помочь?

Лоури покачал головой:

— Нет, спасибо, э-э-э...

— Райан.

— Нет, спасибо, Райан. В Ирландии ждут операции четверо пациентов с четвертой группой крови и отрицательным резус-фактором. Все, кроме меня, — молодые люди.

— Понимаю.

Оба старика на время замолчали. Болезнь сердца — не тема для светской беседы.

— Я так рад, что ты пришел, Лоури, — наконец сообщил Рейки. — А то я уже совсем было собрался сам тебя разыскать.

— Правда?

— Конечно, правда.

Старик вздохнул:

— После операции я много размышлял. О всяких разных вещах. О прошлом.

Лоури был потрясен. Это было уже слишком. Оказывается, Рейки еще и походил на него. Ужасно похож.

Неужели они оба так сильно изменились за полвека?

— Я жалею о многом, чего я не сделал, — сказал Рейки, опустив глаза в пол. — Но еще больше — о многом, что я сделал, — он задумчиво провел тонким пальцем по краю стакана. — О том, что не дает мне покоя до сих пор, Лоури. О том, за что мне следовало бы извиниться.

— Райан, ни к чему это...

— Нет, Лоури, ты уж, пожалуйста, выслушай меня. Лежа на койке в больнице, я поклялся, что, если выживу, то обязательно поговорю с несколь-

кими людьми, с которыми мне давно следовало поговорить. Ты — один из них.

«По-моему, для подобных чудес существует какое-то ученое слово, — подумал Лоури. — Ах да, синхронность!»

— Речь идет об одном давнем происшествии, — продолжал Рейки. — Ты, наверное, о нем даже и не помнишь.

— Я бы не стала делать таких заявлений, — буркнула Мэг, но Лоури слушал Райана как зачарованный и не обратил никакого внимания на эту реплику.

— В молодости у меня были отвратительные манеры. Я знаю, что о молодости помнишь обычно только хорошее, но мне помнится и плохое тоже.

Лоури кивнул. Он тоже не мог позабыть плохое.

— В частности, мне помнится один летний вечер. Это был последний год нашей учебы. Я тогда... жестоко обидел тебя перед толпой других учеников. Заставил тебя называть меня «сэром». Ты не можешь представить себе, как часто по ночам я мучился бессонницей от стыда, вспоминая это. Я лежал и все время вспоминал одно и то же. Сможешь ли ты теперь простить меня?

— Ну? — поинтересовалась Мэг. — Разве сейчас не самое время врезать ему?

— Нет! — вскричал Лоури.

Рейки удрученно кивнул головой:

— Я тебя прекрасно понимаю. Можешь мне ничего не объяснять.

— Нет, Райан! Ты не понял меня. Я хотел сказать, что нет никакой нужды прощать то, что уже давно забыто. Если бы ты мне не сказал, так я об этом бы сам и не вспомнил.

— Ах ты, старый враль! — усмехнулась Мэг.

— Ты говоришь так по своей доброте, Лоури. Мы оба прекрасно помним, как это все было от-
вратительно.

Лоури вздохнул:

— Да, Райан, ты прав. Я все помню. Это был жуткий вечер. Мне часто казалось, что он повлиял на всю мою последующую жизнь.

— Я так и знал! — воскликнул Рейки и обхватил голову трясущимися руками. — Ты имеешь полное право поквитаться со мной. Мсти мне, как считаешь нужным, я не посмею протестовать.

Лоури положил руку на плечо одноклассника:

— Я не за этим сюда пришел. На самом деле, история пустячная, и если она повлияла так сильно на мою жизнь, то только потому, что я сам это допустил. Я просто пришел провести старого приятеля. И ничего больше.

Рейки посмотрел на Лоури через пальцы:

— Это правда?

— Конечно. Мы были детьми. Дети часто совершают глупые и жестокие поступки. Считаю, что я тебя простил, и давай выпьем.

Рейки встал с кресла и порывисто обнял Лоури. Если бы Маккол уже не сидел, то он наверняка свалился бы от изумления.

— Спасибо, старина. — И с этими словами Рейки вновь исчез на кухне, но на этот раз на его губах играла счастливая улыбка.

— Я так и знала, — торжествовала Мэг.

— Что ты «так и знала»?

— Что ты не ударишь его.

— Ты знала?

— Да, знала! Ты слишком хороший человек. Слишком достойный. Человек с такой голубой аурой, как у тебя, не станет врываться в чужие дома и бить людей.

— Ну, ты же сама все видела, — сказал Лоури. — Он раскаялся. Искренне раскаялся. Как я мог ударить его? Это было бы несправедливо.

Рейки вернулся с бутылкой бренди и двумя бокалами.

— Нам, с нашими сердчишками, конечно, не следовало бы...

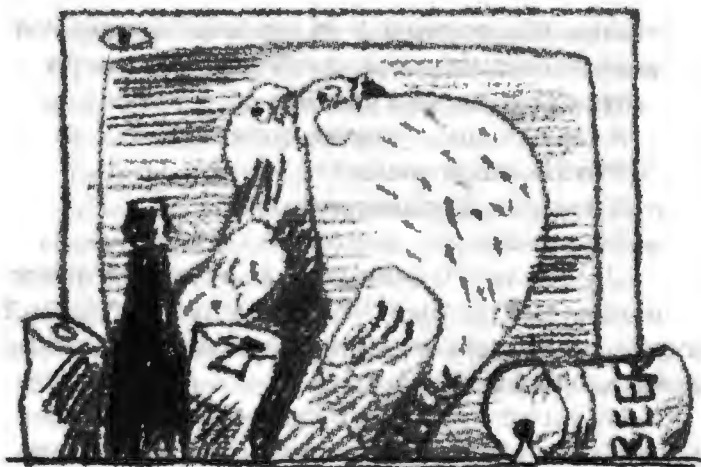
— Знаю, но — черт побери! — не часто доводится встретиться с одноклассником!

Рейки сел в кресло, внезапно снова посерьезнев.

— Знаешь, Лоури, когда я лежал в больнице, меня не навеситил ни один человек. Шесть недель — и ни одного посетителя. Представляешь, как мне было одиноко?

Лоури припомнилась его собственная стариковская квартирка и годы, проведенные перед экраном телевизора.

— Да, Райан, — ответил он, глотнув из бокала жгучую жидкость. — Представляю.

Глава XI

Желание в запасе

Франко Келли наконец решил проблему со сломанным пультом от телевизора. Не то чтобы он на самом деле был сломан, но вероятностью того, что Франко возьмет и купит новые батарейки на деньги, отложенные на сигареты, следовало пренебречь.

Тем не менее проблему с пультом он решил. А проблема заключалась в следующем: как переключить каналы, если пульт не работает?

Можно, скажем, встать с кресла. Но это уж только в крайнем случае. Достаточно и того, что приходится вставать всякий раз, когда хочется поесть

или сходить в туалет. А тут придется шевелиться ради каждой рекламной паузы.

Можно, конечно, завести знакомство с каким-нибудь местным ребенком и попросить его полежать перед телевизором. Но всем известно, что на детей сегодня положиться совершенно невозможно, к тому же их родители имеют дурацкую привычку требовать, чтобы дети возвращались домой как раз к тому времени, когда начинается вечерний выпуск новостей — именно тогда, когда Франко помощь будет нужнее всего.

Нехотя Франко признал, что переключать каналы придется самому. Поэтому, преодолев врожденную неприязнь к умственному труду, он принялся изобретать план действий. Гениальный план, который посрамит всех его недругов. Все считало его тугодумом, а вот он возьмет и покажет им!

Первая мысль была переключать каналы пальцами ног. Но они оказались слишком толстыми и неуклюжими. Кроме того, потные ноги прилипали к кнопкам на телевизоре. Нет, нужен другой способ.

Вторая идея оказалась гениальна в своей простоте. Франко передвинул кресло поближе к экрану. Блестящее решение, но оказалось, что и оно не лишено недостатков. Даже когда он поставил кресло возле самого экрана, ему все равно приходилось наклоняться, чтобы нажимать на успевшие засалиться кнопки. Если же он ставил кресло слегка сбоку, то приходилось поворачивать голо-

ву, так что в результате начинала болеть шея. Неужели он навсегда лишился своего единственного любимого развлечения?

И все же Франко наконец нашел решение: ведь тридцать лет беспрестанного безделья сделали его в некоторых отношениях весьма изобретательным. Доковыляв до спальни, он снял с петель дверцу шифоньера. Затем установил дверцу так, чтобы экран отражался в зеркале на ее внутренней стороне, а сам уселся рядом с телевизором, в восторге от собственной гениальности.

К тому же теперь динамики телевизора оказались обращены прямо к его здоровому уху, а экран в зеркале, которое оказалось слегка выпуклым, выглядел на все семьдесят сантиметров. Замечательно. Эх, если бы еще и в сортир самому не ходить...

А всё эти чертовы бабы Финн — мать и дочь. Померли, нахалки! Обе в один и тот же год. Бывает же такое! И как прикажете мужчине ухаживать за собой, если рядом нет ни одной женщины?

Франко, в сущности, переживал не их смерть. Как человеческие существа они были ему совершенно безразличны. Но они ухаживали за ним. Младшая, правда, ухаживала плохо. Хамила в основном. Но вот ее мамаша... Как она готовила! И все время хлопотала по хозяйству. Двенадцать часов за прилавком в магазине видео и сразу же домой, готовить обед. И не какую-нибудь дрянь, разогретую в микроволновке, — настоящий обед, сделанный из настоящих продуктов. Франко все-

гда настаивал на этом. Затем она куда-то побежала и попала под такси. И это в тот самый момент, когда у Франко начала побаливать спина. Какая бесчувственность с ее стороны!

Ноу-хау Франко не произвело на ВЕНИКа особенного впечатления.

— Я полагал, что на низшей ступени эволюции находитесь вы, — сухо прокомментировал он, обращаясь к Отрыжке. — Теперь я вижу, что заблуждался.

— Тяв, — сказал Отрыжка, который так до конца и не оправился от столкновения с чистой добродетелью. Складывалось ощущение, что человеческие гены в его организме полностью выгорели, уступив место собачьим.

— Ну и лачуга, — брезгливо процедил ВЕНИК. — Я примерно так себе и представлял, э-э-э... ваши места обитания.

— Заткнись! — тьякнул Отрыжка, с трудом подавив желание разорвать голограмму в пиксели. — Скажи лучше, что мне делать.

ВЕНИК повис над креслом Франко.

— Это, — сказал он, показывая трехмерным пальцем на засаленную шевелюру Франко, — ваш последний шанс. Психологический профиль искомой души характеризуется подверженностью навязчивым идеям...

Отрыжка облизнул свои увеличившиеся клыки. Слюна из эктоплазмы капала с его нижней губы.

ВЕНИК заметил перемены, произошедшие с Душеловом. «Похоже, следует, как тут выражаются, попридержать язык», — подумал кибер, а вслух сказал:

— С очень высокой вероятностью Мэг Финн должна появиться именно здесь.

Отрывка кивнул. Похоже на правду. Мэг ненавидела Франко больше всего в жизни. Подвернись возможность, она не упустит случая свести с ним счеты.

— Итак, что мы будем делать?

ВЕНИК презрительно скривил свои электронные губы.

— Мы будем ждать. Ждать и по возможности не обращать внимания на запах.

— Хи-хи, — сказал Лоури. — Хи-хи-ха-ха!

— Ты пьян! — хихикнула в ответ Мэг.

Она хихикала радостно. Ведь с тех пор, как взорвался газгольдер, у нее не было особенных поводов для смеха.

— Нет-нет, — ответил Лоури, пьяно помахав пальцем. — Я не пьян. Я — навеселе, а это совсем другое дело.

Они снова ехали поездом. Но на этот раз на север, к Дублину. Пассажиры садились поодаль от Лоури, заметив, что старик явно выпил. От него пахло спиртным, он разговаривал сам с собой — какие тут могут быть сомнения?

Стоит ли объяснять, что Лоури так и не воспользовался сверхъестественными возможностями Мэг для того, чтобы побить Рейки. Напротив, полностью позабыв о существовании Мэг, они, вместе со старым школьным приятелем осилили чуть ли не полбутылки бренди. Они расстались лучшими друзьями, пообещав друг другу встретиться вновь в ближайшем будущем. На трезвую голову Лоури никогда не стал бы давать подобного обещания. Иначе он бы вспомнил, что может его и не сдержать.

— Так, выходит, мы сэкономили одно Желание! — воскликнула Мэг.

— А? — переспросил Лоури.

Он хотел сказать: «Что ты имеешь в виду?» — но язык плохо его слушался.

— Смотри, я никому не врезала, значит, одно Желание осталось у нас в запасе.

— Верно — «Одно желание в запасе» — это так походило на строчку из песни, что Лоури запел: — У нас одно Желание в запасеееееее...

На этот раз Мэг не засмеялась. Ее осенило.

— Можно, тогда ты исполнишь мое желание?

— Что?

— Отдай мне твое желание. Я хочу, чтобы ты кое-кому врезал по морде.

Лоури лукаво прищурил глаза.

— Я знаю, — изрек он, показав пальцем на Мэг. — Я знаю, что ты собираешься сделать.

— Правда, что ли?

— Еще бы. Конечно. Ты хочешь хорошенько стукнуть Франко.

— Ладно, ты угадал. Ну, так как насчет этого?

— Валяй. Врежь ему. Я не буду тебе мешать.

Мэг насупилась:

— Ничего не выйдет. Я уже попробовала ходить одна и выяснила, что могу перемещаться только вместе с тобой.

Лоури задумался. Вернее, он попытался задуматься, несмотря на окутавший его мозг пьяный туман. Наконец он пришел к решению.

— Ладно, — объявил он. — Но при одном условии...

— Это при каком же? — спросила Мэг, хотя она уже прекрасно понимала, о чем пойдет речь.

— Я хочу знать, что он такого натворил, — сказал Лоури неожиданно трезвым голосом. — Я хочу знать, что он такого сделал, что ты обошлась с ним таким образом.

Мэг вздохнула. Она не хотела никому рассказывать об этом. Ни одной живой душе.

— Я не могу, — выдавила она наконец. — Честное слово, не могу.

— А ты мне покажи, — сказал Лоури, постучав пальцем по черепу.

Мэг прикусила губу.

— Можно попробовать, — сказала она. — Но с твоим слабым сердцем...

— Ничего, рискнем.

— Ладно. Только не гоняйся за мной с кулаками на том свете, если у тебя случится сердечный приступ.

Лоури слабо улыбнулся:

— Обещаю, что не буду.

Мэг закатала рукав куртки и засунула руку в ухо к Лоури.

Старик хихикнул:

— Щекотно!

— Немедленно перестань ёрзать! А не то я тебе случайно что-нибудь испорчу в голове!

Лоури немедленно перестал ерзать.

— Ага, похоже, нашла!

Лоури побледнел. За ним по пятам гналась толпа регбистов в девчачьих фуфайках.

— Ой, не то, не то!

Мэг закрыла глаза и сосредоточилась. «Думай о том самом дне! — приказала она себе. — Вспомни все. Тебе снова двенадцать лет плюс еще один день. Ты оставалась на улице столько, сколько смогла, но там было холодно, а так хотелось есть и было некуда больше пойти...»

Я помню, как я сидела часами в магазине «Видео для всех» и смотрела фильмы на огромном экране. Когда вечером повалили покупатели, Триш попросила меня уйти. Ненавязчиво, правда, — ведь она знала Франко и прекрасно понимала, что меня ждет дома.

— Прости, Мэгги, — сказала она. — У нас тут такие порядки. Босс может заявиться каждую минуту с проверкой.

Я соскочила с подоконника. К тому же у меня все равно попа окаменела от того, что я так долго там сидела.

— Ничего, Триш. Спасибо тебе за «Стар Трек» — я этой серии еще не видела.

— Приходи позже. Я буду здесь до двенадцати.

— Может быть. Все зависит сама знаешь от кого.

Триш покачала головой:

— Представляю себе, что бы я сделала с этим типом на твоём месте.

Я кивнула:

— Ты знаешь, именно это я и собираюсь сделать.

Я застегнула куртку до самого подбородка и вышла на улицу. Дул холодный ветер, но в городе было полно людей: они выскакивали из машин и вбегали в закусочные. Мамы с детьми гуляли по улицам так же, как моя мама когда-то гуляла со мной. Вообще все вокруг почему-то напоминало мне о маме. Я шла по улице, и мне было не так уж и плохо, но на каждом шагу какие-то воспоминания, связанные с мамой, возникали в моей голове. Их могло вызвать что угодно — чей-то джемпер, похожий на ее, или легкий запах жасмина, ее любимый запах.

Я сделала очень злое лицо, чтобы никто и подойти ко мне не посмел. В нашем районе только с

таким лицом и можно ходить, иначе по пути домой к тебе обязательно пристанет какая-нибудь шпана. Один парень однажды попытался ко мне пристать, и тогда я брызнула чернилами на его новенький спортивный костюм. Он заревел как маленький и убежал домой. Парни здесь очень волнуются насчет своей внешности. Трудно строить из себя крутого, когда ты весь с головы до ног покрыт синими кляксами. С тех пор я всегда держала в кармане маркер поярче — просто на всякий случай.

Я гуляла очень долго, несмотря не ветер, который пронизывал меня до самых костей. Я могла бы срезать путь через парк, мимо качелей, но не стала. Во-первых, потому что там терлось много моих сверстников, гулявших парочками, а мальчишкам только и дай выпендриться перед девчонками. А во-вторых, потому что чем скорее я окажусь дома, тем дольше мне придется смотреть на мерзкую сальную физиономию Франко.

Дом был в жутком состоянии, хотя прошло всего четыре месяца. Ты скажешь, что за такое время довести дом до такого состояния невозможно, но — клянусь — у нас по стенам уже поползли зеленые разводы плесени. Из трещин в подоконниках росла трава, и калитка болталась на сломанных петлях. Разумеется, будь мама жива, она не потерпела бы этого. Мы бы закатали рукава и привели дом в полный порядок. Но в те времена дом

номер сорок семь и выглядел как человеческое жильё. Теперь он выглядел совсем иначе.

Маме вообще не везло с мужчинами. Сначала — мой папаша, растворившийся среди лондонских улиц, как только над ним замаячило бремя ответственности. Затем Франко — пожалуй, одна из самых бесполезных тварей, которые когда-либо пролеживали диван. Я почувствовала, как мурашки побежали у меня по спине от одной мысли об этом человеке. Я ничего не могла с собой поделать...

Я научилась открывать входную дверь без ключа. Надо было навалиться на нее плечом в правильной точке. Дверную раму так сильно перекосило, что язычок замка легко выскальзывал из прорези. Разумеется, Франко об этом и не подозревал и молотил кулаком в дверь каждый раз, когда забывал ключи. Но зато я всегда могла проникнуть в дом незамеченной.

Я легко нажала на дверь. Как всегда, из гостиной доносились звуки включенного телевизора. Я никогда не заходила туда, даже если показывали что-нибудь, что мне и самой хотелось посмотреть. Отныне это была комната Франко, и только он один имел на нее право. Впрочем, лучше было совсем не смотреть телевизор, только бы не видеть его противную рожу.

Теперь предстояло подняться по лестнице. Ступеньки были ужасно скрипучими, так что мне приходилось просовывать ступни в промежутки

между перилами и взбираться боком, как краб. Не слишком удобно, зато бесшумно.

Наконец я пересекла на цыпочках лестничную площадку и очутилась у себя в комнате. Тут я была в полной безопасности. Франко мог сколько угодно бушевать и орать, но он ни за что бы не оторвал свою жирную задницу ради того, чтобы подняться ко мне на второй этаж. На такое усилие он был просто не способен.

Мне стыдно в этом признаться, но и мою комнату нельзя было назвать образцом чистоты и порядка. Мама поморщилась бы, увидев ее. Она не стала бы терпеть такого безобразия. Но мамы больше не было. Она умерла. Ее сбил на переходе задремавший за рулем таксист, мчавшийся на третьей скорости.

Мой школьный ранец лежал в углу — там, куда я его швырнула сегодня днем. Внутри, словно взведенный капкан, лежало поджидавшее меня домашнее задание. Я, конечно же, не собиралась садиться за него. Не имело смысла даже делать вид — и мне самой, и всем кругом давно было наплевать, как я учусь...

Я решила снова пойти на улицу. Может быть, я проведу весь вечер в городе. Вскочу на автобус, идущий к супермаркету, и попаду в кино на поздний сеанс.

Свои деньги я спрятала в надежном месте. Как и остальные мои сокровища. Мне пришло в голову, что если уж существует место, куда Франко ни-

когда в жизни не сунется, так это книжная полка. Поэтому я сложила все, что представляло для меня ценность, в коробку от трехтомника «Властелина колец».

Я перевернула картонку и высыпала мой клад на незаправленную постель. Я не заправляла ее уже два месяца. Если бы мама была жива, она бы мне голову за это открутила.

В коробке лежал браслет, сплетенный из шнурков для обуви, который мне подарила в четвертом классе Джерри Фарелл. Еще почетная грамота за лучшее сочинение на тему «Киты — наши друзья» и высохшая морская звезда, которую я нашла на пляже в Курракло. И мамино обручальное кольцо — она обещала мне подарить его в один прекрасный день, и оно теперь действительно стало моим. Слишком рано.

Я нахмурилась. А где кольцо? Может, закатилось в угол коробки. Зацепилось за складку картона. Я пошарила рукой внутри. Ничего. А мои деньги? Две бумажки по пятьдесят фунтов? Их тоже не было. Я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой и сдавило горло. Франко!

Я сбежала вниз по лестнице на такой скорости, что врзалась в стенку. Франко сидел перед телевизором, как обычно окруженный облаком дыма.

— Куда ты его девал? — закричала я в полной панике.

Он даже глаз не оторвал от экрана.

— Ты про что? — спросил он сердито, потому что я помешала ему смотреть передачу.

— Кольцо! — воскликнула я, показывая на то место на пальце, где ему полагалось быть. — Мамино кольцо.

Франко жевал фильтр сигареты, подыскивая ответ.

— А, бриллиантовое кольцо? Ты о нем?

— Да! — закричала я, срываясь на визг. — О нем!

Франко раздавил окурок в полной до краев пепельнице.

— Разве ты не знаешь, что твоя мама хотела, чтобы это кольцо осталось мне?

Я даже не смогла ничего возразить ему. У меня дыхание перехватило.

— Ну вот... Так я взял его и продал.

Очень простая фраза. Но по какой-то причине до меня не сразу дошел ее смысл.

— Ты продал кольцо?

Франко медленно кивнул:

— Да, идиотка. Я его продал. А ты что думала? Что ты будешь вечно прятать его от меня в этой коробке?

— Но... — начала заикаться я. — Но... но...

— Но, но, — передразнил меня Франко. — Что это с тобой? В эти самые, в рэпперы подалась? Слушай. Я продал кольцо. Ясно? И не хлюпай носом. А теперь вали отсюда и не мешай мне смотреть новый телевизор.

У меня заклинило мозги. Я пыталась осознать то, что он мне сказал, но никак не могла. Только одно отразилось в моем сознании: новый телевизор.

Вот он стоит посреди гостиной. Свет от экрана с трудом пробивается сквозь густой сигаретный дым. Матово-черный и грозный ящик.

— Правда, класс? — спросил Франко с нежностью в голосе. — У него есть «долби-сарраунд» и телетекст. Последнее слово техники. Просто прелесть.

Я почувствовала себя, как персонаж мультфильма, по голове которого проехал паровой каток. Он продал мамино кольцо, чтобы купить вот это?

— Это все, что у меня есть, — сказала я сквозь сжатые зубы, изо всех сил стараясь не заплакать. — Все, что у меня было.

— Да, да, я в курсе, — сказал Франко, отмахнувшись от моих слов.

— И ты продал его. Чтобы купить вот это.

— Ого, до нее, похоже, наконец дошло! — захохотал Франко. Смех его был похож на кваканье лягушки в пустой бочке.

Телевизор стоял посреди комнаты. Плоский экран, динамики. Единственный раз в жизни я испытывала ненависть к неодушевленной вещи. Я кинулась на него. Точнее, попыталась кинуться. Прежде чем я успела хоть что-то сделать, Франко схватил меня за шиворот и прижал к стене. Я и не предполагала, что он способен на такое проворство.

— А вот этого, маленькая мисс, ты сделать не посмеешь, — сказал он и сердито сверкнул глазами из-под тяжелых век.

— Отпусти, ты не имеешь права, — пробормотала я, отворачиваясь в сторону, чтобы не чувствовать на себе его мерзкое дыхание.

Франко расхохотался.

— Не имею права? Кто это тут у нас о правах рассуждает? Ты у меня под опекой — следовательно, это ты не имеешь никакого права. Ты несовершеннолетняя, к тому же известная правонарушительница. Ты ничтожество. Нет, меньше, чем ничтожество. Люди меня жалеют. «Вот бедняга! — говорят они. — Пытается в одиночку воспитывать эту оторву! Да он святой! Просто мученик!»

Я зажмурила глаза и закрыла рот, пытаюсь исчезнуть из этого мира.

— Твоя мать умерла, маленькая мисс! Умерла! Так что перестань делать вид, словно все осталось так же, как и прежде. Здесь больше никто не будет носиться с тобой, как с принцессой. Ты у меня будешь по струнке ходить! Я заставлю тебя уважать меня. Иначе мне придется привести тебя в чувство тем же способом, что и твою драгоценную мамашу со всеми ее бесценными флакончиками жасминовых духов!

«Тем же способом, что и твою драгоценную мамашу»? Он бил мою маму?

— Свинья! — зарыдала я. — Я до тебя доберусь. До тебя и до твоего телевизора!

Франко замер. Я посмела угрожать телевизору.

— Некоторые люди не понимают слов, — сказал он и отвесил мне пощечину. Изо всей силы. Я сползла по стенке на пол. У меня было такое ощущение, словно щеку мне прижгли раскаленным железом.

— Не смей больше никогда угрожать моему телевизору, — заорал Франко, наклоняясь, чтобы ударить меня еще раз. — Никогда, никогда, никогда!

Каждое «никогда» он сопровождал пощечиной. Я хотела встать и дать ему сдачи. Врезать изо всей силы в его жирное брюхо, чтобы он корчился на линолеуме, ловя воздух ртом. Но я не могла. Для меня он был слишком большим и сильным. Мою голову заливали волны боли.

Меня спасло то, что по телевизору кончилась рекламная пауза. Привлеченный звуками музыкальной заставки, Франко вновь воссел на свой трон. Устроившись в кресле, он обхватил ляжки руками. Я распласталась на полу, словно раздавленный паук, боясь пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимания Франко.

— Ах да, и вот еще что, — сказал он, шаря в кармане рубашки в поисках спичек. — Я начал процедуру официального удочерения. Когда она завершится, я смогу оставаться в этом доме так долго, как мне заблагорассудится, так что спешу

Глава XII

Двойная месть

У Франко имелось не так уж много увлечений и, поскольку я жила с ним в одном доме, я знала их все наперечет. Чтобы сосчитать их, хватило бы пальцев одной руки — даже таких коротких и толстых, как пальцы Франко. Но главной страстью его жизни, был, несомненно, телевизор. Он заставлял кинескоп трудиться каждый день не менее восьми часов, чтобы, забыв о действительности, погружаться в роскошный мир иллюзий. Следующей в списке стояла еда. Консервы и полуфабрикаты в основном, поскольку приготовление всякой другой неизбежно отняло бы время, безраздельно

принадлежавшее телевизору. Основу его питания составляли чипсы, шоколадки и пиццы с доставкой на дом. Все это он обильно заливал пивом. Ведь в легком подпитии было гораздо легче погружаться с головой в трясину спутникового телевидения.

Но таким Франко бывал только у себя дома. При посторонних он ничего такого себе не позволял. Выйдя за двери полученного в наследство дома, он превращался в столп общества. Слегка шаткий, но все же столп. В своих собственных глазах он выглядел чуть ли не героем. Это надо же — потерять свою ненаглядную женушку и остаться с непутевой падчерицей на руках!

Для того чтобы поддерживать в глазах окружающих эту легенду, Франко каждый понедельник вечером напяливал на себя костюм и галстук и плелся в бар «Полумесяц» на собрание «Ньюфордского общества любителей голубей». Кроме голода и необходимости сходить в туалет, только эти собрания и могли заставить Франко выбраться из своего любимого кресла. Сам Франко голубей не держал — слишком хлопотно, — но чтобы любить голубей, рассудил он, совершенно не обязательно их держать. И разве он не засмотрел до дыр взятую в клубе видеокассету?

И вот в моей голове родился план, который включал в себя телевизор и голубей. Как мне удалось придумать схему, соединившую две внешне столь далекие вещи? Замысел рождался по частям,

как это бывает, когда собираешь какую-нибудь замысловатую головоломку. Он требовал кое-каких приготовлений. В первую очередь необходимо было раздобыть видеокамеру.

Видеокамеру я позаимствовала у Отрыжки, а затем установила ее снаружи дома около окна, выходившего во двор. Мне ужасно не хотелось ничего просить у Отрыжки. Я не представляла, откуда у него взялась эта камера, к тому же он дал ее не просто так — взамен он попросил меня помочь в одном из его сомнительных предприятий. Впрочем, я все же отважилась на этот шаг. Какую бы цену мне не пришлось заплатить впоследствии, игра все равно стоила свеч.

Теперь я начала при любой удобной возможности снимать моего отчима на пленку. Я снимала, как он чешется, как проливает пиво в блюдечко с арахисом, как бродит по квартире все выходные напролет в майке и трусах. Разумеется, снимала я его только урывками, в те моменты, когда его внимание было всецело поглощено происходящим на экране. Два дня, отснятые целиком, оказались бы слишком жестоким испытанием для любого зрителя. Я сняла, как он спорит с телевизором, как засыпает перед экраном и роняет слюни себе на пузо, — короче говоря, запечатлела все самое мерзкое, что в нем только было. Но этого мне было мало — по крайней мере, после того, что он сделал.

Затем я перешла ко второму пункту. К спровоцированным ситуациям. В пятницу вечером я установила камеру за окном и вошла в гостиную.

— Привет, Пузан, — сказала я. — Десятку мне не одолжишь?

Франко очнулся от полудремы. Полоска высохшей слюны пересекала его подбородок.

— Что?

— Десятку одолжишь? Десять фунтов, понял? Или ты совсем отупел?

Франко нахмурился. И как только эта дрянь смеет его поучать?

— Следи за выражениями, маленькая мисс! А не то как встану с кресла!

Я засмеялась. Саркастически.

— Встанешь с кресла? Ты? Ой, не смей меня!

Франко попытался издать недоверчивый смешок, но у него вышел только сдавленный хрип. Видно было, что он вне себя от бешенства.

— Последний раз предупреждаю тебя, маленькая мисс!

— Ты меня предупреждаешь? Предупреждай черепаху, а меня тебе все равно не поймать!

Франко, с трудом поднимая брюхо, вывалился из кресла. Я не стала уворачиваться. Зачем? Это вовсе не входило в мои расчеты. Мой отчим ударил меня в плечо — ударил больно, костяшками пальцев. Притворяться не пришлось — я закричала от самой настоящей боли.

— Я раньше в футбол играл, поняла! — самодовольно заявил Франко, задетый за живое фразой насчет черепахи. — Именно тогда меня и прозвали так. «Франкоoooooooo!» — кричали трибуны, когда я забивал гол. А случилось это, скажу я тебе, частенько.

Я утерла слезы изодранным рукавом школьной формы. Болтай, толстяк, болтай все, что тебе вздумается. Мой фильм близился к завершению. Оставалось снять одну, последнюю сцену.

Обычно по выходным Франко напивался до беспамятства. Он считал, что заслужил это, после того как всю неделю в будни тоже напивался до беспамятства. К полуночи с воскресенья на понедельник его не разбудила бы и атомная война, начнись она у него под креслом.

Поэтому я дождалась на лестничной площадке, пока стекла не начали дрожать от его храпа, после чего спустилась по лестнице в своем обычном стиле — просовывая ноги между перилами. Впрочем, все это были излишние предосторожности — Франко спал как убитый. Он сидел, как обычно, в одном нижнем белье и храпел на полной громкости. Я вытащила дымящийся сигаретный окурок, который Франко держал между пальцами, чтобы тот не ожег его и не разбудил, разрушив тем самым все мои планы.

Телевизор был включен. По нему показывали кино, которое Франко очень нравилось, но все же не настолько, чтобы не дать ему заснуть.

Дальше начиналось самое сложное. Если бы я выключила телевизор, Франко, несомненно, проснулся бы. Я сомневаюсь, что он вообще мог спать без этого постоянного шума, доносившегося из идиотского ящика. Но я все продумала заранее.

Старый телевизор по-прежнему стоял в углу, наполовину похороненный под слоем коробок от гамбургеров и сигарет. Я подтащила его по линолеуму поближе и воткнула вилку в двойник. Теперь мне оставалось только переткнуть антенну из одного гнезда в другое, и все будет в полном порядке. Раздалось короткое шипенье, а затем из динамиков старого телевизора полилась та же самая звуковая дорожка, только в моноварианте.

Я поспешно отключила новый ящик и выкатила его через заднюю дверь во двор. К счастью, он был на колесиках, так что дотащить его до сарая оказалась совсем несложным делом. Камера была уже установлена. Все, что мне требовалось теперь — это кувалда.

Я помню, как я, скрючившись, сидела на карнизе, ожидая, когда Франко проснется. Смешинки щекотали мне горло изнутри, словно забравшиеся за пазуху хомячки. Наверное, страх и истерика очень друг на друга похожи.

Просыпался Франко непросто. На пробуждение у него иногда уходило по несколько часов. Иногда он приходил в себя ненадолго, чтобы почесаться или быстро сбегать в сортир, после чего вновь ложился в кресло вздремнуть. Я заранее выключила в доме отопление, чтобы он проснулся быстрее.

В девять часов утра его веки затрепетали. Мясистая лапа начала шарить по креслу в поисках курева. Найдя коробку, Франко засунул сигарету в угол рта и прикурил ее. Все это он проделал с закрытыми глазами.

Затем он провел языком по верхним зубам и поморщился. Вкус вчерашней еды и пива. Надо опохмелиться.

Франко потерял глаза ладонями. Кровавые искры заплясали перед его взором. Он чувствовал себя отвратительно. Я знала, что последует дальше. Скоро он впадет в злобное настроение и станет винить весь мир в своем похмелье.

И тут он замер. Что-то было не так. Не на месте. Он начал осматриваться. Он сидел в кресле. Курил сигарету. Смотрел...

Франко подпрыгнул в кресле. Боже! На лице его отразилось изумление и недоумение. Что случилось? Где его новый телевизор? Исчез!

Я сняла его лицо крупным планом, надеясь, что на глаза у него навернутся слезы. Я не ошиблась в своих ожиданиях.

Франко рухнул на колени перед своим старым телевизором. На видеомагнитофоне лежала кас-

сета, к которой сверху была приклеена записка. Франко прочитал: «Включи меня».

Трясущимися пальцами он вставил кассету в видеомэгнитофон. После непродолжительного шипения в кадре появились два объекта: я и телевизор.

— Нееееет!

Это слово сорвалось с губ Франко с таким звуком, с каким последний воздух вытекает из воздушного шарика.

Я не могла слышать сквозь стекло своих слов, но я прекрасно знала, что говорила на записи.

— Дорогой отчим! Поскольку ты купил этот телевизор, продав мое кольцо, я считаю, что по закону он принадлежит мне. Поэтому *по закону* я имею право делать с ним все, что захочу. Могу сидеть и смотреть по нему «Гленроу». Или могу поступить с ним вот так вот!

Затем мое изображение на экране извлекло откуда-то из-за кадра кувалду с длинной ручкой.

Франко засунул в рот кончики пальцев. Он выглядел как живое воплощение ужаса.

— Нет, маленькая дрянь, только не это!

Даже если мне настоящей и стало его на какой-то миг жалко, мое телевизионное «я» без малейших колебаний смачно врезало кувалдой по телевизору. Было видно, что оно делает это от души, совершенно позабыв про камеру. На это было даже несколько неприятно смотреть. Франко вздрагивал от каждого удара.

— Прекрати! Прошу тебя, прекрати! Я дам тебе все, что ты попросишь!

Он обнимал экран, слезы капали у него с кончика носа. У него был ужасно жалкий вид. А ведь этот человек и слезинки не пролил на похоронах моей матери. Теперь же он рыдал над трупом телевизора.

В конце концов Франко распростерся на полу, заткнув уши руками, чтобы не слышать ударов. От телевизора к тому времени не осталось ничего, кроме груды осколков и искореженного металла. А мое телевизионное изображение торжествовало победу.

Стоит ли говорить, что весь остаток дня я старалась не попадаться ему на глаза, так что я могу только догадываться, как Франко удалось дожить до собрания «Общества любителей голубей». Может быть, мысль об этом собрании и дала ему силы дотянуть до вечера.

Когда я прибыла на собрание, он уже полностью взял себя в руки и выглядел так, как обычно выглядел на людях, если не считать слегка дикого выражения глаз. Члены клуба расселись в зале бара «Полумесяц» перед большим экраном, на котором они собрались просматривать съемки последних соревнований.

Я досчитала до трех и распахнула двойные двери. Первым импульсом Франко было кинуться на меня, но он не мог себе этого позволить. По край-

ней мере, пока вопрос с удочерением не будет окончательно решен. Новый телевизор купить нетрудно. А вот дом за здорово живешь не купишь.

— Что такое, Мэг? — процедил он сквозь зубы. — Почему ты не в постели? Тебе завтра в школу.

— Я принесла кассету, которую ты хотел показать на собрании, дядя Франко, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Ты забыл ее дома.

Франко моргнул:

— Какую кассету?

— Дуврский «Гран-при».

Франко заглянул в свою сумку. Кассеты там не было. Да и как она могла там быть, если я собственноручно запихала ее поглубже в наш мусорный бак. Он осторожно взял кассету из моих рук, так, словно это была бомба.

— Спасибо, девочка, — пробормотал он. — А теперь живо домой!

Я надула губки:

— Не хочу домой. Ну, дядя Франко, разреши мне остаться. Голуби — это так клево!

Лестью в этом мире можно всего добиться.

— Разреши девочке остаться, Франко! Пусть посмотрит!

— Пусть ляжет сегодня позже, председатель. От одного раза большого вреда не будет!

Что мог отчим сделать в подобной ситуации? Он не хотел выглядеть тираном в глазах своих одноклубников, хотя чувал, что здесь таится какой-то подвох.

— Ладно, Мэг, — выдавил он наконец. — Но потом нам придется серьезно побеседовать.

Абсолютно невинная фраза для кого угодно, но не для меня. Я-то знала, что он называет «серьезной беседой».

И вот они поставили кассету. Я следила словно зачарованная за тем, как видеомагнитофон с тихим урчанием медленно проглотил ее. Мой план наверняка не сработает. Что-нибудь точно помещает. Но нет: мой план не только удался — он удался великолепно.

В течение нескольких секунд в зале царило легкое замешательство, потому что даже Франко не сразу узнал себя. Затем раздался первый смешок. Он прозвучал где-то в глубине зала, вдалеке от стола, за которым сидело руководство клуба. Но за ним последовал другой смешок, уже ближе, и вскоре хохотали все.

Все, если не считать двоих. Франко. И еще меня.

Зрелище вышло комичное, хотя и жалкое. Важный тип, каким Франко хотел казаться в глазах окружающих, предстал перед всеми таким, каким раньше его знала только я. Многие голубятники радовались возможности посмеяться над своим вечно надутым от важности председателем.

Впрочем, смех резко прекратился, как только началась сцена, в которой Франко бил меня. Никому из членов клуба рукоприкладство в отношении детей смешным не казалось. Но мне не хоте-

лось, чтобы просмотр закончился на такой ноте, поэтому я позволила им сполна насладиться сценой уничтожения телевизора. К концу ее они катались от смеха в проходах между столами.

Я помню, с каким холодным удовольствием я смотрела на все это. Мне удалось уничтожить Франко дважды — на экране и в жизни. За маму и за себя. Он вылетел из бара, обливаясь слезами от стыда и унижения. На следующий день он заявил о выходе из «Ньюфордского общества любителей голубей». Письмом.

За время этого рассказа Лоури вполне протрезвел.

— Какой... — начал он, но умолк на середине фразы, поскольку дальше следовало слово, которое не полагается произносить при несовершеннолетних.

Мэг горько засмеялась:

— Не стоит скромничать. Я же все равно читаю твои мысли.

Но Лоури был слишком хорошо воспитан.

— Какой... мерзавец! — сказал он наконец.

— Я в курсе.

— И тем не менее как коварно ты ему отомстила!

Взгляд Мэг был холоден как лед.

— Не надо было бить мою маму!

Лоури кивнул. С этим не поспоришь.

— Ну, так как? — спросила Мэг.

— Ты о чем?

— О запасном Желании. Оно за мной?

Лоури поскреб подбородок. Щетина, исчезнувшая после похода в косметический салон, вновь начала пробиваться.

— Да, — наконец изрек он. — Оно за тобой. И более того: я постараюсь вложить в удар всю ту силу, что еще осталась у меня самого.

В ответ Мэг улыбнулась, но в улыбке ее не было ничего ангельского.

Отрыжка устоялся на свои поросшие шерстью лапы.

— Я таю на глазах, — проскулил он. «Проскулил» в данном случае — не фигура речи. Звуки, которые он издавал теперь, никак иначе назвать было нельзя.

ВЕНИК начал тестировать систему:

— Ваш эктокраниум получил повреждения при взрыве.

— Гав?

— Дырка в голове, — вздохнула голограмма. — Через которую происходит утечка нашей жизненной силы. Не пройдет и нескольких минут, как нам придется вернуться обратно на базу.

— И что тогда?

ВЕНИК заглянул в файлы памяти:

— Вы отправитесь в Навозную Бездну крутильщиком вертела. Я... Что будет со мной, я не знаю. Мой случай не имеет прецедентов. Но можно

предположить, что меня тоже не ожидает ничего хорошего.

— Что же нам делать? Наверное, эту твою жизненную силу можно где-нибудь стырить?

Голограмма, стрекоча, принялась рыться в адской энциклопедии, хранившейся на ее жестком диске.

— Ответ отрицательный. Дозволенных методов не существует.

В ярости Отрыжка наморщил свой мокрый нос.

— Дозволенных? Ты сказал «дозволенных»?

ВЕНИК был явно смущен, а для голограммы это — очень сложное состояние. Требуется слишком массивной перестановки пикселей.

— Есть один способ. Но он абсолютно запретный. Огромное количество непредсказуемых последствий.

— Гав?

— Могут возникнуть серьезные проблемы здесь, на Земле.

Отрыжка пожал плечами:

— И что тогда со мной за это сделают? Дальше, чем в Навозную Бездну, все равно ведь не пошлют.

— Вы правы.

Отрыжка не мог поверить собственным ушам. Наконец-то он оказался прав!

— Ну, и что же это за запретный способ такой?

ВЕНИК подлетел поближе к Франко, который по-прежнему пребывал в блаженном неведении

насчет выходцев с того света, вторгшихся в его жилище.

— Объясняю для идиотов: нам нужна дополнительная батарейка. Я просканировал сидящую перед нами форму жизни и обнаружил, что ее запас жизненной энергии составляет двадцать шесть лет.

Отрыжка облизнулся:

— Двадцать шесть лет?

— Разумеется, поскольку эта энергия пойдет на поддержание работоспособности двух существ плюс подключенной к параллельному порту голограммы, время это сократится до... двадцати шести часов. Но это все же лучше, чем ничего. Все что нам нужно — это чтобы вы вселились в него и отсосали часть его жизненной силы. Она помещается в точках, лежащих прямо за его глазами яблоками. Ярко-оранжевая. Ошибиться невозможно.

— Отлично. Начинаем, — сказал Отрыжка, а затем прибавил: — Только вот что: я хочу, чтобы он меня при этом видел.

— А это зачем?

Отрыжка развел своими мохнатыми руками, больше похожими на собачьи лапы.

— А какой смысл быть таким страшным, если никого нельзя пугануть?

ВЕНИК кивнул. Он был согласен с Отрыжкой. В конце концов, он все же был хоть и голографическим, но демоном.

Франко пребывал в паршивом настроении. Шторы были неплотно задернуты, и свет, проникавший через щель, бликовал на экране телевизора. Это мешало Франко в полной мере насладиться изображением. Но для того чтобы задернуть шторы, пришлось бы подняться с кресла. Франко решил, что это дело подождет. В конце концов, показывают-то всего-навсего новости.

И тут его посетило видение. Прямо перед ним из воздуха возникло похожее на оборотня существо. Франко не особенно испугался. Он уже некоторое время ожидал появления галлюцинаций. По научно-популярному каналу он посмотрел передачу, в которой утверждалось, что у людей, на долгое время потерявших контакт с действительностью, часто возникают фантомные видения. Франко решил, что это может оказаться развлечением не хуже телевизора.

— Привет, песик, — сказал он и протянул руку, чтобы почесать создание за ушком, но мохнатая тварь зарычала и отшвырнула протянутую руку в сторону.

В тот момент, когда их тела соприкоснулись, Франко понял все и осознал, что его ждет.

— О нет, — простонал он, цепляясь за свое бессмысленное существование.

— О да, — ехидно откликнулся Отрыжка. — Не узнаешь? Я вернулся, чтобы пожрать твою душу.

Франко закричал. Он все еще кричал, когда дьявольское создание уже проникло в его мозг и

принялось пожирать его сущность. Он продолжал кричать даже тогда, когда все, что оставалось от него, забилося в темный уголок его мозга, где его уже никто не мог слышать.

Мэг тоже таяла на глазах.

— У нас почти не осталось времени, — заметила она, помахав перед глазами Лоури своими прозрачными пальчиками. — Как я выгляжу?

— Как обычное привидение.

— Не смешно.

— Прости. Нервы пошаливают. В конце концов, не каждый день отправляешься набить кому-нибудь морду.

Мэг сжала свой прозрачный кулачок. Она молилась о том, чтобы ей хватило сил отправить своего отчима в глубокий нокаут.

— Хватит болтать, — огрызнулась она. — Я только врежу ему разок, и сразу делаем ноги.

— Не имею ничего против такого подхода.

Они уже прошли через калитку, или, вернее, через то, что когда-то было калиткой. Останки ее теперь отчасти висели на одной покосившейся петле, отчасти гнили на земле. Стены дома тоже выглядели не лучше. Штукатурка растрескалась от дикого плюща, а краска обсыпалась, обнажив голые бетонные плиты.

Лоури направился по тропинке к двери. Вернее, по тому, что показалось ему тропинкой. Было

трудно судить наверняка — двор густо затянуло сорной травой.

— Ладно. Вот мы и пришли.

Мэг набрала в легкие воздуха и вошла в голову Лоури. Это стоило ей большого усилия: видно было, что еще пара таких фокусов — и ей придется вновь отправиться в путешествие по туннелю.

Может быть, она сделала глупость, явившись сюда? Впустую потратила свои жизненные силы? Они с Лоури могли бы сейчас оказаться уже на полпути к исполнению последнего Желания, вместо того чтобы рисковать собственными бессмертными душами ради ее глупой прихоти. Но тут Мэг вспомнила, что этот тип поднял руку на ее маму, и решимость немедленно вернулась к ней.

— Давай! — скомандовала она из занимаемой ею половины мозга Лоури. — Тук-тук! Бамс! И до свиданьица! Проще простого.

Мэг протянула свои старческие, искривленные артритом пальцы к звонку. Но звонка на месте не оказалось. Там, где он был раньше, теперь только белело круглое пятно. Видно было, что Франко даже и не задумывался о ремонте. Она постучала в матовое стекло на двери и почувствовала боль в костяшках пальцев. Ощущения, которые испытывало тело Лоури, начинали брать верх над ее собственными.

— Кто-то идет к двери, — сказал Лоури, на мгновение вернув себе власть над своим голосом.

Мэг смахнула каплю пота со лба. Она нервничала так сильно, что ее волнение передавалось потовым железам старика. Она занесла кулак для удара. Как только дверь откроется — хрясть! Он никогда не догадается, кто его ударил. Возможно, это обойдется ей в несколько столетий чистилища дополнительно, но за удовольствие приходится платить.

За дверью возникла тень, очертания которой были размыты и искажены толстым стеклом с пузырями воздуха внутри. Но тем не менее тень, несомненно, принадлежала Франко. Давай, толстяк! Улыбнись и скажи «чиз»!

Дверь распахнулась, и в ее проеме появилось лицо. Мэг ударила.

И тут в промежутке между началом удара и его концом время словно замедлилось, причем настолько, что лицо успело произнести:

— Привет, Финн. Тебя-то я и поджидаю.

Это показалось Мэг забавным. Франко никогда не называл ее по фамилии. И к тому же — как он догадался, что это она? И почему изо рта у него течет слюна? Но тут ее кулак коснулся носа Франко, и тот рухнул на пол, как мешок с дерьмом.

— Отменный удар, — восхитился Лоури. — А теперь — уходим!

Но Мэг не могла уйти просто так. Она чувствовала что-то неладное. Она вошла в прихожую дома номер сорок семь, захлопнув за собой дверь.

Франко корчился на полу, поскуливая и пуская слюни.

Поскуливая? Пуская слюни? Внезапно Мэг осе-
нило. Она всмотрелась в фигуру на полу своими
собственными астральными глазами и увидела
проступавшие под лицом своего отчима звериные
черты, искаженные оскалом.

— Отрыжка! — воскликнула она.

Враг не ответил, если не считать ответом злоб-
ное рычание и плевки. Очевидно, в моменты
стресса человеческая сущность в нем подавлялась
собачьей.

— Что ты здесь делаешь?

Отрыжка поднял к ней помутившийся от боли
взгляд:

— За тобой пришел, Финн. Хозяину нужна твоя
душа.

Маленькая фигурка в белом выскочила из го-
ловы Франко и повисла в воздухе над его распро-
стертой тушей.

— Совершенно ни к чему снабжать объект цен-
ной информацией. Встаньте с пола и примитесь
за дело!

Мэг мотнула головой в сторону голограммы в
белом:

— А это что за чертовщина?

— Сделай такую милость, Финн, прихлопни его,
как комара, ради нас обоих!

БЕНИК скорчил, как умел, обиженную мину:

— И это после всего, что я для тебя сделал! Если бы не я, ты бы давно уже крутил вертел! Давай заканчивай высасывать жизненную силу и займись этой парочкой!

Отрыжка разинул пасть и принялся всасывать энергию. Яркие оранжевые разряды заструились изо лба Франко, втягиваясь в глотку демона.

— Ну и ну, — хором воскликнули Мэг и Лоури.

Франко менялся у них на глазах. По мере того как таяла его жизненная энергия, менялся его физический облик. Глубокие морщины избородили его лоб. Глаза потускнели и запали. Кожа на шее сморщилась и обвисла. Это был все тот же Франко, только внезапно постаревший на двадцать лет.

— Дело дрянь, — пробормотала Мэг. — Надо срочно что-то предпринимать.

ВЕНИК прожужжал через всю комнату и теперь завис в пяти сантиметрах от носа Лоури. Он усмехнулся (в основном для того, чтобы произвести впечатление, потому что голограммы лишены чувства юмора).

— Ничего у тебя не выйдет, Мэг Финн. А в финале ты все равно отправишься вниз вместе с нами. Мой создатель вознесется выше, чем этот глупый клоун Вельзевул, а твой старик умрет, так и знай. Ничего у тебя не выйдет. Именно так все и будет.

Мэг зарычала. В одном Отрыжка, похоже, был прав. Необходимо было прихлопнуть эту тварь,

как комара. Она схватила вазу со столика в прихожей и обрушила ее на мерцающую в воздухе голограмму. Разумеется, ваза прошла сквозь нее, не причинив ей никакого вреда, и ударила Франко прямо по макушке. Результат превзошел всякие ожидания. Когда человека бьют вазой по голове, то в ответ обычно слышится «Ой!». Ну, на худой конец, кровь потечет. В крайнем случае, произойдет сотрясение мозга. Но тут, как только содержимое вазы просыпалось на голову Франко, комнату озарила вспышка света. Порошок шипел и потрескивал на лице ее отчима, схватываясь твердой коркой, похожей на цемент. Франко визжал, а Отрыжка выл. Настолько пронзительно, что на кухне полопались стаканы и вылетели оконные стекла. Даже любимый телевизор Франко не выдержал, и его трубка разлетелась на тысячи мельчайших осколков.

Франко извивался на полу в прихожей, царапая ногтями собственное лицо, но ничего не помогало. Порошок из вазы покрыл тонким, но прочным слоем всю верхнюю половину его тела.

ВЕНИК бесстрастно взирал на происходящее с высоты:

— Гм, интересно. Весьма необычная и болезненная аллергическая реакция.

Затем голограмма принялась искать в памяти все упоминания слова «аллергия».

— Найдено одно упоминание: «Аллергия: злой дух может испытывать недомогание при сопри-

косновении с субстанцией, обладающей святостью».

Мэг подобрала осколок вазы: у ее основания была прикреплена табличка с номером. Она все поняла: это была урна из крематория с прахом ее матери.

— Мама, — прошептала она, и слеза скатилась с ее ресниц.

ВЕНИК кивнул:

— «Субстанция — пепел, например, — обладающая святостью» — да, это именно тот случай.

Мэг пнула Франко в ногу.

— Ты даже не поставил урну в стеклянный ящик!

— Он уже жалеет об этом, — заметил ВЕНИК.

Франко не мог отвечать: все его силы отнимала жуткая боль. Он дергался и дрыгался еще несколько мгновений, пока и он сам, и проникший в его тело демонический пришелец не лишились чувств.

Мэг еще разок пнула Франко по ноге.

— Туда вам и дорога обоим.

Затем она положила осколок урны в карман пиджака Лоури.

— Спасибо, мамочка, — прошептала она. — Ты опять спасла мне жизнь.

Лоури снова взял под контроль свои органы речи.

— Идем, Мэг, у нас осталось очень мало времени. Боюсь, что этот монстр не будет лежать в обмороке целую вечность.

Мэг вытерла слезы. Лоури был прав. Она чувствовала, что тает на глазах, а им еще предстояло выполнить Последнее Желание.

— Отлично, Мэгги, — скомандовала девочка сама себе голосом своей матери. — Возьми себя в руки. У тебя впереди целая вечность, чтобы наплакаться вдоволь. Покончи сначала с Желаниями! Осталось одно последнее, Четвертое!

Она ткнула пальцем в сторону ВЕНИКа:

— Слушай, если ты мне попадешься на глаза еще хоть один раз, я засуну твои паршивые линзы тебе прямо в паршивые уши.

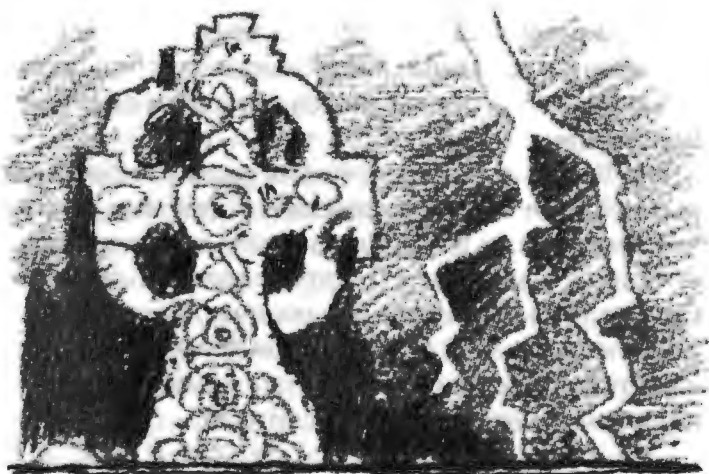
— Я? Я попадусь тебе на глаза? — самым невинным тоном воскликнул ВЕНИК. — Сомнительно. Ведь я неразрывно связан с вот этой парочкой.

Но как только Лоури повернулся к кибердемону спиной, тот испустил голубой лазерный луч, который коснулся спины старика. Прикосновение это было абсолютно безболезненным и длилось не более миллисекунды. Но эта военная хитрость могла спасти болвана, в мозг которого голограмма была вживлена, а также и ее саму от гнева Вельзевула.

После того как беглая душа и ее человеческая оболочка покинули дом, ВЕНИК перемотал видеозапись последних секунд в своей голове. Девочка обронила одну фразу. И она могла оказаться очень важной. Он перематывал ленту, пока не нашел ее. «Покончи сначала с Желаниями!» —

сказала девчонка. Гм. Интересно, о каких таких желаниях идет речь? И нет ли там зацепки, ухватившись за которую удастся затащить ее в Преисподнюю?

ВЕНИК замер. Времени для размышлений не было. Требовалось немедленно перейти в режим экономии энергии и находиться в нем, пока этот кретин, к которому его подключили, не очнется. Он моргнул еще один раз и исчез, после чего в доме номер сорок семь исчезли всякие признаки жизни, если не считать красной мигающей кнопки режима «Standby» на телевизоре.

Глава XIII

Схватка над пропастью

Лоури совсем свихнулся: он взял напрокат автомобиль.

— Надо было сделать это раньше, — рассуждал он, — тогда у нас осталось бы больше времени.

Мэг придерживалась того же мнения. Она чувствовала себя такой же недолговечной, как утренняя роса, и сила ее убывала с каждой милей. То, что сказал Отрыжка, потрясло ее. Кто такой Хозяин? И зачем ему нужна ее душа? У Мэг возникло ужасное подозрение, что она знает ответ на оба вопроса. Она чувствовала близость туннеля. Его пульсация отдавалась во всем ее теле, напоминая о пережитом.

Но вернемся к автомобилю. Это был не просто автомобиль, а целый «пежо-купе». Со сверкающими хромированными колпаками на колесах и сверкающей выхлопной трубой. В любой другой ситуации Мэг прыгала бы от восторга и нажимала бы подряд на все кнопки на приборной доске. В любой другой ситуации — но не сегодня. Сегодня ни водитель, ни пассажир не могли позволить себе лишних эмоций.

— Итак, Последнее Желание: «Плюнуть дерзко с утесов Мохерских», — с легкой дрожью в голосе сказала Мэг. — Что это вообще значит?

— Именно то и значит, — ответил Лоури, переключаясь на пятую передачу, — как в песне поется.

— В какой песне?

Лоури закатил глаза:

— Современная молодежь! «В какой песне?» Вас вообще в школе чему-нибудь учат?

— Ерунде всякой вроде чтения и арифметики. Плевательным песням точно не учат.

Тогда Лоури принялся отбивать ритм на рулевом колесе, а затем запел скрипучим голосом на дублинский манер:

Чтобы жизнь не напрасной была,
Соверши в ней такие дела —
Раз в канаве пропись,
Раз на ведьме женись, —
Чтобы жизнь не напрасной была!

четыре желания

Чтобы жизнь не прошла стороной,
Поцелуйся с чужою женой
И отважно и дерзко
Плюнь с утесов Мохерских,
Чтобы жизнь не прошла стороной!

— Ну и так далее еще сорок семь куплетов.
Спеть?

— Спасибо, не надо, — поспешно перебила его Мэг. — Я уловила. Итак, мы должны это сделать из-за какой-то допотопной песни?

— Ее пел мне мой отец, когда укладывал меня спать. Такая у него была колыбельная. Маме она не нравилась. В основном из-за строчки «*Раз на ведемь женись*».

— Кто бы сомневался.

Лоури хихикнул:

— Да, политкорректной строчку эту не назовешь. Но все, о чем шла речь в этой песне, я хоть раз сделал. И в канаве спал, и все остальное. Только вот...

— ... не плюнул дерзко с утесов Мохерских? — закончила Мэг. — И за этим я тебе понадобилась?

Лоури погладил рукой то место, где находится сердце.

— Туда еще надо взобраться. Боюсь, одному мне это не под силу.

— Значит, опять лазить будем? — буркнула Мэг. — Великолечно. Надеюсь, райское блаженство того стоит. Похоже, я должна быть вечно бла-

годарной, что твой отец не знал песен о том, как чистят унитаз, а не то нам бы и этим пришлось заняться.

Время решает все. ВЕНИК понимал это, поэтому решил помочь Отрыжке прийти в чувство. Помощь эта заключалась в разряде третьей степени, ударившем мальчикопса прямо в мохнатую задницу.

Отрыжка дернулся. Франко дернулся тоже, поскольку Отрыжка до сих пор занимал его тело. Мальчикопес с трудом присел на задние лапы.

— Тяв? — спросил он, по-прежнему ничего не соображая.

— Объект вывел из строя ваше тело-носитель при помощи святого пепла, который вызывает у злых духов вроде вас жесточайшую аллергию.

— Больно, — проскулил Отрыжка (судя по всему, разума у него уже не хватало даже на то, чтобы составлять из слов фразы). — Чешется.

— Еще бы, — сказал ВЕНИК без малейшего сострадания. — Нам надо срочно заняться делом — времени почти не осталось.

— Гав! — согласился Отрыжка.

Сделав глубокий вдох, он попытался выскользнуть из тела Франко. Бесполезно. Что-то удерживало его внутри. Он попытался снова, так что его морда вся перекосилась от усилия, но ничего не помогало.

— Застрял.

ВЕНИК пожевал свою электронную губу:

— Этого я и боялся.

— Тяв?

— Положительный заряд пепла отталкивает ваш отрицательный демонический заряд, создавая непроницаемую для вашей эктоплазмы оболочку.

— Тяв?

— Вы в ловушке. Застряли в теле смертного. Какая жалость — и это как раз тогда, когда вы из него высосали почти всю жизненную силу!

Отрыжка повертел перед глазами пальцы своего нового тела. Они оказались желтыми и морщинистыми. Франко состарился разом на тридцать лет. А ведь он и в свои тридцать пять уже выглядел плоховато.

— Застрял? Нееееет!

— Дааааа! — передразнил ВЕНИК мальчикопса. — Очнись, идиот! Наша задача остается прежней. Найти старика. Помешать девчонке. Ничего не изменилось. Как только мы победим, ты снова станешь самым собой. Или, вернее, самими собой.

Отрыжка извлек кусок какой-то заплесневелой снеди из кармана халата Франко и отправил ее в рот.

— Еда, — проорчал он. — Хорошо.

ВЕНИК закатил глаза в возмущении:

— О Сатана! У нас сейчас есть дела важнее, чем жрать всякую дрянь! Наши силы убывают с каждой минутой.

Отрыжка сосредоточился на мгновение, пытается связать слова между собой:

— Мэг ушла. Не знаем куда. Слишком поздно.

— Вот тут-то ты ошибаешься, болваннейший из болванов! Я принял меры на этот счет.

У Отрыжки от боли раскалывалась голова. Он не знал, что тому виной: дырка в черепе или постоянные оскорбления, которыми его осыпала голограмма.

— Какие... меры?

ВЕНИК тут же не упустил случая прочитать лекцию.

— Эктолинк и справочная программа поставляются в комплекте с лазерным устройством для трехмерного сканирования. Это самая последняя модель, которая не поступила в продажу даже в Японии по причине побочного вредного воздействия на человеческую кожу. Так что перед тем, как старик ушел, я просканировал его. На основе полученных данных я теперь могу рассчитать тридцать шесть трехмерных моделей. Может быть, это поможет нам кое-что выяснить.

— Гав, — сказал Отрыжка.

Голограмма мигнула, и в воздухе перед ней возникла компьютерная реконструкция Лоури Маккола, представлявшая собой матрицу, образованную точками, соединенными зелеными светящимися линиями.

— На настоящего не очень-то похоже, — буркнул Отрыжка.

— Программа работает в режиме с минимальным объемом памяти: это все, что мне удалось выжать из твоего мозга, — парировала голограмма. — Можно улучшить рендеринг, но тогда вы потеряете сознание. Итак, Финн упомянула какие-то Желания...

ВЕНИК повернул в воздухе лазерную модель Лоури.

— Сейчас я приведу в действие плагин, который дает рентгеновское изображение. Он использует около сотни мегабайт, так что у тебя может слегка закружиться голова...

Как обычно, ВЕНИК позабыл про то, что только киберы не испытывают боли. Отрыжка мешком свалился на пол и забился в конвульсиях, бешено вращая глазами. Одежда на висевшем в воздухе изображении Лоури стала вдруг прозрачной, а содержимое его карманов — видимым.

— Нагрудный карман. Увеличить, — приказал ВЕНИК.

Нагрудный карман Лоури увеличился до размера листа бумаги формата А4.

— Что у него там внутри?

Отрыжка не отвечал: он в это время пытался сбить пламя, охватившее его волосы (точнее, волосы Франко).

— Координаты X1, Y3, Z4. Увеличить и показать развертку.

Теперь в воздухе парил один только список. Он вырос до размеров стены и разгладился.

— Невероятно. Основываясь на следах чернил, просочившихся на обратную сторону листка, программа идеально восстановила исходный текст.

«Обалдеть!» — съязвил бы, возможно, Отрыжка, если был бы в состоянии язвить, а не пускал пузыри, корчась на полу от жуткой боли.

— По всей видимости, список. Список Желаний, если я не ошибаюсь. Распространенное явление среди лиц с прискорбно коротким сроком эксплуатации. Удивительно, что вы не удостоились составить ничего в этом роде.

Отрыжка чувствовал себя так, словно по его мозгам проехали асфальтовым катком. Спрашивается, чем это лучше, чем крутить вертел?

ВЕНИК провел пальцем по списку. «Последнее Желание», — сказала Финн. Значит, в самом низу...

— Плюнуть дерзко с утесов Мохерских? Что это такое? Кому в здравом уме может прийти такое в голову?

ВЕНИК вышел из программы сканирования.

— Впрочем, эти ирландцы — странный народ. Плеваться с утесов — это вполне в их духе.

Он обратил свой взор к дрожащей массе на полу.

— Мохерские утесы — это где?

Отрыжка пошарил в том, что еще оставалось от его серого вещества после того, как в нем похозяйничал ВЕНИК. Мохерские утесы. Знакомое название.

— Школьная экскурсия, — прохрипел он.

— Достаточно, — вздохнул ВЕНИК. — Листаю файлы вашей памяти. Картинки объяснят гораздо больше, нежели ваш ограниченный лексикон.

Голограмма ненадолго замолкла, роясь в воспоминаниях Отрыжки. Впрочем, последний был этому только рад.

— Утесы обнаружены, — сообщил ВЕНИК (слишком быстро, на взгляд Отрыжки). — Западный берег Ирландии. В области, именуемой графство Клэр.

— Точно, — сказал Отрыжка. — Графство Клэр.

— Разумеется, точно, болван. Ваша память мне это и сообщила. Если бы вы стали спорить, то спорили бы с самим собой.

Отрыжка отважился недовольно рыкнуть. Как только они снова окажутся в аду, он уж позаботится о том, чтобы этот мерзкий электронный карлик ответил за все.

— Ну, и что мы теперь будем делать? Перелетим через всю страну?

— Нет, кретин. Вы что, забыли, что застряли в человеческом теле? Придется воспользоваться наземным транспортом. У этого смертного есть машина?

Отрыжка усмехнулся:

— У Франко? Шутишь? Да он дальше сортира никогда не путешествовал.

ВЕНИК моргнул:

— Тогда мы должны раздобыть транспортное средство.

— Раздобыть?

— Да. Раздобыть.

Риссол О'Махони гонял по окрестностям на своей «хонде-голдуинг». Он никуда не спешил. Просто хотелось, чтобы окрестные парни полопались от зависти, глядя на его черный как ночь мотоцикл. Он мог себе это позволить: ведь он был самым крутым парнем в городе. Никто, кроме него, не решился бы оставить перед домом мотоцикл ценой в пять тысяч фунтов. А он спокойно мог — кто бы рискнул его хоть пальцем тронуть? Никто, кому жизнь дорога, — это уж точно. Даже птицы боялись Риссола и не рисковали гадить на его «хонду».

Моросил дождь. Ожидается гроза — так сказал чувак, который читает прогноз погоды по телику. Поэтому Риссол решил отправиться домой и поставить мотоцикл под навес. Осторожность не повредит. Особенно с этими нынешними кислотными дождями.

Он газанул чуть-чуть сильнее, чем нужно, положив «хонду» в крутой вираж. И тут увидел Франко Келли, который стоял прямо у него на пути. В домашнем халате и тапочках! Волосы его слиплись от дождя, а намокшая куртка туго обтягивала большое брюхо.

Риссол переключился на нейтральную передачу и подкатил к соседу.

— Салют, Франко... — начал было он, но тут же осекся.

Перед ним, несомненно, стоял Франко, но казалось, что он постарел за ночь лет на тридцать.

— Срочно завязывай пить и начинай заниматься спортом, — посоветовал Риссол. — А то выглядишь, как тень твоего отца.

Риссол усмехнулся. Тень твоего отца. Жестко и остроумно. Отлично сказано.

Франко не оценил юмора.

— Слазь с мотоцикла! — рявкнул он.

Слюна и дождевая вода струились по его подбородку. Слюна могла бы навести Риссола на мысль, что дело неладно, но он был слишком занят демонстрацией собственной крутизны.

— Что ты сказал, Франко?

И тут существо, внешне похожее на его соседа, прорычало — да-да, именно прорычало:

— Я не Франко и я сказал, чтобы ты слазил с мотоцикла!

Риссол вздохнул. Он предоставил человеку шанс. Был с ним вежлив и обходителен. А тот сам нарывался на драку.

— Послушай, Келли... — начал он, надавив ногой на подставку мотоцикла. Но больше ему не удалось произнести ни слова, если не считать «Аааааааааа!», но ведь это восклицание трудно назвать словом.

А закричал он «Аааааааааа!», потому что Франко вцепился ему зубами в запястье. Ухватившись

за складку кожи, он трепал ее в пасти, пока не оторвал здоровый клок.

Риссол упал на гудрон, скрипя зубами от боли. Он участвовал в сотнях пьяных драк, но такое с ним случилось впервые. Его противник вел себя как зверь. Как животное.

— Остынь, Франко, — растерянно пробормотал он, прижав к груди укушенную руку. — В чем проблема?

Отрыжка присел на корточки рядом с Риссомлом. Он чувал страх противника. И это ему нравилось.

— Никакой проблемы, — буркнул он. — Мне просто нужен твой мотоцикл.

Риссол открыл рот, чтобы возразить, но тут заметил струйку крови в уголке рта Франко.

— Ладно. Возьми его. Возьми.

Отрыжка кивнул, весьма довольный тем, что навел на противника такой ужас.

— И вот еще что, — сказал он, выплюнув на землю откушенный кусок кожи.

— Да. Бери все. Что тебе нужно? Бери все, что хочешь.

Отрыжка прикоснулся к рукаву кожаной мотоциклетной куртки Риссола.

— Скидывай шмотки. Все.

Флита, туннельного трубочиста, вызвали на ковер к начальству. В настоящий момент он испытывал ужасную неловкость, сидя перед такой важной

шишкой, как святой Петр, в одной черной от копоти поношенной набедренной повязке, и глупо улыбался.

— Итак, — протянул Петр, вызывая файл с данными Флита на свой монитор. — Скажи мне, что ты исправился.

Флит с энтузиазмом закивал головой:

— Флит исправляться. Сильно исправляться. Совсем другой Флит теперь.

Петр вздохнул:

— Что-то не верится, Флит. Постарайся убедить меня.

Многие поговаривали у Петра за спиной, что тот слишком часто смотрел по своему монитору ток-шоу из мира смертных и начал постепенно усваивать замашки социолога-любителя.

— Флит работать, не спать. Сутки напролет. Работать, работать, работать. Никогда не лизать душевные угольки, как другие. Как Кранк.

— Понятно. Но раскаялся ли ты в своих преступлениях? Жалеешь ли ты о содеянном, Флит?

У Флита из уголка глаза скатилась аквамариновая слеза.

— О да. Раскаяться совсем. Плакать все время. Когда не работать, работать, работать. Бедные, бедные люди. Как мог Флит брать их деньги? Плохой Флит, плохой!

И чтобы продемонстрировать раскаяние, Флит шлепнул себя по руке — впрочем, не очень сильно.

— Гм, — промышчал Петр с сомнением. — Ты, конечно, вроде бы наполнил все двести корзин. Но прежде чем я дарю тебе вечное блаженство, я хотел бы спросить тебя кое о чем.

Он наклонился к Флиту так, что чуть не коснулся кончика его носа своим.

— И помни: если ты мне солжешь, то тебе придется начать все сначала.

Кадык трубочиста задержался от волнения:

— Флит помнить. Лгать плохо.

Петр откинулся на спинку стула:

— Отлично. Итак, если бы ты явился к воротам и заметил, что их никто не сторожит, прокрался бы ты внутрь?

Флит сплел свои костлявые пальцы. Лгать было бесполезно. Петр учуял бы ложь сквозь поры его голубой кожи.

— Да! — вскричал он в отчаянии. — Флит прокрасться. Прокрасться внутрь. Тихо-тихо. Плохо, но правда.

Лицо святого Петра оставалось непроницаемым, как у игрока в покер.

— Гм, — промышчал он, протягивая палец к кнопке с надписью «Лимб». — Не знаю, что и делать. Да, ты сказал правду, но это оказалась плохая правда. Если бы ты, например, кому-нибудь бескорыстно помог...

Флит напряг свою безмозглую голову. Помогал ли он кому-нибудь за время, прошедшее с момента последней беседы с Петром? Он был в

туннеле, а в туннеле никто не задерживается так долго, чтобы ему можно было хоть чем-нибудь помочь. У Флита вдруг перехватило дыхание. Никто, кроме...

— Святой привратник! — вскричал он. — Не надо нажимать кнопка! Не надо давить рычаг! Флит помогать. Флит помогать девочка.

Что-то в тоне трубочиста заставило Петра поменять свое намерение. Он не стал нажимать кнопку.

— Флит помог девочке? Что за девочка?

«Пежо-купе» мчался на запад, пожирая дорогу милю за милей. Снаружи, за аэродинамическими обводами автомобиля природа находилась в тревожном смятении: с неба моросило, а черное подбрюшье грозowych туч время от времени распарывали яркие молнии. Зрелище, прямо скажем, драматическое.

А внутри машины было тихо! Скоро все так или иначе кончится, и вопрос сводится только к тому, кто отправится в туннель первым. И куда его понесет на развилке: вверх или вниз.

Сердце Лоури билось из последних сил. Каждый удар стоил невероятных усилий, таблетки уже не помогали. Каждый вздох мог оказаться последним. Хуже того: теперь, когда он вновь обрел себя, умирать было куда обиднее.

Мэг чувствовала, что ей давно пора в другое место. Туда, где все голубое. Пульсация туннеля

отдавалась в ее венах. На земле ей оставались считанные часы, если не минуты.

Для того чтобы добраться до Мохерских утесов, им предстояло пересечь всю Ирландию. Любой американец скажет вам, что Ирландию можно одним плевком переплюнуть, но Мэги—Лоури эта дорога показалась ужасно долгой — может, оттого, что в салоне автомобиля словно туман клубились печальные мысли.

Наконец через три часа, промчавшись сквозь множество живописных городков, они очутились у начала тропы, ведущей к Мохерским утесам. Тропа была закрыта. Об этом извещала табличка у входа.

— Закрыто? — усмехнулась Мэг. — Как можно закрыть утесы?

— А вот так, — ответил Лоури, показывая на цепь, протянутую перед въездом на автостоянку.

Предосторожность была не напрасной. Моросящий дождик превратился в ливень, а коварные порывы ветра раскачивали кузов машины из стороны в сторону. Молнии непрерывно сверкали в грозовом небе. Положительные и отрицательные заряды носились между небом и землею.

— М-да, — хмыкнул Лоури.

Внезапный сильный порыв ветра наверху вполне мог сбить с ног человека и швырнуть его в пучину океана. Не говоря уже о том, что, стоя на краю утеса, ты становишься идеальной мишенью для молнии.

Мэг прочитала мысли, мелькнувшие в голове старика.

— Ты прав, — сказала она. — Придется отказаться от этой затеи.

Лоури толкнул калитку плечом.

— Нет уж, отказываться мы ни от чего не будем. Хотя бы в этот раз.

И скрылся за пеленой ливня.

Святой Петр гнал прочь эти мысли, заставляя себя сосредоточиться на чем-нибудь другом. На рабочем столе, на райских птицах, порхавших вокруг, на величии туннеля. На чем угодно из того, что окружало его в течение последних двух тысячелетий.

Вмешиваться строго-настрого воспрещалось. Он знал это, и все же с каким бы наслаждением он вырвал эту душу из лап Вели. Несомненно, его адский коллега начал бы жаловаться и требовать его увольнения, но апостол был уверен, что оправдается. Если девочка заслуживает Рая, то она обязательно должна туда попасть.

Но все это были праздные размышления. Вмешательство попросту исключено. Всякий раз, когда бесплотные силы вмешивались, случались большие неприятности. Ангелам и смертным не по пути. У них различная природа. Как у воды и масла. Встречаясь, они не смешиваются и остаются сами по себе.

Совсем другое дело, если Вельзевул решился послать Душелова. Тогда и мы имеем моральное право выслать подмогу. Ведь все должны иметь равные шансы на спасение — Сын Человеческий неоднократно это подчеркивал. «Даже птицы небесные», — говорил он.

«Вельзевул не демон, — убеждал сам себя святой Петр, — а значит, наверняка не утерпел и послал Душелова за этой ирландской девочкой. В таком случае его прямая апостольская обязанность — направиться к выходу из туннеля и оценить обстановку.

Сомнительные аргументы, что уж тут говорить, но Петру за два тысячелетия уже изрядно наскучило сидение на мраморном троне.

Мохерские утесы способны произвести впечатление даже на того, кто уже побывал на том свете. Они вздымаются над океаном. Рваное полукольцо огромных глыб серого камня, нависающих над самым диким в Ирландии побережьем. Глядя на них, легко вообразить, что это — след, оставшийся после того, как гигантское доисторическое чудовище впилося зубами в гранитный берег и оторвало от него кусок.

Ветер норовил сорвать с Лоури блейзер и сбить его с ослабевших ног. Потоки дождя слепили его, он не видел, где кончается скала и начинается пропасть.

— Идем вперед! — кричал он, пытаясь перекрыть рев волн. — Идем, пока я не струсил!

Где-то впереди вдалеке виднелась круглая башня, возведенная на вершине самого высокого из утесов. Идеальное место для того, чтобы осуществить замысел.

— По-моему, нам туда, — предположила Мэг.

Лоури кивнул:

— В двадцать втором куплете особо подчеркивается: «плюнуть с самой верхушки».

Мэг сердито посмотрела на старика и в последний раз начала просачиваться в его голову. Это оказалось трудно. Очень трудно. Такое ощущение, словно карабкаешься куда-то по склону, покрытому скользкой грязью.

— Ты уже здесь? — спросил Лоури.

Вопрос уже сам по себе не сулил ничего хорошего. Ведь прежде он ощущал ее присутствие, ощущал ее молодость и энергию, но сейчас они оба ослабели в равной степени.

Мэг попробовала пошевелить пальцами на руках старика.

— Да, я здесь. Вот я. Только ты тоже не уходи. Мне одной туда не взобраться, мы должны действовать вместе.

И они пошли ветру навстречу. Следует сказать, что старые холостяки редко набирают приличный вес, поэтому Лоури весил не больше мешка, набитого перьями. Дельтаплан из него вышел бы отличный, а вот якорь — вряд ли. Казалось, что

даже ветер злобно хохочет, глядя на его тщетные усилия.

Но все же они медленно продвигались вперед, сначала присев на корточки, а затем даже встав на четвереньки. Мэг открыла рот, чтобы пожаловаться, но ветер тут же воспользовался подвернувшейся возможностью и запустил проворное щупальце сжатого воздуха в глотку Лоури, чтобы запихнуть туда пару-другую сухих листьев. После этого Мэг решила, что будет лучше совсем не открывать рта.

От Франко к тому времени осталась одна пустая оболочка. Отрыжка высасывал из него соки с такой скоростью, на которую только была способна кора его головного мозга.

— Вкусно! — урчал он, пуская слюни, и оранжевая жижа капала с его призрачных эктоплазматических клыков.

— Может быть, не стоит так торопиться? — заметил ВЕНИК, который безо всяких видимых усилий парил прямо перед ветровым стеклом «хонды». — Экономьте энергию для схватки. Когда мы выйдем в контрольную точку, вы должны учинить им кровавую баню.

— Если уж экономить энергию, то я, пожалуй, лучше отключу *тебя*.

ВЕНИК усмехнулся:

— Если вы меня отключите, то вам придется справляться с заданием самостоятельно. А это

примерно то же, что просить бабуина настроить видеомэгнитофон.

Это походило на оскорбление, но у Отрыжки не было времени, чтобы отвлекаться на подобные мелочи. А самое главное — не было сил. Соки Франко быстро иссякали. Теперь они истекали уже не струей, а редкими толчками. Отрыжка чувствовал себя как ребенок, вытягивающий последние капли кока-колы через соломинку. Схватка в этой ситуации обещала стать суровым испытанием.

Мэг осмотрелась, чтобы понять, как далеко они продвинулись.

— Не может быть! — простионала она. — Мы теперь дальше, чем были в самом начале!

Она знала, что это иллюзия, но все равно испытывала разочарование. Ливень теперь молотил из всех сил. Дождевые капли размером с леденец стучали в лысую макушку Лоури. Сердце старика колотилось, словно паровой молот в пустой комнате, а мышцы стремительно слабели оттого, что в них плохо поступала кровь. Поэтому Мэг делилась с ним своей жизненной силой, которой, впрочем, тоже не могло хватить надолго. Конец был близок.

— Давай, Лоури! — подгоняла она Маккола. — Плюй прямо здесь! Какая разница? Это же не Цецилию целовать. Просто плюнь, и поедем домой.

Лоури и сам обдумывал такую возможность. Он буквально убивает эту отважную девчонку — и

ради чего? Ради строчки из какой-то колыбельной! Мэг права: он просто старый дурак.

«Ладно, — подумал он. — Давай сделаем это прямо здесь».

— Наконец-то. Наконец ты начал головой думать.

Она развернула тело Лоури спиной к ветру и прислонила его к ограждению, шедшему вдоль края пропасти. Но ограждение отстояло от края на добрых полтора метра. Чтобы плюнуть вниз, нужно было перелезть через него.

— Помни, — сказал Лоури, — ты, может, и умеешь летать, но я пока что не умею.

— Не подкалывай меня, — огрызнулась Мэг, перелезая через ограждение.

Держась одной рукой за перила, она склонилась над бездной. Волны, казалось, сотрясали каменный склон мощью своих ударов. От зрелища этого перехватывало дух.

Мэг шмыгнула носом, стараясь собрать во рту побольше слюны.

— Сяс флюну! — пробормотала она и плюнула. Прямо на роскошные новые брюки Лоури, которые обошлись ему в двести фунтов. Ну почему ничего никогда не выходит с первого раза?

— Ну? — прорычал Отрыжка. — Что-нибудь видно?

— Подожди! — огрызнулась голограмма. — Не видишь, сканирую.

Мотоцикл, доставивший их к скалам, тарахтел на холостом ходу возле туристического центра. Электричество, скопившееся в атмосфере, создавало помехи для радара ВЕНИКа. Пришлось перейти в ультрафиолетовый диапазон.

— Они там! — наконец воскликнул он с торжеством в голосе. — На утесе!

Собачьи глаза Отрыжки, способные видеть в темноте, сразу же отыскивали добычу, стоявшую на самом краю утеса.

— Ну, теперь им не уйти, — осклабился Отрыжка, направляя «хонду» прямо на цепь, которая перегораживала путь.

Удивительно, как иногда бывает трудно плюнуть. Удивительно — если, конечно, не принимать в расчет того обстоятельства, что ты висишь на двухсотметровой высоте над прибором, перемалывающим камни в песок.

Мэг энергично пыталась набрать достаточное количество слюны, вызывая в памяти все те отвратительные сигары, которые выкурил Лоури. Уж это-то наверняка приведет к выделению влаги. Тем не менее и это не помогло. Во рту было сухо, как в пустыне. Казалось, вся жидкость в организме Маккола превратилась в пот и вытекла наружу.

— Это невозможно! — выкрикнула она в грозовое небо, и небо, словно возмущаясь вместе с ней, испустило молнию, которая ударила в мокрую

глину совсем рядом с Макколом, обдав его комьями грязи.

Мэг прикрыла лицо рукой и отвернулась, и в этот миг она увидела Франко, который мчался на мотоцикле по склону.

— Боже... — только и успела вымолвить она. Удивительно, что она успела хоть это.

Отрыжке только-только исполнилось шестнадцать лет, когда его разорвало в клочья. Права на вождение мотоцикла дают как раз с шестнадцати. В этом и заключался его план. Забраться в квартиру Маккола. Продать ворованное. Купить мотоцикл. И рассекать на нем по городу вместе с Риссолом. Круто!

К счастью для Мэг, ему так и не удалось осуществить задуманное. К счастью, потому что, если бы Отрыжка умел водить мотоцикл лучше, ему бы никогда не пришло в голову попытаться перепрыгнуть на нем через заградительную цепь. Он просто бы снес ее с ходу, и тогда все естественные и сверхъестественные участники конфликта рухнули бы в пропасть вместе с мотоциклом.

Однако Отрыжка управлял мотоциклом всего лишь третий раз в жизни, поэтому ему показалось, что он произведет неизгладимое впечатление на врагов, если перепрыгнет через ограждение прямо у них на глазах. Увы, для того чтобы выполнить этот трюк, требовался трамплин, а его-то в распоряжении Отрыжки как раз не было.

Колесо мотоцикла намотало на себя цепь ограждения, и двигатель взревел, как раненый зверь. Изможденное тело Франко перелетело через ограждение и рухнуло прямо на Маккола. Вся четверка покатила по размокшей от дождя глине напрямиком к краю утеса.

Но Мэг и Отрыжка этого даже не заметили, потому что не сводили глаз друг с друга.

— Тебе конец, Финн! — прорычал мальчигопес. — Ты отправишься в ад следом за мной!

Мэг поморщилась, когда пальцы Франко вцепились в лицо Лоури. Глядя в ненавистные глаза, она почувствовала себя снова живой.

— Проваливай! — всхлипнула она. — Оставь меня в покое!

— «Проваливай!» — передразнил ее Отрыжка. — «Оставь меня в покое!» Да, Мэг, ничему-то ты не научилась.

Сердце Лоури колотилось так быстро, что отдельные удары сливались, словно спицы на крутящемся велосипедном колесе. Дыхание перехватывало. Искры плясали перед глазами. И он чувствовал боль. Боль, от которой в глазах темнело.

— Давай! — прохрипела Мэг.

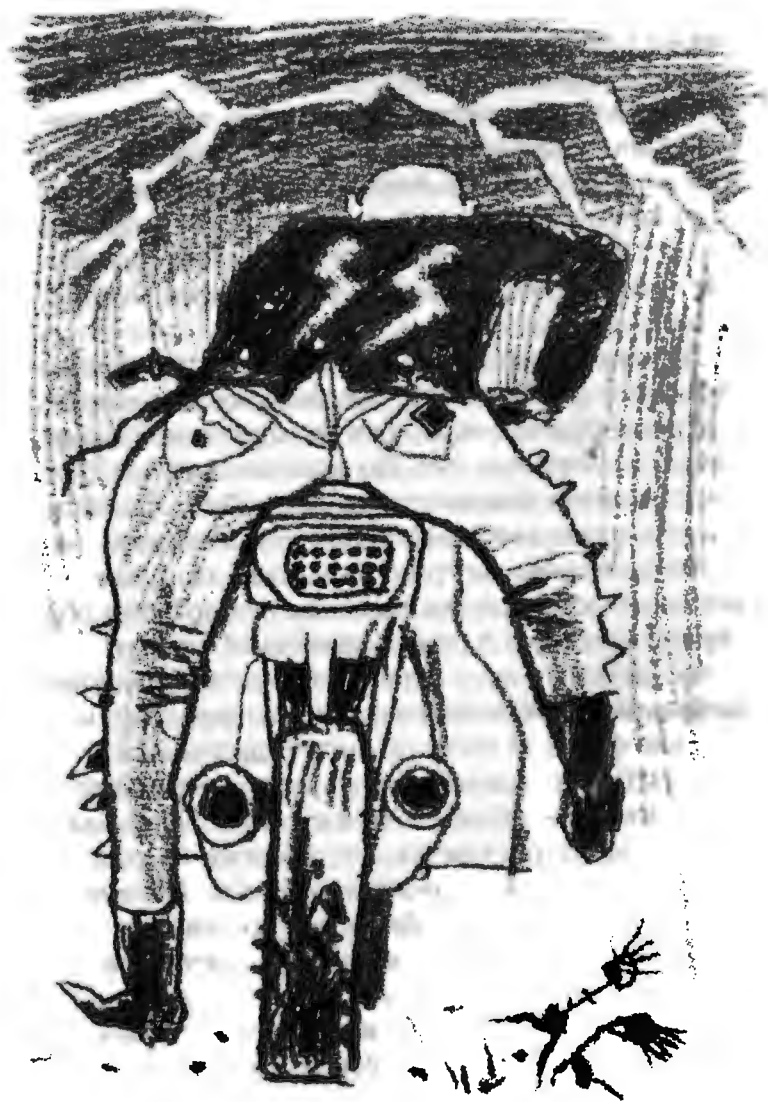
У Лоури не хватало сил даже ответить ей.

— Давай скорее! Я его задержу!

— Что?

— Давай плюй с утеса. Тогда мы победим.

Лоури мысленно кивнул ей. Мэг права. Спра-

виться с противником можно было, только исполнив Последнее Желание.

— Мы-то еще можем отделиться друг от друга, — прохрипела она, вложив весь свой остаток сил в то, чтобы ослабить хватку врага, вцепившегося ей в горло. — А вот ты уже не можешь, верно? Если Лоури доползет до края и плюнет, мы победили. И ты знаешь, что тогда случится с тобой, верно?

Зрачки Отрыжки расширились. Этого допустить было никак нельзя. Он лихорадочно шарил в черепе Франко, ища хотя бы одну последнюю каплю жизненных сил. Но мозг его жертвы был пуст. Энергия полностью иссякла. Дух Отрыжки был заключен в мертвой оболочке, как в скорлупе.

Лоури пополз по грязи. Боль уже завладела его ногами, и встать он все равно бы не смог. Стук его сердца сливался с ревом прибоя. И еще что-то пульсировало у него перед глазами. Что-то ослепительно голубое. Оставалось одолеть еще несколько футов. И тогда он умрет счастливым.

ВЕНИК бессильно взирал на происходящее. Изменить что-либо было не в его силах. Этот кретин Отрыжка растратил всю энергию, и теперь кибердемон мог только беспомощно парить в воздухе. Сама голограмма была не способна на физические действия. Она была, в сущности, только видимостью.

У темных сил оставался один-единственный шанс. И его никак нельзя было упускать. ВЕНИК

подлетел к распростертому телу Лоури и настроил свой цифровой спектрометр. Теперь ему достаточно было нажать на кнопку, чтобы перейти на волну другого человеческого существа. ВЕНИК настроил все ручки, скорчил гримасу и включил прибор.

Лоури поднял взгляд. Какое-то маленькое создание парило над ним. Не вызывало сомнений, что создание было злым. Устрашающего вида приспособления окружали его со всех сторон, а из одного его глаза исходил зеленый луч. Сердце Лоури остановилось. Это было уже чересчур для него, и оно не выдержало.

Поскольку Мэг была поглощена схваткой с Отрыжкой, ВЕНИК легко завладел Лоури.

— Нет! — закричала она, чувствуя, что с этим криком уходят ее последние силы.

Отрыжка тоже таял на глазах, но лицо его сияло от торжества.

— До скорой встречи! — хохотал он. — До очень скорой встречи!

Туннель разверзся у них над головами, пробив облака, как гигантская соломинка для кока-колы. Он всосал их, словно пылесос.

Мэг протянула руки, пытаясь ухватиться за своего подопечного; она звала Лоури, но тот ее уже не слышал. Системы в его организме отключались одна за другой. Живым оставался один только мозг, но видно было, что и это ненадолго.

ВЕНИК с жужжанием пролетел мимо девочки.

— Приятно было с вами познакомиться, — сообщил он. — Надеюсь, нам еще доведется поиграть за одну команду, как только я избавлюсь от этого кретина.

Но Мэг уже не слышала его слов. Она могла только чувствовать, как по ее щекам текут слезы — слезы по единственному, кроме матери, человеку, который смог полюбить ее. Все кончилось. И она проиграла. Как всегда.

Флит притулился у самого входа в туннель, как ему и велели. Все выглядело на первый взгляд просто. Немного помочь Петру — и ты внутри. Но так, чтобы никто ничего не знал. Это — основное условие.

Он видел все. Утес и грозу, а затем адскую тварь на мотоцикле. Увлекательное зрелище. Телевидение, наверное, это что-нибудь в том же духе.

Затем сущности всех участников схватки покинули тела, и туннель втянул их. Первым мимо пролетел Отрыжка: слюна капала с его ухмыляющихся губ.

— Добрый день! — вежливо поздоровался Флит.

— Гав! — неуверенно отозвался Отрыжка.

Затем появилась девочка. Она даже не заметила Флита, потому что все еще была связана с миром смертных. Ей нужно немедленно перестать за него цепляться, иначе она никогда не обретет покоя.

— Девочка, девочка! — закричал Флит, охваченный рыцарским порывом.

Мэг нехотя повернулась к нему. Лицо ее опухло от слез.

— Флит? — нерешительно переспросила она.

— Да, девочка, девочка. Флитти Флит Флит. Девочка помнить камешки?

Мэг наморщила лоб:

— Камешки?

— Да. Девочка не понимать простые, простые слова? Камешки. В кармане. Голубые камешки.

И тут Мэг вспомнила. Камешки. Флит дал ей два голубых камня, когда они познакомились. Камни жизни. «Запасные батарейки», — сказал он ей. Тогда она не поняла, что он имеет в виду, но теперь...

Она порылась в кармане. Камешки были по-прежнему там. Сверкающие и горячие. И как только пальцы Мэг прикоснулись к ним, вся ее сила вернулась к ней обратно. Туннель отступил, и его пульсация ослабла в ее жилах. И Мэг поплыла обратно к расprostертому на земле телу старика.

Мучительно сознавать, но Лоури действительно выглядел жалко. Ливень привел в негодность его новый костюм, а лицо было заляпано грязью. Он не дышал, но за правой его глазницей все еще теплилась оранжевая искра жизни.

Мэг приложила один из камней ко лбу старика. Камень мгновенно растаял, словно лед на сковородке. Эффект не заставил себя ждать. Лоури

резко открыл глаза и сделал такой вдох, какому позавидовал бы и глубоководный ныряльщик.

— Мэг? — с трудом выговорил он. — Я уже...

— Нет еще, — ответила верная спутница. — Ты жив. Не знаю, надолго ли это, но пока ты жив.

Лоури выплюнул изо рта пригоршню грязи и дождевых червей:

— А где эти... ну те, которые...

— Исчезли. Думаю, что навсегда.

— А как же ты?

Мэг пожала плечами:

— Не знаю. У меня оказался такой камешек. Он позволит мне еще побыть рядом с тобой некоторое время. Если ты, конечно, не против.

Лоури с трудом улыбнулся:

— Разумеется, я не против. Кто еще, кроме тебя, в состоянии выносить мое нытье?

Дело вроде бы шло к концу. Все разрешилось, все счастливы. Кроме Франко. Он лежал на земле воцепенении. Мертвым он не был, но и живым его нельзя было назвать. Вряд ли даже негодяй вроде Франко заслуживал такого страшного наказания.

Мэг поймала взгляд Лоури. Они оба знали, что следует сделать.

— До свидания, — сказал Лоури просто.

— Прощай, — пробормотала Мэг.

Надо было спешить, иначе ничего не выйдет.

Камень, положенный на лоб Франко, ушел внутрь, как в воду. И сразу же отчим Мэг помолодел на много лет, а в глаза его вернулся блеск жиз-

глава тринадцатая

ни. Он снова стал самим собой, но уже не таким, как прежде.

Мэг взяла голову Франко в свои руки и спросила:

— Ну что, теперь ты знаешь, чем это может кончиться?

Франко кивнул. Испытанные адские муки все еще были свежи в его памяти.

— Отлично. Никогда не забывай.

Франко закивал головой. Он не забыл бы этого, даже если бы захотел. Теперь он станет жить иначе.

Разумеется, пожертвовать камнем ради ненавистного отчима — это несомненное стопроцентное добро. Вспышка теплого белого света подхватила Мэг и нежно подняла ее к жерлу туннеля.

Глава XIV

Ныне и присно

Атлантический океан катил свои волны к Америке. Лоури смотрел на него, стоя у подножия круглой башни. Жить, любоваться природой — как это чудесно!

Теперь времени ему должно было хватить на все — он знал это наверняка. Мэг что-то сделала с ним, что-то дала ему. Он не знал, что именно, но твердо верил в то, что отпущенные ему дни жизни он не станет тратить на сидение в норе и нытьё. В кармане у него лежала карточка с номером Цецилии Вард, а на его «Визе», несмотря на все траты, еще оставались кое-какие деньги.

Отважный лучик солнца, пробившись сквозь густые тучи, коснулся лица Лоури.

— Спасибо, подружка, — прошептал он, адресуясь к небу, а затем плюнул вниз с Мохерских утесов.

Мэг приближалась к развилке. Вверх или вниз? Наставал момент истины. Она зажмурилась от жара, исходившего из адских врат. Покрытые копытью твари гарцевали у входа на раздвоенных копытцах, вонзая острые вилы в несчастные проклятые души. Мэг затаила дыхание, ожидая, что невидимая сила потянет ее вниз. Но этого не случилось. Она проплыла мимо. Мэг с облегчением улыбнулась. «Мама! — подумала она. — Я лечу к тебе!»

Один из «слизней» внезапно отделился от стены и прыгнул, подхваченный горячими потоками. Это был Отрыжка. Он не мог противиться притяжению ада, но тем не менее решился на отчаянный прыжок...

Отрыжка уцепился за Мэг. С его слюнявых губ срывались какие-то бессмысленные звуки.

— Финн, — бормотал он. — Финн падать вниз.

Терпение Мэг лопнуло. Она была сыта этим по горло. После всего, что произошло, Отрыжка все еще надеялся одолеть ее! Психология питбуля. У нее не оставалось другого выхода.

— Отрыжка! — крикнула она, замахиваясь для пинка ногой в тяжелом ботинке. — Проваливай ко всем чертям!

Она изо всех сил пнула мальчикопса по его мокрому носу, и тварь, которая некогда была Отвержкой Бреннаном, штопором устремилась навстречу адскому пламени с именем Мэг на устах, словно с молитвой. Или с проклятием.

Настала пора отвечать за проделанную работу. Вельзевул отчаянно шевелил мозгами, обдумывая, как бы представить начальству в положительном свете всю историю с Финн. Хозяин велел ему подождать в приемной. Нехороший знак.

Оскароносная платиновая блондинка наконец сообщила:

— Повелитель Тьмы готов принять вас, — и нажала на кнопку, открывавшую дверь в кабинет.

Вельзевул подумал, не распылить ли ее на атомы в наказание за непочтительный тон, но Хозяин питал слабость к своим секретаршам. Некоторым из них удавалось продержаться целую неделю, прежде чем их отправляли на свалку. В буквальном смысле.

Сатана сидел в углу кабинета перед игровой видеоприставкой.

— Сдохни, сволочь инопланетная! — кричал он в запале, заламывая неуклюжие пальцы.

— Кхе, — кашлянул Вельзевул.

Сатана застыл. Вельзевул тоже. Возможно, привлечь к себе внимание Повелителя Преисподней при помощи кашля было в некоторой степени наглостью.

— Я из-за тебя одну жизнь потерял, Веля.

— Тысяча извинений, Хозяин, — проквашало второе по значению лицо в аду. — У меня важные новости.

Люцифер встал и прошелся по мраморному полу. Сегодня он был одет подчеркнуто небрежно — в спортивную фуфайку и тренировочный костюм.

— Надеюсь, они касаются этой ирландской девчонки?

Вельзевул сглотнул слюну:

— Да, Хозяин.

— Хорошие новости?

— Ну, что касается текущего момента... то не очень.

Дьявол бросил на своего подручного испепеляющий взгляд.

— Но мы получили очень ценный урок на будущее.

Сатана снисходительно поднял бровь:

— Это какой же?

— Э-э-э... мы поняли, что не стоит доверять всем этим голофрагмам, или как их там, которые изобретает этот умник Миюши. Одна из них отказала в самый критический момент, что привело к провалу всей операции. И это в тот момент, когда мы, слава Б... Бесу, затащили ее уже в самый туннель.

Люцифер постучал когтями по крышке стола:

— Так, значит, мы затащили ее в самый туннель, да?

— Аура была красной, как кетчуп, Хозяин.
Сатана принял решение.

— Этот Миюши что-то слишком много о себе возомнил. Отправь его в Реку Нечистот на пару столетий. Нам как раз пора менять там фильтр.

— Будет сделано, Хозяин, — склонил голову Вельзевул, чтобы шеф не заметил его радости. — Исполню немедленно.

Он поспешил к двери. Он знал, что уходить надо, пока отпускают.

— Кстати, Веля...

Демон напрягся, ожидая, что сейчас его ударит между лопаток испепеляющий электрический разряд.

— Да, Хозяин?

— Сегодня мы ожидаем прибытия одного кинорежиссера. Мастер фильмов ужасов — темные супергерои и все такое в этом роде. Мне очень хотелось бы посмотреть, не сможет ли он нам помочь обновить наш интерьер. Встреться с ним лично.

Дьявол сделал паузу, чтобы щелкнуть суставами пальцев.

— Не провали дело на этот раз, Веля. Иначе придется тебя отправить развлекать Миюши, чтобы ему не было скучно одному фильтровать дерьмо.

Вельзевул раболепно поклонился. «Вечно эти театральные эффекты, — подумал он. — Просто жить без них не может».

— Просто не знаю, что и делать, — сказал Петр, водя кончиком пальца по экрану своего новехонького компьютера (Недавно в Рай, наконец, пустили программиста.). — Для малолетней у тебя список грехов еще тот. А в колонке благодарений почти пусто.

Мэг старательно изобразила на лице всегда выручавшее ее в трудную минуту выражение, которое следовало понимать как «Я — паинька», но Петра этим трудно было провести.

— Посмотри-ка сюда. Магазинные кражи. Мошенничество. Вандализм. Прогулы. Я бы прочитал все, да на экране не помещается.

— А вы курсор передвиньте, — посоветовала Мэг.

— Прошу меня не учить! — рявкнул Петр, что не очень-то вязалось со святостью. — Я кое-что пытаюсь тебе втолковать. Но ты ведь никогда не молчала, когда тебя просили старшие, верно?

— Не-а, — согласилась Мэг вместо того, чтобы промолчать хотя бы теперь.

— А потом ты еще пнула этого несчастного Отрыжку, верно? Насилие в туннеле. Думаю, первый случай за всю историю Вселенной. Впечатляет, верно? Такого я даже от тебя не ждал.

Мэг пробормотала что-то, на ее взгляд, похожее на извинение.

— Да, прямо-таки не знаю, что делать. Говорят, ты дала камень жизни своему отчиму?

Мэг кивнула, решив на этот раз промолчать.

— И ты помогла одному смертному исполнить его Желания?

Мэг снова закивала головой — на этот раз энергичнее.

Петр снова начал задумчиво теревить бороду. Смотреть на это было даже тяжелее, чем ждать, выпадет ли твой номер в лотерее или нет.

— Ну что, тогда ладно, пожалуй.

Петр запустил руку под стол и нажал на кнопку. В небе открылось отверстие в форме двери.

— Знаю, знаю, — буркнул Петр, — на Жемчужные врата это совсем не похоже. Но как брэнд «Жемчужные врата» звучат гораздо убедительнее, чем «Дырка в небе».

Мэг снова кивнула. Похоже было, что в разговоре с Петром это была самая верная тактика.

Петр поманил Мэг пальцем, и она подлетела к нему.

— Войди в дверь, — сказал он ласково. — Похоже, там тебя уже кое-кто ждет.

И Мэг Финн поплыла к разверзшейся в небе дыре. В проеме появилась какая-то фигура. Мэг еще не могла различить ее лица, но сладкий запах жасмина, донесшийся до нее, объяснил ей все.

Оглавление

<i>Глава I. Криминальный дуэт</i>	7
<i>Глава II. Мертвее мертвых</i>	26
<i>Глава III. Неокончателная кончина</i>	42
<i>Глава IV. Незванные гости</i>	57
<i>Глава V. Как навести красоту</i>	90
<i>Глава VI. Поцеловать Цецилию</i>	118
<i>Глава VII. Футбольное безумие</i>	146
<i>Глава VIII. Два-два</i>	169
<i>Глава IX. Грустная история</i>	201
<i>Глава X. Врезать Рейки</i>	223
<i>Глава XI. Желание в запасе</i>	236
<i>Глава XII. Двойная месть</i>	254
<i>Глава XIII. Схватка над пропастью</i>	280
<i>Глава XIV. Ныне и присно</i>	312

детям до шестнадцати

Оуэн Колфер

Четыре желания

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Директор издательства *В. Горностаева*

Ответственный за выпуск *Е. Пучкова*

Редактор *Е. Чевкина*

Художественный редактор *Т. Добровинская-Владимирова*

Корректор *Г. Володина*

Компьютерная верстка *Л. Силицына*

Изд. лиц. № 02194 от 30.06.2000.

Подписано в печать 11.05.2004.

Формат 84х108¹/₃₂

Бумага газетная пухлая. Гарнитура «Гармон».

Печать офсетная. Усл. печ. д. 16,80.

Уч.-изд. л. 11,52. Тираж 10 000 экз. Заказ № 298.

Издательство «Иностранка»

119017, Москва, Пятницкая ул., 41

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ФГУИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru